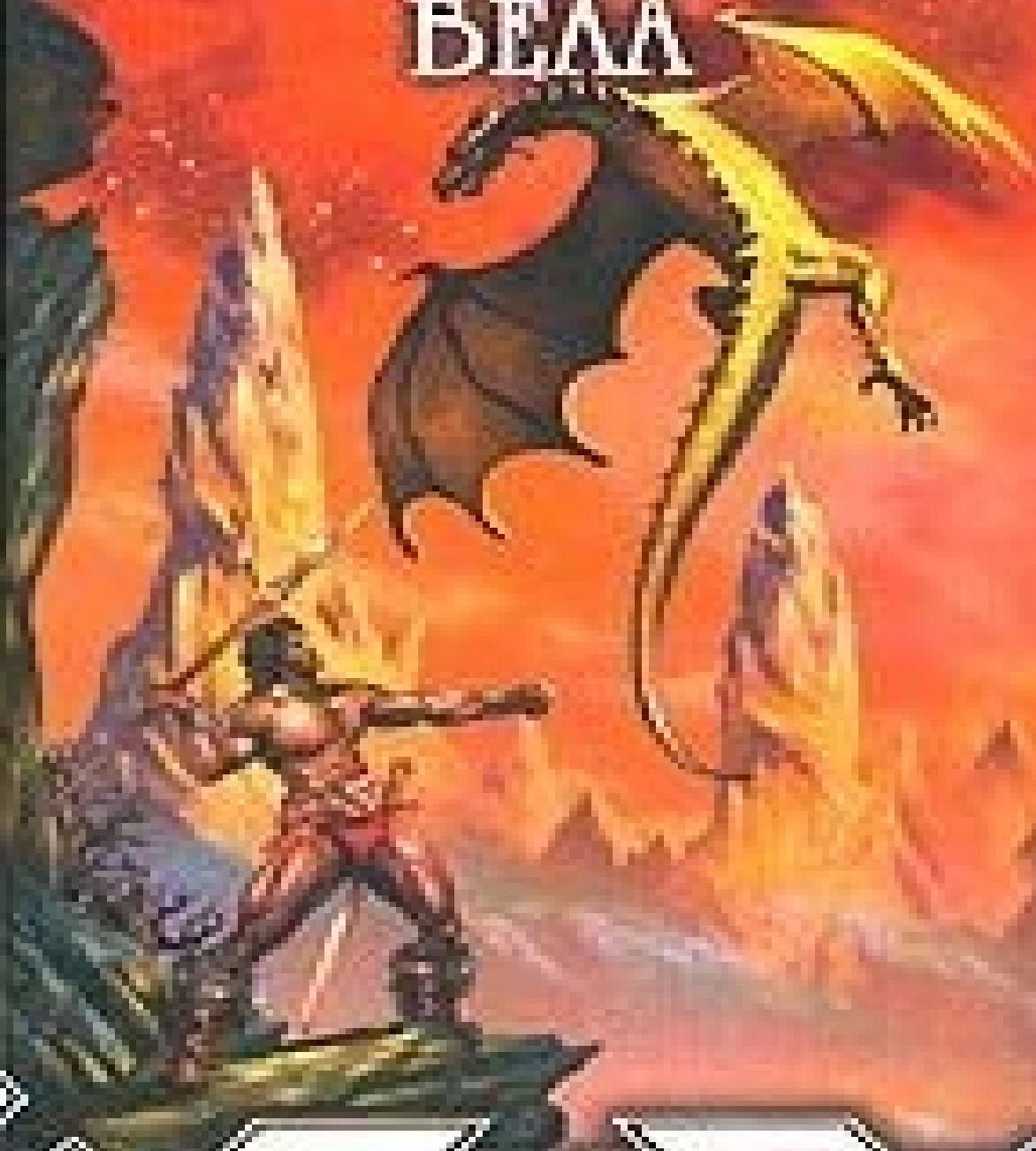

КОНАН И МЕСТО БЕЛА

Annotation

В новом томе "Саги о Конане" читателя ждет знакомство с новым романом Джеффри Арчера – "Месть Бела". Удачливый вор, киммериец, сам того не желая, наносит оскорбление божеству-покровителю Шадизара. В ответ Бел предлагает варвару сделку. Но можно ли надеяться, что Великий Обманщик хоть раз в жизни станет играть честно?..

Авторство книги принадлежит не английскому писателю Джеффри Арчеру, а русскому писателю, скрывшемуся под этим псевдонимом.

-
- [Джеффри Арчер](#)
 - [ЧАСТЬ 1. Шадизар](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [ЧАСТЬ 2. Дзадишар](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [ЧАСТЬ 3. Жажзар](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [ЧАСТЬ 4. Чзачжигар](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
-

КОНАН

Джеффри Арчер

Месть Бела

(Конан – 88)

(«Северо-Запад Пресс», 2003, том 88 «Конан и мечь Бела»)

Кристоферу Гранту и Натали О'Найт – с благодарностью за подаренный сюжет.

ЧАСТЬ 1. Шадизар

Глава первая

Уж кто-кто, а обитатели домов, окружающих огромную площадь в центре квартала Виноделов, эту неделю не знали покоя ни днем, ни ночью. Съехавшиеся со всех концов Заморы, а также из всех сопредельных стран, а также из стран далеких и очень далеких виноторговцы и виноделы разбили свои палатки именно на этой площади, – как поступали из года в год, кажется, целую вечность. И не было тут лишь вина с небесных плоскогорий, с виноградников миров иных, миров, до поры запретных для людей, из лозы, возвращенной Митрой, Иштар или Сетом. А может, даже и оно было.

Из толстобоких бочек не переставая били янтарные, пурпурные, прозрачно-белые, молочно-белые, сливовой синевы и иных цветов винные струи. Из источаемых ими ароматов над площадью квартала Виноделов складывался неповторимый букет, вдыхая который, алчно и сладострастно раздувались ноздри винолюбов. И винолюбы устремлялись вперед, стремясь попробовать все.

Тут было что вкусить. И шемское игристое, ласково щекочущее язык, отправляющее ноги в пляс, а ум на отдых; и терпкое красное купажное с солнечных склонов Карпашских гор, выводящее хворь и проясняющее мысли; и знаменитое хаббатейское крепленое десятилетней выдержки, запретное для не достигших мужеской зрелости юношей, многократно усиливающее чувственность; и крепкие бритунские вина для желающих поскорее уснуть; и даже редкое и дорогое белое вино из монастыря Ликун, способ изготовления которого держится в строжайшем секрете, а напиток этот пробуждает чудесные видения. И еще множество иных вин...

Жители Шадизара и гости Шадизара каждый день на этой неделе начинали с посещения площади в квартале Виноделов, а многие и заканчивали тем же. А некоторые, придя, так и не уходили никуда, перемещаясь от бочки к бочке. Благо, на этой неделе любое вино стоило гораздо дешевле, чем в остальные дни года.

Не только вином изобилывал Шадизар в эти дни, но и прочими товарами, какие только существуют в подлунном мире. И цены на все продаваемое понижались против обычных. Так повелось давно. С тех пор, как впервые в городе прошел праздник Весеннего пробуждения Ашторех.

Празднества начинались в первый день осени и длились неделю. Неделя беспошлинных ввоза товаров и торговли, неделя низких цен – это

привлекало в столицу Заморы одних. Неделя нескончаемого веселья – это привлекало всех остальных.

Шел второй день очередного дня Весеннего пробуждения Ашгорех. На песок площади в квартале Виноделов, вобравший в себя за эти годы столько винных капель, сколько не в каждом море насчитается, ступил среди прочих утренних посетителей «винного городка» юноша, который выглядел гораздо старше своих восемнадцати лет. Он же – уроженец горной Киммерии, давно живущий вдали от своей земли. Он же – прирожденный воин, вынужденный зарабатывать себе на жизнь воровством. Конан, так звали молодого северянина, сразу выделялся в любой толпе – высоким ростом, могучим сложением, смоляной чернотой волос, полыхающей синевой глаз.

Вроде бы и занимался он среди палаток, бочек, да деревянных непустеющих кружек тем же, чем все, вроде бы и пришел за тем же, что и остальные, а нечто отличало его и кроме внешней броскости. Нечто, что мог подметить лишь пристальный взгляд, – каким мало кто на площади мог похвастаться. А отличие-то было серьезное.

В его движениях, в его глазах сквозила странная отрешенность, словно он только наполовину, только телесно находился в этом мире, а душа его где-то заблудилась. Если остальные оказались в центре квартала Виноделов в поисках веселья, забытья или в силу природной склонности к крепким напиткам, то молодой киммериец искал, похоже, другого. Может, он пытался вернуть себя полностью в бренный мир, вином избавиться от давящего невидимого груза и вновь обрести утраченную ясность и простоту? Кто знает...

Шадиزارцы и гости их города, сумевшие покинуть наконец квартал Виноделов, разбредались кто куда. Занять себя было чем. Например, совершить увлекательные прогулку по торговым рядам, занявшем на неделю пол-Шадизара, где только успевай охать, ахать, щупать, вертеть, приценяться и тратить деньги. Или отправиться на Невольничий рынок, раскинувшийся на землях знаменитой Пустыньки, где, если и не прикупишь себе новых рабов или рабынь, то вдоволь насмотришься на то, какие люди живут на свете и во что одеваются, досыта наговоришься о том, что держать рабов нынче обходится дорого, а те работать ленятся, зато жрут в три горла. Или, допустим, пойти к саду Ста и одного фонтана и развлечь себя, посмотрев выступления циркачей и танцовщиц, послушав певцов и сказителей. Или, если в порядке сердце и достаёт мужества, можно выйти за городские ворота и держать путь по Большому тракту в сторону Шагравара. Немного не доходя до трактира старины Хоорса

«Пьяный вепрь», на огромном лугу, называемом местными жителями Кровавым полем, собравшиеся в Шадиаре по случаю праздника маги из тех, кто что-то умеет и испытывает нужду в деньгах, вызывают и показывают за невеликую плату простому народу ужасных демонов из Темных миров.

А разве возможно не заглянуть в один из пестрых шатров, украшенных красным флажком? Ведь какие только любовные искусницы из каких только стран не прибывают с этими бессчетными караванами!

Но настоящий мужчина, то есть тот, в ком бродит дух соперничества, борьбы и азарта, не обойдет, конечно, и пустырь, что находится сразу за последними домами Западной окраины города. Там во время праздника проходят состязания, и каждый может испытать себя в чем угодно или просто проверить свою удачливость. А выглядит это так. Некто ходит по пустырю и вызывает желающих посостязаться с ним, скажем, в беге или борьбе на руках, или в том, кто быстрее съест жареного поросенка, или в том, кто дальше метнет тележное колесо, или... да что только не придумывают! Желаящие принять вызов почти всегда отыскиваются. При участии оказавшихся рядом людей обговаривают условия спора. А именно,- кто сколько денег ставит за себя. Вручив нужные суммы доверенному лицу, окруженные собравшейся толпой зрителей, которые делают свои ставки на участников единоборства, спорщики приступают к состязанию. Всем весело и интересно. Кроме проигравших.

Около огороженного участка, на котором, не прекращаясь, заезд за заездом проходили скачки, толпилось больше всего людей. Едва ли не такой же интерес вызывали питейные состязания.

За огромный сосновый стол, доски которого пропитались пролитым вином не хуже, чем печень убежденного пьяницы, садилось по десять человек. Им вручались кружки одинаковой емкости. Кружки те наполнялись дешевым и слегка прокисшим, но зато бесплатным для десяти участников вином из бочки, стоящей рядом со столом и с дневным запасом таких же бочек.

Хозяин бочек, вина и кружек сам принимал ставки от окружающих стол азартных зрителей и выдавал выигрыши, получая, разумеется, от этого свою долю. Он, хозяин, очень неплохо зарабатывал на этом развлечении, суть которого была проста: кто из десяти поглотителей дармового вина последним упадет под стол, тот считается победителем.

Новая десятка заняла места за столом и получила кружки, которые наполнили по первому разу.

Если кто-то из зрителей с утра посетил площадь Виноделов, а сейчас,

в полдень, оказался возле винного стола, то этот кто-то мог среди взявших в руки кружки узнать приметного черноволосого, голубоглазого гиганта. Да, Конан, варвар из Киммерии, был одним из десяти пожелавших испытать себя на поприще винопития.

Но вот что странно: похоже, утреннее посещение «винного городка» никак не отразилось на молодом северянине. Его лицо по-прежнему хранило мрачное выражение. Он казался целиком погруженным в себя, в свои беспокойные думы. И самое любопытное – он вроде бы остался трезв.

Другое дело его соперники – девять беззаботных, веселых, уже слегка хмельных соискателей почетного звания «перепившего всех». Один из которых выбыл из борьбы после первой же кружки. Видимо, ее-то ему и не хватало.

Строго напротив Конана сидел крупный полный мужчина, раза в два старше киммерийца, с длинными, ухоженными русыми кудрями. Просторная, в бесчисленных складках одежда из дорогого пунцового бархата, да медальон на массивной золотой цепочке, украшенный непонятными символами и драгоценными камнями, наводили на такие вопросы: а уж не жрец ли обладатель всего этого добра, и даже если не жрец, то зачем ему дешевое кислое вино? Человек этот без труда и без видимых последствий, зато с видимым удовольствием опорожнял кружку за кружкой, после каждой подмигивал киммерийцу и отпускал какую-нибудь шутку. Вот он-то и остался вместе с Конаном за «игровым» столом после шестой кружки, выбившей последних их соперников.

Им предстояло теперь между собой определить лучшего поглотителя вина.

Конан так и не понял, кто из них победил. Наверное, потому, что ему это было глубоко безразлично. И еще потому, что после очередной, неизвестно какой по счету кружки люди и предметы этого мира утратили четкость очертаний, перемешались и пустились в разудалый пляс...

Питейное состязание, видимо, закончилось. Замелькали улицы, одежды, лица, подвалы, бочки и кружки, другие улицы и другие подвалы. Сначала он узнавал знакомые места, потом перестал узнавать. Как перестал различать вкус поглощаемого вина.

И почему-то все время рядом с ним обнаруживался тот белокурый весельчак с медальоном. Неужели они еще не все выяснили между собой? Ведь они давно ушли с того пустыря. А ушли ли? Да какая разница...

Люди и предметы все больше расплывались, превращаясь в цветочные пятна. Вместо всяких разных звуков уши наполнил нестихающий, однообразный звон.

Наконец мир свернулся в воронку, смерчеподобно вращающуюся со все возрастающей скоростью, и...

* * *

...Винить в своем пробуждении он мог и птиц, чей жизнерадостный щебет ворвался в уши, и солнечные лучи, ударившие по глазам, и требовательную жажду, беспокоившую даже во сне, и то, что считается обратным жажде и не менее требовательно. Конан проснулся. И обнаружил себя лежащим на сене в каком-то сарае с маленькими окошками, сквозь которые, как через бойницы, лупили по нему лучи дневного светила.

Конан попробовал и не смог вспомнить даже, в Шадизаре ли он. Ох, и надрался же... Впрочем, Конан и хотел того – до полного самозабвения, так, чтобы потопить в вине все, что лишило его в последние дни покоя и уверенности.

Он поднялся. Стоило киммерийцу утвердиться в вертикальном положении, как голову пронзила такая боль, будто по ней шарахнули боевым молотом. А когда он нагнулся, чтобы подобрать лежащий на дощатом сарайном полу спой верный двуручный меч в ножнах лошадиной кожи, то поплохело настолько, что его чуть не вывернуло наизнанку. Конан поспешно выбрался через незапертую дверцу сарая на улицу, на свежий воздух. Который северянин тут же вдохнул полной грудью.

Солнце было утреннее, не взошедшее пока на вершину своей небесной горы, не жарящее, а лишь согревающее, до поры благодушно приветливое. Дул сильный ветер, что пришлось как нельзя кстати. Ветер освежил вышедшего из сарая человека с чернотой под глазами; человеку сделалось полегче.

Конан осмотрелся. Покинутый им сарай примыкал к дому – добротному, двухэтажному, без всяких колонн, лепных украшений, статуй и прочих распространенных замысловатостей, с плоской крышей, окруженному густым яблоневопишневым садом. В таких домах в Шадизаре обычно проживали купцы и преуспевающие ремесленники. Недалеко от того места, где стоял северянин, располагалась небольшая терраса, а на ней – стол с напитками и закусками, которые поглощал человек, показавшийся Конану знакомым. Человек этот увидел киммерийца и призывно махнул рукой, приглашая к столу. Северянин двинулся в его

сторону, не видя причин отказываться от предложения и постепенно вспоминая, откуда он знает завтракающего на террасе. Пустырь на Западной окраине, питейное состязание, в которое он ввязался из-за бесплатного вина (последние свои деньги он оставил на площади Виноделов), и этот упитанный, улыбающийся винолюб напротив. Тогда, припомнил Конан, он был одет в темно-красный балахон, а на груди болталась дорогая безделушка на золотой цепи. Безделушка болталась и сейчас, балахон тоже имелся, но другой – безукоризненно белый.

– Привет тебе, Конан из Киммерии! – Такие слова встретили северянина, когда он вступил на террасу.

Варвар, с трудом ворочая языком, пробормотал что-то приветственное в ответ и плюхнулся на гостеприимно отодвинутый вчерашним винолюбом стул.

– Извини, приятель, твое имя я позабыл, – добавил Конан.

Безымянный приятель понимающе усмехнулся, поставил перед вчерашним соперником тонкостенную серебряную чашу и занес над ней бронзовый кувшин с горлышком в виде змеиной головы.

– Рекомендую. Не заметишь, как вылечишься. Розовое полусухое с добавленной для оживления умирающих пыльцой зархебского папоротника. Особое утреннее вино. В этом доме его держат как раз для подобных случаев. Вдобавок охлажденное. – И за сим из разверзнутой змеиной пасти зажурчало, перетекая в чашу, полусухое. Недолго оно было в чаше. Уже то, что напиток обещал польхажущему горлу остужение, а сухости во рту – смягчение, обязывало поскорее выпить его. Что Конан и сделал.

Как после душного дня окунувшись в прохладный вечер, как после погони почувствовав сейм и безопасности, киммериец испытал огромное обличение. Жажда отступила, пожар в горле угас. Но этим чудеса не закончились. Стремительно, как вода из бочки с пробитым днищем, уходила из его головы боль. Ей на смену заступали ясность ума и легкое, веселящее опьянение. Тело ощутило прилив сил, даже появился аппетит.

Все было бы совсем чудесно, если б еще забылось то, что он пытался винным потоком заглушить вчера (да и не только вчера). Но то не уходило, копошилось на дне души, как копошатся черви в сердцевине переспелого яблока.

– А имя мое Симум, – напомнил о себе сотрапезник. – Вижу, ты ожил.

– Благодарю, вино у тебя и вправду чудодейственное. Это твой дом?

– Нет, не мой. До моего мы бы вчера не добрались. Это дом одной моей знакомой... очень близкой знакомой.

– Не бедная знакомая, – заметил Конан, щелкнув по серебряной чаше и кивнув в сторону дома.

– Не бедная, – согласился назвавшийся Симуром. – Она – хозяйка «Розовых льдинок», где самые симпатичные в Шадизаре толстушки.

Киммериец улыбнулся, показывая тем самым свое знакомство с упомянутым заведением.

– А симпатичнейшая из толстух, – продолжал Симур, – разумеется, сама хозяйка. Она, едва поднялось солнце, убежала, хлопотунья, к своим девочкам. В эти дни, пока идет праздник, у них уйма работы.

Выступающий в роли хозяина друг хозяйки дома наполнил свой и Конана сосуды целебным полусухим.

– Что это за место? – спросил киммериец, одним глотком осушив полчаши и потянувшись к блюду с халвой.

– Купеческий квартал.

– Ого, куда занесло. Хотя, впрочем...

– Хорошо, не занесло в тюремные подвалы. – Улыбка растянула полные щеки человека в белых одеждах. – Еле успели унести ноги перед самым носом у нагрянувших стражников. Может, помнишь славную потасовку в «Гремучих змеях»?

Конан отрицательно pokrutil головой.

Возникла пауза. Северянин допил свое вино. Делать ему в этом доме было уже вроде и нечего. Поспал, попил-поел, чего боле? Зачем людям мешать? Киммериец надумал уходить.

– Рассказывай, – заявил вдруг новый приятель Конана.

– Что?! – вырвалось у киммерийца, и это был скорее не вопрос, а угроза.

– То, что хочешь рассказать. – Человек в белых одеждах уже не сидел, отвалившись на спинку высокого стула, а навалился на стол, приблизив тем самым себя к собеседнику, и смотрел ему прямо в глаза. – Ты так и хочешь медленно сходить с ума?! Ты думаешь в одиночку справиться со своими мозгами?!

Конан встал. Угрожающе белели костяшки сжатых кулаков. Его меч прислонен к перилам террасы – только руку протяни. Но для того, чтобы вырвать длинный язык из глотки этого наглеца, меч не понадобится.

– У тебя пока нет причины впасть в ярость, Конан из Киммерии. Прежде разберись – друг я тебе или враг, хочу я тебе помочь или желаю зла. Садись спокойно, и поговорим. – Человек в белых одеждах не отпуская взглядом взгляд варвара.

Конану не нравилось, когда с ним так говорят – как с недоумком. Он

едва сдерживал выплеск своего гнева. Но еще немного, и он возьмет за грудки этого самодовольного болтуна. Не хватало капли. Пока северянин лишь со злостью проговорил:

– Мне от тебя ничего не нужно, незнакомец. Тебе что-то нужно от меня?

Симур понимал, что варвар на грани, еще толчок с его стороны, и дикарь станет неуправляемым, подчинится своей клокочущей ярости. Надо быть аккуратней. Он легко добился того, что киммериец рассвирепел. Собственно, как и предполагалось, это было не трудно сделать. Теперь, чтобы заставить этого любопытного дикаря заговорить, следует успокоить его, и, когда раздражение спадет, он, как и всякий другой после бурного выброса эмоций, сделается на время мягче, податливее. Тогда его без труда можно будет вызвать на откровенность. Симур сказал:

– Я тебе нужен. Но ты пока не знаешь об этом. Я сейчас все объясню. Выслушай меня, а потом этого вынеси свое суждение – стоит ли нам продолжать этот разговор, нужен ли он тебе и мне. Я так думаю, что нас свели вчера боги, отвечающие за пересечение человеческих судеб.

То ли невозмутимое спокойствие собеседника передалось киммерийцу, то ли северянину просто некуда было спешить, а, может, от того, что в последние дни Конан был не похож сам на себя, но гнев варвара, если не пошел на убыль, то хотя бы остановился на достигнутой точке кипения, что позволило ему сесть на прежнее место и произнести:

– Начни, а я послушаю. И Симур начал:

– Сперва обо мне. Имя мое тебе теперь известно. О моем отце ты, мне думается, что-нибудь да слышал. Это никто иной, как бывший градоправитель Шадизара. Да-да, это так. А ни ростом, ни цветом лица и волос я не похож на заморийца благодаря своей матери – она родилась и выросла в Бритунии. Откуда ее и привез отец, вернувшись из набега на бритунские города. Сперва она была одной из его многочисленных наложниц. Потом стала любимой наложницей. Еще какое-то время спустя, когда отца назначили градоправителем, он подарил матери свободу, дом в квартале, где проживает знать, и пожизненное содержание – ей и своему сыну, то есть мне. Таким образом, я был избавлен от забот о хлебе насущном и мог проживать жизнь по своему усмотрению. Этот медальон, кстати, от отца. На нем его фамильный герб.

– Зачем ты мне об этом рассказываешь? – недовольно перебил рассказчика Конан.

Человек в белых одеждах умоляюще приложил руку к груди:

– Еще немного, и ты поймешь. Позволь мне закончить. Дело в том, что

я посвятил свои пролетевшие сорок с небольшим лет такому занятию, как постижение законов, по которым живет этот мир, постижение сути человека, постижение причин и основ всего сущего. Бессчетное количество прочитанных книг, бесед с людьми, знающих о чем-то гораздо больше иных, часов, проведенных в размышлениях. И как результат всего этого – смею сказать, я достиг некоего Знания, позволяющего мне считать себя если не мудрецом, то человеком, разбирающимся лучше многих в тайнах и загадках этого мира и человека.

– Ну и что? – Улегшееся было недовольство киммерийца вновь нарастало, поскольку пока он не мог взять в толк, зачем ему нужно сидеть и выслушивать рассказы какого-то там сына градоправителя и бритунки.

– Немного терпения. Теперь о тебе. Если я ошибся, если то, о чем я скажу сейчас лишь мое заблуждение, то прими мои извинения, и мы закончим этот разговор. Сегодня утром я обдумал наши вчерашние похождения, наши бессвязные пьяные беседы... Тебя что-то мучает, Конан из Киммерии, что-то не дает тебе покоя, да? Что-то, не так давно происшедшее с тобой, потрясшее тебя настолько, что ты перестал быть самим собой. Утратил прежнюю уверенность в себе. То, что произошло, не отпускает тебя, преследует, ты только об этом и думаешь. А больше всего ты думаешь: «А не схожу ли я с ума? Не становлюсь ли одним из тех ненормальных, что бродят по городу в нелепых одеждах и несут всякую чушь? Не заболел ли мой мозг?»

– Что я тебе вчера наговорил? – Из смятого рукой Конана серебряного кубка выплеснулись остатки недопитого вина.

– Ничего. Ничего особенного. Но я подумал, сопоставил... Видишь ли, каждый человек, каким он уж получился, таким и ходит по этой земле. И говорит, и делает все так, как это ему свойственно. А ты... уж прости, ты, каким я тебя увидел вчера, все делал и говорил не так, как присуще тебе... Например, беспричинный мрачный запой, когда пьют только ради опьянения вусмерть, не свойственен тебе...

– Откуда ты знаешь, какой я? Симур пожал плечами:

– Я могу, конечно, заблуждаться, как и всякий из нас, но мне показалось, я понял, кто ты есть. И что сейчас в тебе что-то сдвинулось. Именно сейчас, потому что такие люди, как ты, или быстро справляются с любого рода трудностями, или побеждаются ими. А в тебе сейчас идет борьба. Значит, как раз недавно что-то произошло. И еще. Вчерашняя потасовка в «Гремучих змеях» возникла после того, как ты схватил без всякою к тому повода одного из наших случайных собутыльников с возгласом: «Думаешь, я сумасшедший?» Я все сопоставил, и вот...

- Какое тебе до всего этого дело?
- Думаю, я сумею тебе помочь. Если я не прав...
- Помолчи, – сказал Конан.

Симур кивнул и, скрестив руки на груди, стал ждать. Варвар погрузился в раздумье.

– Ладно, – наконец сказал киммериец. – Ты прав. Со мной действительно произошло кое-что. И я расскажу тебе. Нергалова жизнь, в конце концов, вдруг ты и в самом деле такой умный, что разберешься, что тут к чему... Вино еще есть?

- И чаша еще одна есть, – усмехнулся человек в белых одеждах.

Они молча выпили по чаше розового полусухого и снова наполнили сосуды.

– А ты-то чего вчера ввязался в питейное состязание? – неожиданно спросил варвар.

– Видишь ли, Конан из Киммерии, истину подчас можно разглядеть, лишь поднявшись на самую вершину или опустившись на самое дно.

- А-а...

Опять наступила пауза.

- Так вот, – наконец, приступил Конан к рассказу, – я – вор.

- Я догадался.

– Чего там догадываться! Не скажу, что это ремесло мне уж так по душе, но пока не удастся отыскать занятие получше, а жить на что-то надо. Бывает, и хорошо случается пожить, провернув удачно дельце. Правда, не знаю, может, у меня кошель дырявый, но деньги как-то не задерживаются. И никогда не задерживались. Вот их полным-полно, ну, думаешь, поотдыхаешь всласть, надолго хватит. Глядь – и снова пусто.

Когда еще бренчит в кошеле, на что попало не соглашаешься. Если подвернется стоящее дельце, тогда берешься за него. А от сомнительных делишек, от мелочевки всякой отказываешься. Но когда уже выгребаеть последние медяки со дна сумки, тут на все пойдешь, лишь бы голодным не остаться.

Вот в один из таких дней, когда кошелью и животу угрожала пустота, а на примете не было пока ничего подходящего, и объявился тот тип. Подсел ко мне поутру за стол в трактире «Кровавые кони», знаешь? В Кривом переулке, сразу за рыбной лавкой.

Такой в годах, борода с сединой. Одежда в пыли, рожа грязная, будто он только слез с коня, отмахав добрую сотню лиг. Он это и подтвердил. Я, говорит, только что прискакал и сразу стал разыскивать тебя, путь, значит, держу из Хоршемиша, что в Кофе, а направил меня к тебе Иакис, сказал,

что ты лучший в своем деле в Шадизаре. Иакис мог такое сказать, мы с ним не раз удачно работали на пару. Он, действительно, недавно подался в Хоршемиш, в свой родной город. Ну, думаю, Иакис первому встречному мое имя не назовет. Ладно, говорю, выкладывай, что там у тебя. Он, что мне тоже понравилось, сразу перешел к делу без всяких там бестолковых вступлений. Вот, говорит, мне нужен человек, чтобы выкрасть одну вещицу из храма Бела. Хранящийся там посох, якобы принадлежавший самому Белу. Уплачу, говорит, двадцать золотых.

Знал я, конечно, этот храм. И про посох этот слышал. Деревянный, разве только рукоять его резьбой украшена, и больше ничего в нем ценного нет. И, вообще, в этом храме никаких таких драгоценностей не замечено. То ли украли всё, то ли и не было их, то ли спрятаны подальше от глаз.

Зачем, спрашиваю, тебе этот кусок дерева? Отвечает: дескать, есть один человек в другом городе, он и заказал этот посох, а зачем ему, я и сам не знаю. Что ж, подумал я, встречались мне такие чудачки, которые собирают всякую дребедень, платят за нее большие деньги, лишь бы только стать ее владельцем. Помню, один украшал свой дом изнутри трактирными вывесками, их для него воровали по всей Заморе. А может, думаю, какой-нибудь другой храм Бела решил присвоить себе посох. У бога воров и жрецы могут быть под стать.

Двадцать золотых, что посулил мне тот тип, были приличной платой за предложенную работу. Храм, в который предстояло забраться, охранялся слабо. Тщательной подготовки не требовалось. Для умелого вора – совсем легкая работа. Завтра поутру, думаю, золотые будут уже у меня...

Тут я вспомнил, как люди говорили, что, мол, нельзя ничего красть у Бела, а то на тебя ляжет его проклятие. Но сразу же я припомнил еще тьмутьмущую подобный предостережений. Если им всем верить, то получится, что на каждом ночном горшке лежит проклятие. И что вообще ничего красть нельзя. А крадут ведь – и ничего! Да и посох, усмехнулся я тогда про себя, наверняка не Бела, просто дурачат народ жрецы.

Тем более, думаю, я похлеще вещей не боялся, чем какое-то там невнятное проклятие.

Ладно, говорю этому бородатому, согласен, будет тебе завтра твой посох, давай задаток в пять золотых. Скривился, но дал. Расстались, договорившись встретиться завтра в то же время, в том же трактире. Ушел я, а у самого в голове вертится: где я этого старикана видел? Рожа-то вроде знакомая... Ну да ладно, носило меня по свету, всякого разного народа перевстречал, может, и с этим где сталкивался. Эх, не думал я тогда, чем встреча наша обернется. Кабы знал, так ни в жизнь с бородачом не

связался...

Короче, прогулялся я до храма, осмотрелся, убедился, что работа предстоит действительно плевая, и отправился на боковую, до ночи.

А проснулся как раз, когда закатилось солнце...

Глава вторая

Старик Гартан, ночной сторож в небольшом, бедном шадизарском храме Бела, пробудился от дремы. Некоторое время он лежал неподвижно, размышляя над тем, что же именно его разбудило и на какие деньги он завтра будет покупать жратву для трех малолетних орущих ртов, которые жена отчего-то называет его детьми.

Шадизарский храм Бела едва-едва сводил концы с концами, и Ромонд, его настоятель, уже не раз недвусмысленно намекал, что неплохо бы закрыть его вовсе. А что делать? Сатрап Шадизара отпускает на содержание храма сущие крохи; охрана, недовольная нищенскими заработками, разбежалась, один вот Гартан пока здесь, да и он бы ушел, но тогда остается только сесть на пороге того же храма и протянуть руку для милостыни; местные вору посещают святилище собственного защитника более чем редко – правильно, зачем подавать на храм, когда и без того дела идут неплохо?.. Поэтому храм Бела в Шадизаре был не чета великолепному храму Бела в Арэнджуне, которому покровительствовал сам король Заморы. Понятное дело, король-то у нас глупый, прости Митра, только о столице и думает. Зачем-то Аграпуру этому туранскому дань платит... Так что теперь вовсе жизни не будет: налоги подскочат, цены на рынках подскочат, а стоимость человеческой жизни упадет... Эхе-хе...

Вторично услышав тихий стук в дверь (стук оказался родным братом того, что его разбудил), Гартан с кряхтением поднялся со своего лежака и приблизился к запертой на засов двери.

– Кто там? – неприязненно поинтересовался он. – Кого среди ночи принесло?

– Добрый господин, – донесся с улицы молодой, почтительный голос, – открой, пожалуйста. Я проскакал пятьдесят лиг от самого Шагравара, ни разу не отдыхая, и до восхода солнца обязательно должен попасть в шадизарский храм Великого и Всемогущего Бога Бела, Покровителя Воров и Защитника Тех, Кто Противится Закостенелому Закону.

Гартану такое отношение к Белу весьма понравилось – молодежь в наши дни вовсе не почитает богов, насмехается над советами старших и полагает, что прошлое поколение не видит дальше собственных предрассудков. Однако Гартан не был столь наивным простачком, чтобы посреди ночи распахнуть двери перед кем ни попадя.

– Утром приходи, – хмуро посоветовал он. – На ночь храм закрыт.

– Не могу утром, – тут же послышалось с другой стороны двери. – Оракул в Шаграваре сказал, что еще до того, как глаз Солнца обратит свой взор на Шадизар, я должен положить свой рубин весом в половину лошадиной головы в сокровищницу храма Бога Бела, Покровителя Воров и Защитника Тех, Кто...

– погоди-ка, – бесцеремонно перебил просителя Гартан. – Что-что ты должен положить в сокровищницу?

– Рубин весом в половину лошадиной головы, который я два месяца тому назад отыскал в Карпашских горах. Такова моя плата, мое наказание за то, что я...

Не слушая далее, Гартан налег на засов, скинул его. Распахнул левый створ двери храма. Освещенная лучами полной луны, на пороге возникла сгорбленная, закутанная в черный плащ фигура. В одной руке она держала небольшой факел, а другой прижимала к груди, как младенца, некий сверток. («Размерами вполне подходит под рубин весом в пол-лошадиной головы», – смекнул Гартан.) Полная тьма простиралась за спиной фигуры, навевая на старика безотчетный страх. Однако упоминание об исполинском рубине прогнало все опасения пожилого сторожа.

– Кто ты, ночной странник? – спросил Гартан. – Гости храма Бела, Покровителя Воров, Защитника и так далее, обычно приходят при свете дня...

– Я бы с превеликой радостью пришел при снеге дня, – быстро проговорил незваный гость, – однако время торопит меня. Позволь мне войти, добрый господин, и я расскажу тебе свою историю. А чтобы загладить собственную дерзость и оправдать внеурочное появление, разреши предложить тебе вот это – пусть сия мелочь пойдет на воссияние шадизарского храма Великого и Всемогущего Бога Бела, Покровителя Воров и Защитника Тех, Кто Противится Закостенелому Закону...

На открытой ладони незнакомца свернули золотые монеты – раз, две, три. Гартан сглотнул. Безумец, понял он. Богатый безумец.

– Да воздастся просящему по щедрости его... – заученно проговорил сторож. И отступил в сторону, приняв деньги и давая ночному гостю пройти. Ночной гость вошел в полутемный храм.

– Что же ты хочешь в этом святилище в столь неурочный час?

– Я обещал тебе рассказать свою историю, – напыщенно, гулким голосом ответил незнакомец; лицо его все еще скрывал капюшон длинного темного плаща. – Слушай же. Я – вор из Шагравара, и имя мое – Логач. Восемь дней назад я провернул крутое дельце, да простят мне эти святые стены столь плебейский язык: я украл изумительной красоты диадему у

шаграварского торговца кхитайской тушью. Украл просто так – поспорив с одним дружком в таверне, что смогу сие сотворить... Откуда ж мне было знать, что торговец этот – тайный предводитель воров всего Шагравара? Не только стражники, но и все воры города, подстрекаемые своим начальником, открыли охоту на меня – простого, бесхитростного юношу...

Голос полуночного посетителя дрогнул от обиды. Гартан внимательно слушал, не перебивал – не каждый день в шадизарском храме Бела появляется новообращенный. И чуть позже, проглотив подступивший к горлу комок, незнакомец продолжал:

– Чтобы не попасться в силки собственных поделщиков, мне не оставалось ничего другого, как тайком вернуть диадему на прежнее место и отправиться к шаграварскому оракулу, дабы узнать, как я могу замолить свой грех. И оракул ответил мне...

Странный гость внезапно замолчал, едва сдерживая рыдания и еще сильнее прижимая к груди сверток с рубином в половину лошадиной головы. Пауза затянулась.

– И что же тебе ответил оракул? – наконец осторожно напомнил о теме разговора Гартан.

– Он ответил... Он сказал... – всхлипнул проситель. – Что, дескать, раз я, вор, украл у вора, то до рассвета следующего дня, своими же руками должен положить самое ценное, что у меня есть, в сокровищницу самого лучшего на всей Земле храма Бога Воров. А поскольку самый лучший храм Бела находится в Шадизаре и поскольку самое ценное, что у меня есть, это мой рубин... то... вот я и здесь...

Так сказал пришелец и еще крепче прижал к груди завернутый в тряпицу предмет.

Теперь настала очередь сторожа Гартана сделать паузу: во-первых, ему было очень приятно, что шаграварский оракул назвал местный храм лучшим из всех на Земле, а во-вторых, что сокровищница храма пополнится экспонатом, который, без сомнения, привлечет к себе массу новых зрителей и, таким образом, новых приверженцев культа Бела.

Рубин весом в полголовы лошади, это ж кому рассказать!..

В Бела Гартан не верил, равно как не верил и во всех прочих богов, кроме Митры. Однако у него, Гартана, была, пусть и мало оплачиваемая, но постоянная работа при наплевать каком храме; если он привлечет в когорту верующих хотя бы одного новичка, то настоятель Ромонд, вероятно, добавит ему, Гартану, жалование.

Кстати, о жалование: рубин можно в сокровищницу и не относить, а завтра же сбыть его знакомому ювелиру на Центральном базаре – и тут же

уволиться из сторожей. Пусть Ромонд со своим Белом провалится в Мир Демонов: ни одна живая душа не узнает, что кто-то ночью приходил с подношением...

Поэтому Гартан мягко взял незнакомца в темном плаще за руку и вкрадчиво проговорил:

– Преклонение перед богами есть единственная похвальная черта, которая отличает человека от животного. И то, что ты готов расстаться с самым ценным, что у тебя есть, дабы умиловать Великого и Всемогущего Бога Бела, Покровителя Воров и Защитника Тех, Кто Противится Закостенелому Закону, похвально вдвойне. Давай же мне свой рубин, я пристрою его на самом почетном месте сокровищницы; ты будешь прощен. – И он протянул руку к заветному свертку.

Однако незнакомец сверток не отдал – лишь еще крепче прижал его к груди. Видно, жалко вору было расставаться со своим сокровищем.

– Э-э... – сказал вор, – добрый господин сторож храма Великого и Всемогущего Бога Бела, Покровителя Воров и Защитника Тех, Кто Противится Закостенелому Закону, да простят мне оракул и сам Бел столь непотребный отказ... но... в пророчестве ясно было сказано: своими руками положить самое ценное, что у меня есть, в сокровищницу. Своими. Руками. – Он опять помолчал. Затем смущенно проговорил: – Так не будет ли любезен милостивый сторож отпереть двери хранилища, чтобы я смог собственноручно возложить рубин на подобающее место? Сторож помедлил с ответом. Отпираться сокровищницу никому, кроме самого Ромонда, не позволялось, хотя ключи были почти у каждого слуги храма Бела – так, на всякий случай. И Гартан не намеревался нарушать приказание хозяина, дабы не потерять место. Однако, с другой стороны, если отказать этому придурковатому ночному гостю, то он и вовсе может уйти – оплакивая горемычную судьбу и, что самое главное и самое неприятное, унести с собой заветный камушек...

– А ты правильно расслышал пророчество оракула? – мучаемый сомнениями, поинтересовался сторож.

– Еще бы! – с жаром заверил его гость. – Я. Собственноручно. Должен положить в хранилище лучшего на Земле храма Бела самое... самое ценное, что у меня есть. До восхода солнца... Или ты думаешь, что я по собственной воле готов расстаться с моим сокровищем? – Точно в подтверждение своих слов, вор, как младенца, покачал сверток. – Или в шадизарских храмах не привечают своих поклонников? Впрочем, чтобы рассеять твои сомнения в моей искренности, я готов поступиться даже сим... – И с этими словами пришелец вложил в руку сторожа еще два

золотых.

Гартан, сжав монеты в кулаке, непроизвольно глянул вверх: небосвод на востоке уже серел, предвещая зарождение нового дня, а потом, столь же непроизвольно, перевел взгляд на сверток: полголовы коня, не меньше...

В мозгу сторожа бурлили противоречивые мысли. Конечно, не стоит ему пускать незнакомого человека в хранилище Бела... Но – чего опасаться-то? Там, в хранилище этом, нет ничего ценного. Так, мелочь всякая, которая еще неизвестно, принадлежала ли Белу или нет. Но – рубин все ж таки и в Ксухотле рубин: вещь полезная, цены немалой. Но – опять же, можно и не показывать его настоятелю Ромонду, можно спозаранку отнести его на Центральный рынок, к знакомому ювелиру... И сторож решился.

– Пророчества оракула и культ Бела суть закон для нас, – осторожно ответил Гартан.

– Поэтому в любое время дня и ночи мы готовы предоставить приют и все насущное в храмах Бела нашим единоверцам, елику они в таковых нуждаются. Прощу за мной, любезный Логач.

Собственным ключом ночной сторож храма открыл неприметную дверцу, скрытую за статуей Бела, и провел гостя длинной, крутой винтовой лестницей вниз, в сокровищницу.

* * *

Конану, скрывающемуся под личиной ночного гостя из Шагравара, стало понятно, почему храм охраняется по ночам только одним сторожем: потому что охранять в сокровищнице было нечего. Истертые до дыр сапоги-многолиги, якобы принадлежащие Белу, потемневший от времени посох, якобы принадлежащий Белу, латанный-перелатанный плащ-«неузрей», якобы тому же Белу принадлежащий, несколько золотых монет – дар каких-то воров-фанатиков Бела, полусгнившие фрукты от жен воров-фанатиков, чтобы мужей не поймали – вот, пожалуй, и вся сокровищница.

– Куда ты хочешь положить свое подношение Великому и Всемогущему Богу Бела, Покровителю Воров и Защитника Тех, Кто Противится

Закостенелому Закону? – тихо, чтобы не нарушать благоговения

ситуации, спросил Гартан.

– Вот сюда, – столь же тихо ответил «вор из Шагравара» и развернул тряпицу, в которую должен быть завернут рубин весом с половину головы лошади.

Гартан еще успел удивиться тому, что рубин подозрительно напоминает обыкновенную шишковатую деревяшку, однако ничего больше он сделать не успел: удар короткой дубинкой по темечку поверг его наземь. Как куль, бездыханный сторож свалился на каменный пол хранилища.

Киммериец огляделся. Вокруг царила полная тишина, если не считать потрескивания редких факелов на стенах сокровищницы. Как он и полагал, дело гроша ломаного не стоило; и зачем этот старик нанял его, не последнего в своем деле вора, для эдакой ерунды?

Конан переступил через тело бездыханного сторожа храма и подошел к посоху Бела: так и есть, обычная палка, наверняка шиш Белу принадлежавшая, разве что с богатой резьбой. Какую, впрочем, на любом углу за три медяка изготовят; и зачем он старику этому понадобился – да еще за двадцать золотых? Да еще с авансом в пять золотых?..

Подобные вопросы лишь мельком возникли в голове киммерийца: в конце концов, ему платят, он исполняет.

Кстати, о золотых.

Конан наклонился над стариком и вернул себе пять монет, которые отдал ему и которые до того дал ему таинственный заказчик. Потом выпрямился. Что ж, дело за малым.

Варвар протянул руку и взял посох, вроде бы (ха-ха!) принадлежащий богу Белу. Взял... И на мгновенье почувствовал, что посох словно дрожит, словно некие грозные силы заключены в простой деревянной палке. Но только на мгновенье. Киммериец снял этот посох с постамента и сунул его подмышку. Хмыкнул на прощанье: двадцать монет за такую ерунду, несмотря на какие-то там проклятия! Мысленно извинился перед бесчувственным сторожем: ты, старик, не виноват, а я всего лишь исполнитель. Двадцать монет – это всегда двадцать монет.

Погасив свой факел в специально для этого приспособленном мятом ведерке возле выхода, Конан вышел из хранилища и был таков.

* * *

– С бородатым я встретился, как и условились, на следующий день, в том же трактире «Кровавые кони», – рассказывал варвар Симуру. – Прихожу, а этот уже ждет, сидит как на иголках, бороденку нетерпеливо выщипывает. Меня увидал с посохом в обнимку, так едва на Серые Равнины от радости не перекинулся. Вскочил, чуть кубок свой не опрокинул, ко мне бросился, трясущимися лапами за деревяшку ухватился.

«Эй, – говорю ему, а сам посох за спину прячу, – полегче. Сначала деньги, потом товар».

«Да-да, – шепчет, – конечно...» – Достает из поясного кошелька пятнадцать монет, одна к одной, и мне в ладошку сует.

Ну, а я что? Я деньги взял. Хотя и подумал: коли спереть посох ему кто-то там заказал, так что ж он радуется, будто я ему корону Заморы дарю? Ох, что-то нечисто тут, почуяло сердечко. Но я, дурак, как монеты увидел, так напрочь обо всем забыл. На двадцать-то золотых я полгода буду жить, что твой законник из Второго Мощного Квартала. Конан помолчал немного. Симуру гостя не перебивал – смотрел на купающихся в песке воробьев, однако, по всему было видно, внимал каждому слову варвара.

– Деньги я взял, короче, и посох ему протягиваю, – продолжал Конан. – Протягиваю, а у самого душа на части разрывается. Будто не деревяшку отдаю, а собственную руку на отсечение. Будто приросла ко мне палка эта, Кром бы ее подрал... В общем, бородач посох схватил, шепнул: «Спасибо... брат» и выскочил на воздух. Да споро так, будто годков тридцать разом скинул. Больше я его ни разу не видел. Ну, когда он смылся, я сел на его место и заказал целый кувшин красного купажного – загасить тоску в груди. Плохо мне что-то стало. Точно потерял что ценное, а что именно – в толк никак взять не могу. И так, и так повертел в голове – ничего не понимаю. Может, думаю, заболел? И сосет, и гложет что-то под сердцем, словно пять дней не ел, не пил. А потом началась эта кутерьма... Вино, которым Конан промочил пересохшее горло, уже нагрелось, чему виной было набирающее жар солнце.

– Сначала я думал, что заболел, – продолжил киммериец. – Подцепил лихорадку или что-нибудь в этом роде. Мне ничего не хотелось. После разговора с поспешно смывшимся заказчиком, я поднялся к себе. И хотя в кошеле бренчала приличная сумма, обычного желания отметить удачу не возникало. Не тянуло устраивать обильное застолье или веселиться с девочками. Навалилась какая-то тяжесть. Устал, наверное, подумал я, ну ничего, отосплюсь и буду как огурчик. Тогда и наверстаю упущенное. Я уснул, как провалился в темный, бездонный колодец, и пробудился лишь на

следующее утро. Ни есть, ни пить не хотелось. Вышел в город, и, ты знаешь, чувство было такое, будто я попал в незнакомую, полную опасностей местность. Проходившие мимо люди, казалось, враждебно поглядывают в мою сторону, в половине из них мне чудились переодетые стражники, которые сейчас же поспешат донести на меня. И эти дома, эти улицы не помогут мне укрыться, спастись. Все вокруг казалось настроенным против меня. И еще возникло ощущение, что мне не хватит сил отбиться, случись что...

– Ты никогда не испытывал ничего подобного? – Симур навалился грудью на стол, отодвинув локтями чаши и блюда, не обратив никакого внимания, что рукава его белоснежного одеяния испачкались в пролитом вине.

– Нет. Никогда.

– Тошнота? Головокружение? Какое-нибудь телесное недомогание чувствовал или нет?

– Нет, не чувствовал, но тогда я подумал, что все-таки, наверное, болен. Отсюда слабость и...

– ...неуверенность в себе, своих силах?

– Да, можно так сказать.

– Понятно, понятно, и что дальше? – По всему было видно, что Симур крайне заинтересован рассказом северянина.

– Дальше ко мне подошел какой-то знакомый, один из э-э...

– Собратьев по ремеслу?

– Да, из них. Что-то говорил, чего-то хотел, а я не слушал его и только ждал, не мог дожидаться, когда же он отвалит, оставит меня в покое. Мне он стал вдруг неприятен, я почему-то боялся его. Наконец он отвалил. А я шел куда-то, не разбирая дороги. Мне хотелось вернуться к себе в комнату, запереться на щеколду, рухнуть на тюфяк, накрыться с головой. Но я заставил себя идти, надеясь проветриться, развеяться, скинуть с себя это дерьмовое состояние...- Не удалось?

– Не удалось. Я вернулся к себе в комнату в еще худшем состоянии, чем уходил.

* * *

О том, что случилось с ним на этой прогулке, Конан не рассказал

Симуру, и никогда, никому не расскажет.

В одном из переулков, куда он завернул без всякой на то для себя надобности, его окружила толпа оборванцев. Это был тот самый сброд, который мог нападать лишь стаей, лишь на заведомо слабого, не способного к отпору противника. Свора шакалов, где каждый в отдельности не стоил и плевка. Но в чем им никогда нельзя было отказать, так это в безотказном нюхе на подходящую жертву. Раньше это шакалье на полет стрелы не приблизилось бы к варвару, но тут они решились напасть. Чутье подсказало им, что с виду внушительный северянин с длинным мечом в заплечных ножнах будет для них сегодня легкой добычей. Так и оказалось.

Конан оцепенел. Вокруг него бесновались гогочущие оборвыши, мелькали дубины и редкие кинжалы. Кошель на поясе киммерийца оттягивали двадцать золотых, которые надо было защищать от обнаглевшей швали. Но северянин не мог. Мелкая дрожь сотрясала тело варвара, ноги подкашивались, руки не поднимались, мозг заполонил страх, ничего кроме страха. Еще вчера, случись подобное, Конан, не доставая меча, расшвырял бы вонючих, гнилозубых дохляков, устроил бы себе потеху. Они бы у него визжали, как крысы, которых давят сапогами, ползали бы на коленях и, вымаливая пощаду, целовали бы ему пятки. Еще вчера... Но сегодня мир перевернулся с ног на голову.

Да и явь ли это? Разве может быть на самом деле такое, что он, Конан из Киммерии, неустрашимый варвар, потерявший чувство страха вместе с молочными зубами, стоит, бездействуя, и трясется, как травинка на ветру, перепугавшись каких-то дешевых обитателей помойки? Нет, он болен, его лихорадит, это горячечный бред. Так думал киммериец, а ему что-то кричали, требуя и угрожая, хохотали в лицо и грозно размахивали своим примитивным, но опасным оружием.

Легкий укол кинжальным острием и одновременно удар дубиной по ребрам выбил Конана из состояния оцепенения и лишил надежды на то, что можно проснуться и посмеяться над глупыми сновидениями. И киммериец, оглянувшись и увидев брешь в кольце столь реальных тел в лохмотьях, прыгнул туда, пробил оцепление и бросился наутек. Уступающие северянину в крепости ног и выносливости преследователи быстро отстали.

Он не помнил, как добирался, он осознал себя уже лежащим на тюфяке в своей комнате на втором этаже трактира «Кровавые кони» и дрожащим, как при сильном ознобе. Он перестал быть собой и не в силах был осмыслить это. Голова нестерпимо болела, мозг грозил расплавиться в

черепе, мысли напоминали осколки разбитого вдребезги зеркала.

Он это или не он, что происходит, когда началось, с ним ли это происходит? Бред, кошмар, болезнь, колдовство? Вопросы сводили с ума. Он чувствовал, что теряет разум. И, как спасение его разуму, пришел сон. Сон отправил его в спасительную тьму...

* * *

– В эту ночь я впервые увидел этот треклятый коридор.

– Коридор? – переспросил Сатурн.

– Да, коридор, – Конан усмехнулся, – коридор в новые мучения...

Глава третья

Сон, который мучил Конана каждую ночь, всегда начинался одинаково, но от раза к разу сцена сна становилась все более детальной, краски приобретали глубину и насыщенность, а действие развивалось – это было сновидение с продолжением.

Ночью, едва киммериец смыкал веки в своей комнате на втором этаже трактира «Кровавые кони» и тело его погружалось в дрему, как дух северянина переносился из яви в призрачный каменный тесный полукруглый коридор, выходящий из бесконечности и в бесконечность же ведущий. Стены его были неровные, шероховатые, с выступами, в которых прослеживался, вроде бы, некий порядок. И Конан брел по этому коридору, сам не зная, где находится, что делает здесь и куда направляется, однако понимая, что приближается к какой-то страшной цели. Словно некто звал его из глубин подземного хода (в том, что ход именно подземный и прорыт в толще земли на такой глубине, которую простой смертный даже вообразить не в состоянии, варвар отчего-то не сомневался), и встреча с этим таинственным некто не принесет северянину ничего, кроме боли, страдания и новых страхов. Он не хотел никуда идти, он боялся идти вперед... но, как это часто бывает в снах, ноги несли его дальше и дальше, восстав против воли охваченного ужасом разума.

Одет он был, как обычно одевался в яви: просторная рубаха, заправленная в кожаные штаны, поверх рубахи – прочная дубленая куртка, поверх него – старый верный плащ до колен, на спине ощущается успокаивающая, покачивающаяся тяжесть двуручного меча в ножнах из лошадиной кожи. Наряд завершали крепкие, ноские сапоги.

Коридор был освещен колеблющимся, призрачным желтоватым светом, который, казалось, изливали сами стены угрюмого тоннеля – ведь никаких светильников поблизости не наблюдалось...

И такой кошмар повторялся из раза в раз, с постоянностью и неумолимостью смены дня и ночи. На рассвете Конан просыпался весь в поту, невыспавшийся, с бешено колотящимся сердцем. Некоторое время лежал неподвижно, натянув покрывало до подбородка, сжав зубы, чтобы не застонать от ужаса, и чувствуя, как паника медленно, вслед с предутренними сумерками покидает его мозг; лишь пальцы киммерийца беспрерывно тербели край покрывала, шарили по нему, точно в поисках какой-нибудь щелки, за которую можно ухватиться и не сорваться в

пропасть безумия.

А потом наступал день – серый, пустой, бессмысленный, один из череды многих дней. Конан заставлял себя встать с постели, вяло ополоснуться в лохани, одеться и спуститься вниз. Посетители трактира и обитатели постоянного двора при трактире «Кровавые кони» приветствовали варвара громкими криками и звали присоединиться к веселому завтраку, (зачастую незаметно переходящему в ужин)... но тот лишь уныло отмахивался, опускался за самый дальний стол, тяжело облакачивался на столешницу и ждал. Слуги в «Конях» уже знали: жаркое с чесноком и густой овощной подливой, да кувшинчик шемского красного – вот и все, что требовалось Конану каждое утро.

Бывшие подельники шепотом предлагали киммерийцу выгодные, беспроигрышные дела – Конан отказывался: одна мысль о том, чтобы повернуть очередное воровское «дельце» вызвало в нем трепет страха; многочисленные развеселые подруги предлагали киммерийцу позабавиться как-нибудь вечерком – Конан отказывался: вечер был для него хуже любой изощренной туранской пытки...

Равнодушно поковыряв жаркое с чесноком и едва пригубив шемское красное, киммериец бросал на стол несколько серебряных монет и выходил в город. Монет с каждым днем становилось все меньше, однако ему было не до размышлений о том, как набить свой кошель.

Бесцельно бродя по улицам Шадизара, безразлично глаза на товары лотошников, он со страхом и почему-то нетерпением ждал, когда солнце закончит свой дневной путь и начнет склоняться к западу, предрекая очередной ночной кошмар. Он уже потерял счет времени. Он не знал, сколько продолжаются ночные мучения – неделю или вечность.

Когда весь этот ужас только начинался, Конан еще пытался бороться. В одной лавке он купил чудодейственное сонное снадобье, завезенное, дескать, из самой Зингары. И принял двойную дозу перед сном. Получилось только хуже: пребывание в мрачном коридоре стало таким реальным, подробным и отчетливым, что даже проснувшись киммериец не мог отделаться от впечатления, будто все происходящее с ним во сне на самом деле происходит наяву.

Разуверившись в снадобьях, Конан обратился к лекарю. Лекарь вытянул из варвара сорок две медные монеты и задурил голову мудреными речами, суть которых сводилась к одному: на все воля Митры и человеку знать не дано, за какие именно грехи боги насылают на него всяческие неприятности. Найдись в сердце киммерийца хоть крупинка смелости, он прибил бы шарлатана на месте.

Можно было бы еще воспользоваться помощью чародеев всех мастей, толкователей снов и магов-исцелителей... да вот беда: северянин недолголюбивал их скопом и каждого в отдельности.

Можно было попробовать вовсе не спать – и Конан попробовал. Но долго ли сумеет выдержать человек без сна? Рано или поздно сон сморит его. Как сморил в результате и Конана.

И так киммериец существовал изо дня в день, с раздирающей душу тревогой, которая усиливалась по мере того, как приближался вечер и надо было отправляться на ночлег. В своей постели на втором этаже постоянного двора при трактире «Кровавые кони» он закрывал глаза... и кошмар повторялся.

Однако – каждый раз по-другому. Всякий раз сон дополнялся новыми подробностями. Чем дальше Конан уходил по подземному коридору, тем больше появлялось деталей, тем естественнее, осязаемее становился коридор. Со временем (ночь на четвертую) он заметил, что неровности на каменных стенах действительно не случайного происхождения и, стало быть, рукотворны. В одно из «посещений» таинственного подземелья, во время медленного, но непреклонного движения к какой-то загадочной цели, Конан попытался сконцентрироваться и рассмотреть-таки, что же собой представляют в действительности (хотя – подходит ли в этом случае слово «действительность»?) странные выступы и впадины на стенах.

И лучше бы он этого не делал.

Потому что каменные неровности неожиданно оказались тысячами, миллионами мелких грубоватых барельефов – накладывающихся, наползающих один на другой, сплошь покрывающих бесконечную каменную поверхность. Люди и демоны, звери и чудовища, создания земли и порождения темных сил сплетались друг с другом, ласкали друг друга, отрывали друг у друга куски плоти, совокуплялись... Больше Конан по сторонам не смотрел. И – против воли – шел все дальше и дальше. И с каждым шагом ужас его нарастал, наполнял душу душной липкой мглой, выплескивался через край, сжимая горло и не выпуская рвущийся наружу вопль.

Но киммериец готов был вечно брести по мрачному коридору, ночь за ночью, всегда, до последнего вдоха... лишь бы так и не достигнуть роковой цели, где его ждал, откуда его звал некто.

Однако на четырнадцатую ночь он окончил свой путь по призрачному подземелью.

Он достиг двери, что преграждала дальнейшее продвижение – двустворчатой, толстой, дубовой, полукруглой, как и сам коридор... Там, за

этой дверью, его ждали, он знал это.
Сон оборвался.

* * *

Конан помолчал. В горле пересохло, и он, не спрашивая разрешения, долил себе в кружку вина. Выпил мелкими глотками до дна.

Молчал и Симур, сдвинув кустистые брови к переносице.

– Наутро я проснулся отчего-то совершенно спокойным, – тихо продолжал киммериец. – Нет, страх не исчез... но человек ведь ко всему привыкает, – даже к страху, не так ли? Я разозлился. На себя. Я подумал просто: хватит. Пора кончать с этим мучением. Чего зря тянуть? Войду в дверь эту треклятую, а там будь что будет. Погибну или нет – плевать. Зато пытка прекратится. И стал с нетерпением ждать вечера. Даже не выходил никуда из своей комнаты.

Глава четвертая

А за таинственной дверью обнаружился небольшой полутемный зал с низким потолком, под которым, скрывая его форму, клубился зеленоватый светящийся дым. Лишь изредка дым местами рассеивался, и взгляду киммерийца открывались влажные, сочащиеся густой слизью сталактиты, похожие на клыки исполинского чудовища...

– Ага, – послышался гулкий, напоминающий угрожающий вой ночного зимнего ветра в дымоходе, голос. В нем этом не было злобы – одно лишь чувство удовлетворения. – Вошел все-таки. Значит, ты не совсем пропащий...

Конан с трудом оторвал взор от завораживающе медленного кипения дыма под потолком. Посреди зала лежала большая гранитная плита, иссеченная множеством трещин; на плите стоял грубый каменный стол и два каменных же кресла; в одном из кресел восседал человек. Но – человек ли?

Мужчина то был, женщина или же нечеловечьего облика выходец из глубин Подземного Мира, понять Конан не мог: существо куталось в просторное черное – чернее бездны – одеяние с капюшоном, в тени которого скрывалось его лицо (или морда?).

– Давай-давай, Конан, подходи ближе, не трусь, – продолжало существо. – Ты ведь ждал встречи со мной, не так ли?

На негнущихся ногах киммериец приблизился к плите. И остановился:

– Я тебя не знаю, – хмуро сказал он. Существо рассмеялось – лающе, хрипло, отрывисто:

– Как же, не знаешь! Не обманывай себя, Конан. Не ты ли проклинаешь кого ни попадя моим именем? Не ты ли возносишь мне хвалу, когда удастся выйти сухим из воды после очередного воровского дельца? Кто должен, по-твоему, оберегать и хранить всю вашу воровскую братию?

Конан судорожно сглотнул. Только одна мысль билась в его голове: «Это сон, это всего лишь сон...» Где-то в глубине души он знал, что все происходящее с ним за последний месяц – это кара, наказание, возмездие за его опрометчивый поступок, за осквернение хранилища в храме. В душе он с самого начала был уверен, что боги не простят его...

Какой-нибудь маг, какой-нибудь демон могли, конечно, наслать на Конана чары, одурманить, очаровать его и выдать себя за бога... но все равно некая частичка разума воина тревожным колокольчиком сообщила

бы ему, что это обман, что он имеет дело с обыкновенным – волшебным или потусторонним, не важно, все равно обыкновенным – злодеянием... А от сидящего напротив существа веяло такой силой, таким могуществом, что северянин ни на миг не усомнился: перед ним именно он, бог, Покровитель воров.

– Вижу, ты меня признал. – Бел удовлетворенно откинулся на спинку каменного кресла. Коротко хохотнул. – Так что же ты встал столбом, друг мой Конан? Будь вежливым гостем: проходи. Составь мне компанию.

Киммериец, не в силах пальцем шевельнуть от охватившего его ужаса, и в самом деле застыл на месте: духу не хватило ни сделать шаг вперед, ни бежать отсюда сломя голову... Однако ноги более не подчинялись ему. Повинуясь чужой желанию, они заставили варвара подняться на плиту и согнулись в коленях перед вторым креслом. Волей-неволей Конану пришлось сесть. Он поерзал, устраивая меч в заплечных ножнах поудобнее.

– Так-то лучше, – заметил Бел. И замолчал – будто ждал ответных слов.

Конан не знал, какие нужны слова. Слова извинения? Или слова почтительности, преклонения?

Взгляд невидимых во мгле под капюшоном глаз сверлил его, выворачивал наизнанку, просвечивал насквозь, как утреннее солнце просвечивает сквозь завесу комнатной пыли,

И ему остро, нестерпимо захотелось проснуться, увидеть реальный мир, прищуриться на успокаивающую яркость нового дня... Однако он не мог. Хотел, но не мог. Он перестал быть хозяином и творцом своей судьбы.

– Я... – начал Конан. Запнулся. Прочистил горло. Нет, что-то он должен сказать, как-то оправдаться перед богом, но не понятия не имел – что и как. – О Бел, я... никогда, не думал, что ты... такой.

– Какой – такой? – живо поинтересовался Бел. – Я все-таки бог, друг мой Конан. Я могу быть каким угодно. В зависимости от настроения и ситуации. А мое настроение и нынешняя ситуация таковы, что... Г-хм... По сути, подземный коридор и скрадывающий фигуру и лицо плащ ничем не хуже прочего. Я – покровитель воров; тьма – моя одежда, многоликость – мой щит, хитрость – мое оружие... Хочешь, я предстану перед тобой в образе ослепительной красоты девы, от одного взгляда на которую ты забудешь обо всем на свете?

Не дожидаясь согласия или протеста, Бел шевельнулся в своем кресле, и капюшон сам собой упал с его головы. Но вместо лица обещанной девы киммериец увидел лишь клубящуюся тьму, из которой на него глядел единственный, желтый, с черным вертикальным змеиным зрачком глаз. И

столько холода, столько нечеловечности было в этом взоре, что северянин, невольно отпрянув, вскрикнул.

В следующий миг капюшон таинственным образом снова оказался на месте, и варвар услышал спокойное:

– Я пошутил, друг мой Конан. Сегодня у меня нет настроения принимать облик глупой похотливой бабы. Настроение у меня совсем другое... Но не бойся. Пока я не хочу пугать тебя и причинять тебе зло... Пока.

– Так что же, о Бел, тебе надо? – сквозь зубы проговорил варвар. Никогда еще ему не приходилось беседовать с богом, и поэтому он ощущал себя беспомощным листком в объятиях осеннего ветра.

– Ты обидел меня, друг мой Конан, – быстро ответил Бел, точно ждал этого вопроса. – Обидел и рассердил. Без повода, без причины. Я

– бог, но я чем-то похож на вас, на людей. Я люблю, когда любят меня. Люблю, когда мне молятся, приносят жертвы. Когда меня уважают, короче говоря. Асгалунские воры и зуагиры-кочевники почитают меня чуть ли не за верховное божество, и поэтому я помогаю им. Иногда. Если есть настроение. Бог, которому не поклоняются – не бог. А что делаешь ты, Конан из Киммерии, шадизарский вор? Ты, вор, воруешь у того, кто покровительствует ворами! И как, ты думаешь, должен я поступить с тобой? Похвалить за храбрость и смекалку и одарить по-божески? А, Конан?

Бел усмехнулся; но не было веселья в этой усмешке: ледяным гневом сквозило в ней. Конан съежился в кресле, инстинктивно пытаясь сделаться как можно меньше и незаметнее. С неожиданной ясностью северянин вдруг увидел конец своей жизни: он на века останется здесь, в этом призрачном подземелье, в компании темного божества... а на утро остывшее тело варвара найдут в комнатенке трактира «Кровавые кони». И никто, ни одна живая душа не узнает, где, как и за что умер славный воин из Киммерии.

От горечи и бессилия ему захотелось плакать, но он сдержал комком подступившие к горлу рыдания. Все же что-то осталось у него от прежнего Конана, крохи, тень, след на прибрежном песке – но осталось. Поэтому он вскинул голову и спросил, постаравшись, чтобы голос его звучал твердо:

– О Бел, ты хочешь наказать меня?..

– Наказать? – засмеялся Бел. – Неужели ты еще не понял, что уже сам себя наказал? Ведь ты отдал принадлежащий мне посох тому, кто нанял тебя украсть его. Как ты там сказал бедному глупому сторожу в храме, – мол, должен положить в хранилище самое ценное, что у тебя есть? Рубин, мол, должен отдать Белу, так было? Что ж, друг мой Конан, все так и

вышло. Ты украл мой посох и – слушай внимательно! – вместе с ним отдал самое ценное, что у тебя есть... Догадываешься, что именно?

Конан до боли сцепил пальцы – так, что побелели костяшки. Теперь истина открыла ему свой уродливый лик.

– Я... – выдавил он из себя. – Я отдал... свою... храбрость, о Бел...

– Соображаешь. – Бел наклонился вперед; на этот раз под капюшоном мелькнула хитрая лисья морда – мелькнула и пропала. – Да, я покровительствую вора, Конан. Но красть у себя я не позволю никому. Всякий, кто посягнет на мою собственность, должен искупить вину. Иначе я перестану быть богом. – Голос его стих и превратился в шепот ночного ветра в зарослях. – Но я не хочу карать тебя, Конан. Чувства мести, так уж получилось, я лишен напрочь. Ты оступился – и проиграл. А я люблю игры. Игрок я, понимаешь ли... Давай же, друг мой Конан, сыграем в одну игру. Если выиграешь – получишь назад свою храбрость. Если же нет, то – сам понимаешь... Итак?

Бел выжидательно умолк. Потом, не дождавшись ответа, неожиданно рывкнул:

– Хочешь искупить свой грех? Хочешь, чтобы я простил тебя? Хочешь вернуть, что потерял?

Новая волна ужаса захлестнула киммерийца. Впереди лишь неизвестность, новые лишения и очередные опасности, если он согласится...

Однако на пути этой волны встал мол здравого рассудка: если он не рискнет и откажется от возможности вернуть прежнего Конана, то дни свои закончит в какой-нибудь канаве – безвестным бродягой, бесхребетным трусом, спившимся попрошайкой. В конце концов, лишь с помощью собственной храбрости и отваги Конан мог достигнуть чего-нибудь в этой жизни; без смелости и мужества, без дерзости и бесстрашия он никто, как и тысячи обыкновенных людишек...

Поэтому он отыскал в душе немного гордости и выдавил из себя:

– Хочу, о Бел.

Бог воров вновь откинулся на спинку кресла.

– Да, я знал, что ты не совсем пропащий человек, Конан. Ты согласился, даже не спросив, что именно я тебе предлагаю... Это хорошо. Молодец.

Он умолк. Рукав черно-туманного плаща завис над столом, из него показались пять длинных, тонких, многосуставчатых пальцев и принялись легонько, задумчиво постукивать по каменной столешнице. Бел о чем-то размышлял. Вяло, как свежий мед, текло время.

– Мои жрецы давали обет никогда никому ничего не покупать и не продавать, – наконец проговорил бог воров. – А если они нарушают его, то обязаны искупить вину, возместив стоимость проданного или купленного в десятикратном размере. Но ведь ты не мой жрец. Поэтому я не буду столь требователен... «Самое ценное», говорил ты про «рубин»... Что ж, это справедливо. Да будет так.

Слушай же внимательно, друг мой Конан. Чтобы вернуть утерянное мужество, ты должен украсть для меня три самые дорогие вещи у троих разных людей... Разных, я сказал? Нет. Эти люди – вроде как твои ближайšie родственники. Ближе некуда. Хотя и живут очень далеко отсюда. Так далеко, что ты и представить себе не в состоянии. Однако чтобы шансы в этой игре были равны, я помогу тебе попасть туда. Куда именно – не должно тебя волновать. Просто поверь мне: до них ни пешим, ни конным, ни как-нибудь еще не добраться. В стороне от твоего мира, в стороне от Мира Демонов и Серых Равнин находятся множество других миров – таких же, как твой, очень похожих на твой – но не совсем...

Голос Бела дрожал, как муха, бьющаяся о стекло, обволакивал мозг киммерийца плотной пеленой...

* * *

– Не помню, что он говорил, – продолжал Конан изливать душу Симуру. – Не до запоминания мне было. Не помню половины и не понимаю три четверти из его бредовых рассказов. Что-то он плел о землях, которые лежат совсем неподалеку, но одновременно недостижимы, поскольку, дескать, между нашим и теми мирами воздвигнута непреодолимая стена. Богами якобы воздвигнута. Еще он говорил, что когда-то, давным-давно, миры были едины, но после какой-то стародавней катастрофы они разделились. И теперь живут сами по себе. Мол, и здесь, и там, можно, если, конечно, получится, встретить самого себя, но – немного иногo, потому что жизнь в этих мирах иная. А еще он сказал...

– Не надо, Конан, – мягко перебил его Симура. – Я понял, о чем ты говоришь. И, могу уверить, твой странный собеседник прав. Я и сам не раз обдумывал возможность существования параллели... Впрочем, мы отвлеклись. И что же было дальше? Конан помотал головой, вспоминая.

– *Дальше... Дальше он, Бел то есть, сказал, что коли я согласился на игру, то должен через день пойти к развалинам старинного монастыря, которые находятся к востоку от Шадизара в десяти часах ходьбы. Один. Без коня. И чтобы в полночь ждал знака. Если же я... струшу, то навсегда... останусь...*

Киммериец осекся.

* * *

– Если согласен, – сказал Бел, – то послезавтра ночью будь среди руин монастыря – знаешь те камни, на востоке, посреди степи? Вижу, знаешь. Так вот. Дождись полуночи. Отдыхай. Я появлюсь и помогу тебе добраться до своих родственников... Не забудь прихватить свой меч, друг мой Конан, иначе все твои потуги пропадут впустую.

– Но как я найду своих родичей? – крикнул Конан, сбросив дурман, навеваемый усыпляющим голосом бога. – Я даже не знал, что у меня есть родстве...

* * *

– ...Я даже не знал, что у меня есть родстве... – крикнул Конан – и проснулся.

В окно постоялого двора «Кровавые кони» лупило рассветное, однако уже жаркое солнце, предвещающее великолепный день. Он сбросил с себя покрывало. Сон медленно покидал его мозг, растворялся в сияющей утренней реальности; явь вытесняла собою образ мрачной залы. Но – сновидение ли то было, или Бел в самом деле приходил к нему, разговаривал с ним?..

Как бы то ни было, следующей ночью, впервые за последний месяц Конан спал без сновидений, как убитый. И еще больше утвердился в мысли, что разговор с Белом – не есть плод его больного ума. Поэтому во второй половине дня пешком, налегке он отправился на восток, к темнеющему на горизонте развалинам древнего монастыря. Стоило

проверить, сошел ли он с ума, или действительно согласился на игру с Покровителем воров, богом Белом.

Ночь выдалась пасмурной, ненастной, хотя день был полон летней жары и солнца; однако к вечеру напозли с северо-запада черные сизо-черные тучи и стремительно закрыли полнеба; багровое светило погрузилось в холодную хмарь.

В сумерках Конан достиг руин забытого богами и людьми монастыря. Устроился среди замшелых камней. Перекусил мясом и хлебом, запил скромную трапезу глотком вина из фляги.

Он пребывал в состоянии отчуждения от реальности. Что он здесь делает? Чего ждет? На что уповает? Этого киммериец не знал. Да и знать не хотел. Подобно тонущему, он хватался за любой хилый росток водоросли, за любую плавающую на воде травинку в надежде выбраться, спастись, выжить...

Вдалеке простучали боевые барабаны грома, повеяло свежестью – сладкой после жаркого дня, ветерок зашуршал в сухой степной траве. Быстро темнело.

Конан привалился спиной к шершавому, быстро остывающему камню – одному из сотен, некогда служившим фундаментом здания, и приготовился ждать. Ждать полуночи. Ждать своей судьбы...

И, измученный мытарствами последних дней, сам не заметил, как задремал.

Разбудил его ужасающий грохот, точно небесная твердь в одночасье обрушилась на землю. Киммериец вскочил, выглянул из-за своего укрытия...

И решил, что все еще спит – столь разительно изменилась окружающая его действительность.

Стихия бушевала, словно настал последний час мироздания. Ночную мглу прорезали частые вспышки ослепительно белых с голубоватым отливом молний, то и дело огненными шипящими стрелами вонзающиеся в сухую степь, и тогда древние руины безвестного монастыря озарялись бледным, нереальным светом и отбрасывали длинные, четкие тени. В отблесках молний Конан видел бешеную круговерть туч в небе; тучи клубились, пенились, сталкивались, сливались друг с другом, чтобы разродиться очередным залпом небесного огня.

Беспрестанно громыхал гром; в оглушительных его раскатах слышался победный клич Хаоса, наконец-таки свергнувшего с трона закаменелый Порядок. Но дождя пока не было. Впрочем, дождь был редкостью в этих засушливых землях...

Непроизвольно выхватив меч из ножен – единственный знакомый предмет в этой вакханалии ветра и тьмы, – киммериец ждал. Он убежал бы, если б было куда; однако гроза, казалось, подмяла под себя, заполонила собой всю землю. И бежать было некуда. Поэтому Конан стоял неподвижно.

Очередная огненная стрела с гневным шипением воткнулась в мшистый камень в двух шагах от киммерийца. Камень раскололся на две неравные части с сухим треском и вспыхнул желтовато-зеленым пламенем.

Это не простая буря, вдруг понял киммериец. О Кром, Сет, Митра и всемогущая Иштар, я погибну здесь...

Действительность смазалась. В мертвенно-голубых сполохах молний мир расплывался, терял реальность, четкость, материальность. Ничего не осталось в мире – ни людей, ни животных. Были лишь Конан и буря, человек и стихия. Порывы яростного ветра развеивали волосы северянина, трепали его одежду, пытались вырвать меч из рук. Но он знал, нюхом воина чувял, что, как бы ни было страшно, стоит пошевелиться, отступить перед безумным натиском шторма, и враг сломит его, закружит в ветряном омуте и – разобьет о сухие камни руин, оставит лежать здесь вечно.

Поэтому Конан стоял. Стиснув зубы, держа, будто обороняясь, меч перед собой клинком вверх, стоял неподвижно.

Он почти оглох от ударов грома и почти ослеп от вспышек молний, что вбивались в тело земли около него, рядом с ним, вокруг него – но не попадая в него.

Однако потом, когда небесный грохот достиг, казалось, предела слышимости, одна из сорвавшихся с тучи огненных змей опутала клинок северянина, быстро побежала к рукояти, обвила голубоватыми веревками его руки, грубо, тысячью игл вонзилась в мозг.

Конан вспыхнул, как сухая щепка – не только одежда его, но и все тело: ноги, руки, туловище, волосы, глаза, губы... Чувствуя, как неземное пламя пожирает его, варвар закричал. И услышал, что крик его стремительно уносится в бездну.

ЧАСТЬ 2. Дзедишар

Глава первая

Некоторое время Конан лежал неподвижно, не открывая глаз и прислушиваясь к собственным ощущениям и окружающему миру. Вроде бы, ничего не болит. Вроде бы, вокруг все мирно и спокойно. Лицо его овеял влажный ветерок, в ушах стояло негромкое, умиротворяющее то нарастающее, то стихающее шипение, но было ли оно реальным и порождено сознанием, киммериец сказать не мог. Равно как не мог сказать, жив он или умер. Варвар осторожно приоткрыл левый глаз. Подождал немного и открыл правый.

Огромный рубин солнца, окутанный дрожащей пурпурной дымкой, медленно тонул в неподвижном океане; небо вокруг него было пронзительно голубым, но чем дальше от светила, тем оно становилось темнее, приобретая глубину и прозрачность, как вода в озере. Ни облачка на небосводе. С тихим шорохом маслянисто отсвечивающая волна, увенчанная пенистой шапкой, наползла на берег и откатывались, оставив на тверди ошметки водорослей, чтобы уступить место следующей; та – еще одной, и так до бесконечности.

Конан лежал на розоватом в свете заката песке; песчаная коса тянулась в обе стороны и пропадала в сумерках. С востока берег был ограничен стеной деревьев – настоящей пущей, темной и мрачной.

Он оглядел себя.

Ни одного ожога на теле. Одежда цела. Верный меч в ножнах за спиной, кинжал висит на поясе. Так что, значит, сон продолжается? Он по-прежнему среди развалин монастыря? А как же молния, огонь, пламя – тоже приснились?

Или же – он умер. И именно так выглядят Серые равнины.

Или...

Или Бел вовсе не привиделся ему, и Конан действительно перенесся в другой мир. Знать бы только, куда именно? Есть ли здесь люди? Берег выглядел совершенно необитаемым.

Варвар поправил меч на спине и двинулся на север. При каждом шаге остывающий после дневного жара песок скрипел и шептал слова на непонятном языке.

Выбранное Конаном направление было ничуть не хуже прочих. Конечно, вернее было двигаться в сторону, прямо противоположную той, куда садится солнце, и которую приличные люди называют «востоком»,

однако очень уж киммерийцу не хотелось углубляться в чашу – тем более, ночью. Поэтому он шел вдоль берега; цепочка неглубоких следов отмечала его продвижение.

Минуло полчаса. Потом час. Краешек солнца все еще виднелся над горизонтом, и к берегу от него тянулась розовая колеблющаяся полоска. По всем законам, светило уже должно было закатиться. Значит, здесь солнце ходит по небосводу медленнее?.. Где бы это «здесь» ни находилось: в Серых Равнинах или в малопонятном «другом мире». Конан собирался идти до тех пор, пока достанет сил и энергии от съеденного среди монастырских развалин мяса; дальнейшие надежды на поиски пищи он возлагал на меч и кинжал – если, конечно, в чащобе водятся живые плюс к тому съедобные существа. А если существа эти окажутся еще и разумными, то кинжал может заинтересовать их на предмет обмена...

Конан замер. Впереди, в сгустившихся сумерках виднелся человеческий силуэт. Человек как человек – невысокий, согбенный старец в драных одеждах, с палкой в одной руке и котомкой в другой. Черты лица в темноте не разглядеть. Неспешно двигаясь вдоль самой кромки воды, он ворошил палкой вынесенные на берег водоросли, время от времени наклонялся, поднимал что-то, отряхивал и складывал в свою суму. «Раковины ищет», – догадался киммериец.

Никакой угрозой от старика не веяло, и, поколебавшись, киммериец решился подойти.

Нарочито шумно ступая по песку, он приблизился и вежливо кашлянул.

Местный житель вскинул голову, но отчего-то не посмотрел в сторону незнакомца, а повернул лицо к океану, обратив к пришельцу ухо.

– Кто здесь? – настороженно поинтересовался старец, и киммериец мысленно воздал хвалу всем известным ему богам: здесь говорят на знакомом языке.

– Не бойся меня, добрый человек, – мягко сказал Конан. – Я не причиню тебе вреда. Я – бедный путник, заплутал в этом краю, ищу людей...

Помедлив, старик зажал палку подмышкой и звучно хлопнул в ладоши.

Конан смекнул, что таким манером здесь принято здороваться, и повторил действие местного. Подействовало: успокоенный старик вновь сжал палку и продолжал ворошить водоросли, потеряв к незнакомцу всякий интерес. Лишь сварливо проворчал под нос:

– Заблудился он, слышь ты. Совсем глупый. Туда вон иди, там город, там. – Он махнул котомкой в сторону виднеющегося чуть дальше к северу

мшистому утесу. – Нечего было до тепла из дому уходить.

И он, продолжая свой путь по берегу, прошел мимо Конана.

– Спасибо, добрый человек, – ответил ему в спину Конан и подумал: «Эх, первый встречный – и тот убогий. Какое еще тепло...» А еще он заметил при свете звезд, что бедный старик слеп, как крот: веки того аккуратными стежками были зашиты с помощью тонких веревочек.

Начавшийся от побережья сосновый лес постепенно редел. Впереди обозначился просвет, туда и вела тропинка. По ней ступал и с нее никуда не сворачивал Конан, потому что незачем ему было сворачивать с тропы ночной порой в незнакомом месте. Тем более двигаться по этой стежке сквозь лес можно было хоть с закрытыми глазами – здешние жители не поленились устлать тропку шуршащей под ногами галькой.

Запах хвои здесь отличался необычайной резкостью, напроочь перебивал прочие лесные ароматы, словно свое преобладание на этой территории сосны хотели утвердить во всем.

Наконец киммериец перешел границу, за которой заканчивалось сосновое господство, и с удовольствием, полной грудью вдохнул луговой воздух.

Закат все-таки состоялся, и над головой чернело небо, наполненное звездами. А взгляд сразу приковывала к себе луна, полная, близкая и огромная, гораздо щедрее обычной луны поившая своим светом округу.

* * *

– Тогда, Симур, я подумал, что свети у нас в Шадизаре такая луна, нашему брату приходилось бы гораздо тяжелее на ночной работе. Невдалеке, примерно в лиге от того места, где я выбрался из леса, проступали очертания города. Направился туда, дальше по той же тропе из камушков, чего еще можно было придумать? Иду и чувствую: что-то не то с этим городом, как-то не так он выглядит. А когда подошел, то понял в чем дело...

* * *

Конан немало встречал на своем веку людей, ни разу не покидавших пределы родного города или деревни. Киммериец же принадлежал к людям совсем другого склада, к тем, кому не сидится подолгу на одном месте. Потому и довелось ему за свои восемнадцать лет жизни и странствий перевидать без числа всяких разных городов. Почти все попадавшиеся ему города были обнесены стенами. При их, стен, разнообразии (толще-тоньше, выше-ниже, с башенками, с бойницами или без того, без другого, еще без чего-нибудь) имелось одно общее: их возводили для защиты и, по крайней мере, стремились сделать как можно неприступнее. Здесь же... Стены, опоясывающие первый для Конана на этой незнакомой земле город, превышали рост северянина разве ладони на две. Зачем их вообще понадобилось строить, удивился киммериец, тратить силы, переводить камень, когда они защитит лишь от нашествия диких баранов?

Варвар давно покинул тропу, несомненно выводящую к городским воротам, к которым идти Конану было уж совсем ни к чему. Преодолеть такую на редкость высокую ограду Конану составляло труда не больше, чем любому другому почесать за ухом.

По ту сторону стены подошвы сапог киммерийца нашли каменную мостовую, глаза – безлюдье спящих улиц, а уши – тишину. Дома начинались шагах в ста от ограды города. Вдоль самой ограды шла мощеная дорожка, от которой через равные промежутки отходили другие, тоже с настилом из камня, тянущиеся в сторону домов. Пространства между этими многочисленными дорожками заполняла трава, подстриженная, хотя и заметно неаккуратно. Местные жители заботятся о своих ногах больше, чем о красоте, подумал Конан. Варвар двинулся к домам, ему показалось неразумным стоять на открытом месте слишком долго.

Дома, к одному из которых Конан прислонился спиной, были сложены из бревен. В Шадизаре дома строили из камня или глины. Над головой простиралось не по-шадизарски малозвездное небо. Знакомые созвездия Конан или вовсе не находил, или они обнаруживались не там, где он привык отыскивать их, упираясь ногами в за-морийскую землю. Ночь касалась тела варвара свежестью и прохладой. Совсем как в Киммерии. И уж точно не так, как в Заморе с ее душными, сухими ночами. И земля не заморийская...

В общем, полно тешить себя пустыми надеждами. Как ни крути, он не в Шадизаре. А где?

Дома напоминали немедийские деревенские избы: бревенчатые, одноэтажные, приземистые. Вот только забором не обнесены, да не такие

опрятные снаружи. Даже более того, здешние дома имели скорее неряшливый вид благодаря всяким мелким небрежностям в отделке, бросающимся в глаза из-за их большого числа. Но внимательнее рассматривать жилища аборигенов киммерийцу было некогда. Северянин чувствовал себя неуютно – в любой момент из дома или из-за угла могли появиться горожане и... Что это будет за этим «и», Конан не знал, но опасался его. Пожалуй, он сейчас выбрал бы что-то вроде сеновала с видом наружу сквозь щели в стене, где можно передохнуть, обдумать, что уже случилось, понаблюдать за обитателями города (кто они такие, что от них можно ожидать) и придумать что-то на будущее.

Конан двинулся вдоль стены (странно, но дом-то без окон!), добрался до угла дома – одновременно и до угла улицы. Свернул за угол на следующую улицу. Ему раскрылся обзор на короткий переулок, впадающий через каких-нибудь два десятка шагов в широкую площадь. Площадь эта была полностью вымощена камнем, а в центре нее красовалась статуя. Настолько примечательная статуя, что киммериец направился в глубь переулочка, прижимаясь по-прежнему к стенам домов, только ради того, чтобы рассмотреть ее вблизи подробнее.

Конан постоянно оглядывался и прислушивался, но с того момента, как он проник в город, ничье присутствие не тревожило ни слух, ни зрение северянина. Город крепко спал.

Остановившись у выхода на площадь, вжавшись в стену углового дома, киммериец всмотрелся, насколько позволял лунный свет, в странное изваяние, что еще издали привлекло его внимание.

Статуя стояла прямо на камнях мостовой, даже подобия обычного в таких случаях основания не наблюдалось. Она была высотой всего в половину человеческого роста. Что тоже было крайне необычно. Если где в виденных киммерийцем городах и воздвигали статуи, прославляя тем самым своих богов, то делали их как можно выше, чтобы внушить трепет и почтение. «Да что, карлики они тут все что ли?» – удивился Конан, вспомнив и высоту городской стены. Но тут же поймал себя на мысли, что тот, на берегу, был роста нормального. Значит, объяснение любви местных жителей ко всему маленькому еще не найдено.

Добро бы только высота статуи изумила северянина. Еще оставалось то, что изобразили в камне местные ваятели. Видимо, местного бога. Паучье туловище, опирающееся на несколько десятков причудливо изогнутых, мохнатых ножек, заканчивающихся копытцами, а поверх того туловища, прямо посередине его – человеческая голова с четырьмя одинаковыми лицами, обращенными в разные стороны. И что-то знакомое

померещилось Конану в этом одном, в общем-то, лице. В этой бороде, закрывающей пол-лица, в кустистых бровях, глубокой суровой складке поперек широкого лба. Наверное, бородатые – они все похожи, подумал киммериец.

* * *

– Будь добр, подожди. Я хочу кое-что спросить тебя об этой человеческой голове на пауьем туловище, – остановил Симур вопросом течение рассказа Конана.

– Спросишь после, – ответил киммериец, – если и так все не узнаешь раньше. Тогда я ушел с площади и забыл про образину на ней, но потом пришлось вспомнить. Впрочем, не забегаем вперед. Тем более на площади я увидел окромя ублюдочной статуи еще и одну сценку...

* * *

Самое обидное для северянина было то, что он не услышал человека прежде, чем увидел его. Человек-то объявился всего в двух десятках шагов от варвара, вынырнул из еще одного переулка. Единственное оправдывало и утешало Конана – человек очень старался ступать бесшумно. И варвар догадался почему. Мешок за плечами идущего, то, как человек вертит головой в разные стороны, – все это не оставляло сомнений, что перед киммерийцем его собрат по ремеслу местного разлива. Из-за мешка северянин не видел лица человека, но роста тот был обыкновенного, так что предположение о том, будто город заселен карликами, в очередной раз не подтвердилось.

Человек с мешком пересекал площадь, направляясь, как догадался Конан, к городской стене. Варвар сделал шаг назад и еще теснее прижался к бревнам углового дома. Даже с собратом знакомиться пока не хотелось.

Собрат же вдруг резко развернулся и замер, то ли вслушиваясь, то ли вглядываясь. И – побежал. Вернее, рванул с места, перейдя на какие-то странные скачки. Прыгнет, на миг приостановится, будто удивившись, что

земля не разверзлась под ним, и новый прыжок. И как-то слитно, ладно и быстро у него получалось – выходил непрерывный бег, а не отдельные скачки. Конана зачаровали его движения, такого он, пожалуй, еще не видел. Зачарованный, северянин не заметил появления новых лиц. Вернее, понял, что они появились, когда в спину бегущего человека с мешком ударилось короткое толстое древко. Тот вскрикнул и упал лицом на камни.

Взгляд киммерийца ухватил еще одну любопытную деталь – прежде, чем ноги унесли его прочь, подальше от нежелательных встреч, – а именно: угодившее в спину древко оканчивалось не острием, а тупой насадкой из металла. Добежав до другого конца переулка, Конан, до того, как свернуть за угол и потерять из виду площадь, оглянулся еще раз. К лежащему теперь бездвижно человеку подходили двое, у одно из которых в руке имелся точно такой же тупоносый дротик, как и тот, что валялся на мостовой. Одинаковые одеяния и вооружение, бляхи с какими-то знаками на груди, их действия, – все указывало на то, что это стражники в ночном дозоре. Значит, надо Конану уносить ноги поскорее и подальше.

«И опять же, очень уж бесшумно они появились. Или я оглох по дороге в эти края?» Да, было чему удивиться. Чтоб два раза подряд слух варвара так подводил его, позволяя неизвестным подобраться незамеченными почти вплотную! Да среди полновесной тишины спящего города!.. Беда!

Все это не добавляло радости и веселья Конану, торопливо уходящему вдоль глухих стен этих странных домов, подальше от стражников на площади. Северянин искал место, которое хотел найти, едва попав в город: безопасное, где можно заночевать и откуда утром можно будет понаблюдать за местными жителями, до поры не обнаруживая себя. Улицы перетекали одна в другую, но пока – лишь дома, тесно прижатые друг к другу, без намека на сеновалы, без каких-либо выходящих на улицу сараев, нежилых пристроек, конюшен. Никаких тебе двориков.

Страх, что он вот-вот может столкнуться с очередными стражниками или с бессонными горожанами, которым ночной скиталец может совсем не показаться, терзал киммерийца, усиливался. Позорный пот заструился по телу.

А, вот – кажется, то, что надо. Сарай, сквозь плохо пригнанные друг к другу доски которого Конан не без труда, но разглядел, что внутри. Там громоздились инструменты, столы, камни-заготовки, готовая к укладке брусчатка. Северянин понял, что перед ним – мастерская, где обрабатывают камни для мощения улиц. Сколько еще он будет искать место получше – неизвестно, а усталость и боязнь города, который не

успел понять, к которому не успел привыкнуть, давили и требовали отдыха в тихом месте.

Конан не думал, что у него возникнут трудности с проникновением в сарай. Оказалось, что их и не могло быть. Дверь, не запертая снаружи, была не заперта и изнутри. Проникнув в мастерскую, киммериец догадался о причинах такой небрежности. Ни один вор, даже самый завалющийся, не нашел бы, что можно стянуть из этого сарая хоть с какой-то пользой для себя.

В углу северянин заметил груды пустых мешков. К ним направился, на них лег, на них же и забылся тут же крепким сном смертельно уставшего человека.

Раннее утро с его восходящим солнцем, с его радостным птичьим многоголосием, со стуками, звяками и переговорами первых проснувшихся в этот день людей разбудило киммерийца. Он подбросил свое мускулистое и одновременно гибкое тело с отслужившей свое «кровати» и как можно бесшумнее пробрался к выходящей на улицу стене сарая. Многочисленные щели между досками позволяли рассмотреть то, что происходит снаружи. Конан увидел группу людей, стоящих вдалеке от его укрытия, на той стороне улицы, и о чем-то беседующих. Люди эти, видимо, только что покинули дом напротив, судя по открытой нараспашку двери рядом с ними, и сейчас, похоже, собирались на какие-то ранне-утренние работы. Варвар с его великолепным зрением мог разглядеть лица этих зевающих и потягивающихся горожан. Он и разглядел...

– Кром с Нергалом! Задницы небесные! – с трудом сумел перевести рвущийся из груди крик в шепот пораженный киммериец...

* * *

– Сам не знаю, отчего я тогда впал в такое изумление, – сказал он Симуру. – Уж вроде как всяких чудовищ и уродцев к тому времени перевидал достаточно. Встречались образины, припоминая которых до сих пор трясусь от отвращения. А эти... Вроде бы и ничего. Люди как люди. Только вот глаза у всех зашиты. Как у того старика на берегу. Стоят эти слепцы, переговариваются, смеются над чем-то, никакой скорби на лице. Неужели, думаю, они все здесь безглазы? Куда я попал?

– Причина твоего изумления, Конан, мне ясна, – приостановил рассказ

киммерийца Симур. – Ты привык к тому, что уродство встречается редко и присуще либо темным колдовским созданиям, либо людям, которые тяготятся им, а тебя самого при этом тешит мысль, пускай подспудная, что ты-то, слава богам, здоров, нормален. И вдруг ты осознаешь, что попал в мир, где уродство норма, а ты сам вроде как изгой, урод. Осознание этого тебя и напугало. Так?

Конан как-то странно посмотрел на собеседника и неуверенно кивнул.

– Наверное, так. А тогда я подумал, ну и что мне дальше делать? Неизвестно до чего б я додумался, только вдруг вижу, что один из этих безглазых что-то сказал другим, и они все посмотрели в мою сторону. Тьфу ты, не посмотрели, конечно, а... э-э... наострили уши, завертели головами так, что я понял – их интересует сарай. А в сарае-то я сижу. Видать, шумнул я ненароком, любой зрячий такой шумок и впритык стой не услышал бы, а у этих, чую, вместо зрения слух развился, как у кошек. Постояли они, значит, повертели головами, а потом направились всей толпой к моему сараю. Другого выхода кроме как на улицу из этой западни нет, я еще раньше осмотрелся. Остается или сидеть тише тихого, надеясь, что не услышат, не нащупают, или выскакивать на улицу да бежать от них со всех ног. Да: прятаться или убежать... Никогда прежде не приходилось делать такой постыдный выбор.

Конан ненадолго замолчал – видимо, тот свой позор был ему неприятен до сих пор. Хотя и колдовством из его сердца удалили храбрость, а все же...

Киммериец тогда предпочел бегство. Он подскочил к двери, распахнул ее, шагнул на улицу и...

– Я чуть замешкался, выбирая в какую сторону бежать, и эти... повели себя удивительно. Я-то думал, они меня за вора принимают, а тут вдруг...

* * *

Вдруг они все как один радостно вскрикнули. Кто-то вскинул руки в приветственном жесте. Их лица покинула напряженность, на смену пришло выражение счастливого ожидания. И они остановились, резко, будто наткнувшись на стену. Конана такая перемена обстановки заставила отложить бегство, но непроизвольно он сделал несколько шагов по улице

и... И еще раз ему пришлось удивляться. Потому что люди с зашитыми глазами разом, словно по команде, попадали на колени с криками восторга: «Всезнающий Бог, точно, Бог! Мы любим тебя!»

«Вот тебе и на!» – только и смог подумать киммериец.

После чего ноги сами понесли его прочь от этого сарая, от этих слепых сумасшедших, которые, поднявшись с колен, провожали его улыбками осчастливленных людей.

Но оказалось, что такими же слепыми и сумасшедшими полон этот город...

Глава вторая

Очень неуютно чувствовал себя Конан на странных улицах странного города. Будто гольшом вышел в шадизарские Торговые ряды. Каждый обращал на него внимание. Прохожих в этот час было немного, но и те редкие ранние пташки, что попадались киммерийцу на его бесцельном пути, едва заслышав тяжелую поступь варвара, хлопали в ладоши, принимались истово кланяться чуть ли не до земли и шептать – всякий раз одно и то же: «Благослови меня, Всезнающий Бог, благослови...»

Конан морщился, торопился свернуть на какую-нибудь боковую улочку между некрашенных домов... но и там не удавалось избежать встречи с аборигенами. Ему хотелось запрятаться в дыру поглубже и потемнее, там дожидаться сумерек, а уж потом... Впрочем, что потом? Ведь они все слепые! Им что день ясный, что безлунная ночь – все одно. Всяко узнают.

Хорошо еще, к его, Конана, божественности местные относятся пусть и благоговейно, но, в общем-то, спокойно, не хватают на месте и не волокут в храм, чтобы денно и нощно молиться сошедшему с небес божеству. Будто настоящий бог каждый день прогуливается по этому городишке и раскланивается со смертными обитателями. Хотя – почему бы и нет? Тут все может быть... Но он-то, Конан, богом не был. И если настоящий бог прознает о существовании шарлатана, что тогда будет?

Даже подумать страшно, что тогда будет... Надо немедля что-то придумать. Замаскироваться, что ли...

Единственное, чем киммериец отличался от местных жителей, были его глаза. Зрячие глаза. Но как горожане распознавали в нем зрячего, будучи сами слепы?

Только одним образом: по походке. Хотя центральные улицы и были вымощены со всем тщанием, камушек к камушку, почти без зазоров, щелей и мусора, местные по ним ходили весьма своеобразно: ногу над землей высоко не поднимали, ступню ставили в несколько приемов, точно пробуя болотистую почву, точно проверяя, нет ли какой преграды на пути, потом уже твердо опирались на эту ступню и подтаскивали другую ногу.

Конан попытался подражать им, однако у него ничего не получилось: он быстро запутался в собственных нижних конечностях и чуть было не растянулся на пыльной мостовой. Горожане же передвигались быстро, уверенно, будто с малолетства учились ходить таким манером. Возможно, так оно и было. Киммерийцу оставалось только запрятаться в какой-нибудь

захламленный проулок, каких между центральными улицами полным-полно, и не шевелиться. Но – сколько? Час? Сутки? Год?..

Итак, в этом сумасшедшем городе его принимают за бога. Что ж, не самый плохой вариант. Могло быть и хуже. Его, например, могли принять за врага или лазутчика, и, в лучшем случае, засадить в подземелье – до тех пор, пока власти не выяснят, кто он такой и что делает в этих местах. И что они выяснят? Что сможет Конан объяснить им? Что бог Бел отправил его в «земли, которые лежат совсем неподалеку, но одновременно недосягаемы» – для того, чтобы он, Конан, отыскал там самого себя? Даже слушать дальше не будут. На плаху сумасшедшего чужака – и все.

От таких мыслей северянину стало вовсе неудобно.

Он свернул в узкий переулок, куда горожане не заглядывали по причине беспорядочных груд мусора, наваленных равномерно между глухими стенами домов.

Шепотом кляня свою судьбу, Конан пробирался среди нагромождения полусгнивших досок, перелезал через кучи обломков строительного камня, огибал пирамиды пустых, развалившихся ящиков; несколько раз буквально из-под его ног шмыгали с коротким визгом крупные, отъевшиеся крысы, и тогда Конан начинал клясть все на свете в голос.

Он не знал, зачем полез сюда, куда направляется. По крайней мере, тут нет слепых аборигенов. Кто ж из них сунется сюда? Только ноги переломает, если сунется...

Однако – сунулись: когда киммериец находился шагах в десяти от противоположного выхода из переулочка, там, у этого выхода, возникла фигура молодой женщины в простой одежде; стройная, светловолосая, с по-крестьянски крепким телом, она могла показаться привлекательной, если б не уродливые стежки ниток, которыми были зашиты ее веки.

– Слава Всезнающим Богам, наконец-то! – воскликнула она, заслышав Конана, и привычно хлопнула в ладоши. – Ты пришел! Мы ждем с самого наступления тепла. И уж начали думать, что ты вовсе у нас не появишься. Откажешься почтить церемонию своим присутствием...

Конан открыл было рот, чтобы ответить, ничего для ответа не придумал и рот закрыл.

Женщина между тем продолжала тараторить, заламывая руки:

– Какой был бы позор для всей семьи! Ужасно, ужасно... Но теперь все будет в порядке. Соизволь же разрешить мне проводить тебя. Все ждут. Родукар нервничает...

Дом, в который незнакомая женщина привела Конана...

* * *

– Почему я пошел с ней? – переспросил погрузившийся в воспоминания Конан, когда Симур своим вопросом прервал повествование. – Сам не знаю. Наверное, я подумал, будто... То есть решил, что... Великий Кром, как это объяснить?! Ну, вот я оказался в городе слепых психов, совершенно один, никого и ничего тут не зная, без денег и пристанища, не понимая, зачем я здесь и что делать дальше.. И подходит ко мне женщина, и говорит, что, дескать, меня давно тут ждут и чтобы я быстренько шел за ней. Что я, по-твоему, должен был думать? Ясно дело, я решил, будто она знает о поручении Бела и собирается мне помочь. Вероятно даже, привести меня к этому... ну, к родственнику моему в том мире. А что еще мне было думать? Все прочие слепцы только тупо кланялись мне и называли каким-то богом... Сет, Адонис и Нергалова селезенка, лучше б я навсегда остался в переулке этом загаженном, лучше б вовсе не видел то, что довелось увидеть в доме Хайри...

* * *

Дом, в который женщина привела Конана, стоял в конце тихой улочки неподалеку, где отовсюду тянуло сладкими ароматами выпечки. Ни одной вывески на строениях, конечно, не было, но варвар смекнул, что здесь, в основном, обитают пекари.

– Прошу сюда, пять шагов налево и две ступеньки вверх, – сказала женщина, дергая Конана за рукав в направлении одноэтажного небогатого домика без единого, как и все сооружения в городе, окна. – Будь осторожен, умоляю: верхняя ступенька шатается, а притолока невысокая.

Увлекаемый хозяйкой, киммериец поднялся на крыльцо. В предупреждениях женщины смысла не было: каждый бы еще издали увидел, что верхняя ступенька держится на честном слове, а дверной проем слишком низкий даже для невысокой спутницы Конана... Стоп. Каждый бы увидел? Вот уж нет: только не местные.

А вдруг, подумал северянин, не только жители проклятого городишки, но и все обитатели этого мира – слепые?..

– Хайри! – На пороге появился высокий мускулистый черноволосый абориген в кожаной лоскутной безрукавке на голое тело и свободных полотняных штанах. – Где тебя носит?

– Тише, Савгор, тише. Я привела Бога.

– Да?.. – Лицо горожанина осветила улыбка. Глаза его тоже были защиты. Странно, но сей факт уже не удивлял и не ужасал Конана: он начал привыкать к этому миру.

Тот, кого называли Савгором, хлопнул в ладоши, потом вытянул руку и почтительно коснулся груди варвара.

– Наконец-то, Всезнающий Бог! Да благословится в веках имя твое, имя снизошедшего до церемонии причащения отпрыска бедного пекаря...

«О Митра, и эти меня за Бога принимают... – подумал Конан, увлекаемый Савгором внутрь и жалеющий, что не сбежал от женщины еще там, в переулке. – И что теперь делать? Чего они от меня хотят? Кром, помоги мне...»

Просторное помещение без окон, куда привели северянина, было тускло и освещено несколькими факелами, установленными на табуретах вокруг большого обеденного стола. В их колеблющемся свете Конан разглядел более чем скромную обстановку жилища: мебель грубая, некрашенная, стены голые, доски пола, хоть и ошкуренные, но пригнанные друг к другу не аккуратно, без всякого вкуса, разномастные – тисовые, дубовые, сосновые и даже еловые. Скрипучие безбожно на все лады. Чуть в стороне, на сооруженном из четырех лавок импровизированном помосте пустело деревянное кресло. Откровенной нищетой дохнула на киммерийца эта обстановка.

* * *

– Потом лишь я подумал: почему, собственно, нищетой? – сказал варвар внимательно слушающему Симуру. – Ну и что с того, что дом без окон, стены драпировкой не укрыты и никаких прочих украшений нет, одежда у всех, как на рыночном скоморохе? Зачем все это – слепому-то? Пол скрипит разноголосом, точно старая повозка – и хорошо: знаешь, куда ступаешь и с какой стороны к тебе человек подходит... Впрочем, это всего лишь досужие рассуждения. А дальше началось самое страшное.

Вокруг обеденного стола сгрудились пятеро горожан: две держащиеся особняком пожилые пары в просторных одеждах и невысокий, нервный толстячок в длинном плотном балахоне до пят, сияющий в свете факелов потной лысиной. (Надо ли говорить, что глаза у всех также были незрячи?) При появлении Хайри, Савгора и незнакомца все пятеро одинаково склонили головы набок, прислушиваясь.

В душе Конана вновь холодной скользкой змеей зашевелился ужас: замкнутое полупустое помещение, освещенное лишь неверными отблесками светильников, и – пятеро неподвижных слепцов, чутко прислушивающихся к каждому движению Конана.

«Интересно, – некстати подумал варвар, – а зачем им факелы, коли они слепые? Для меня, что ли, стараются?..»

– Господин Родукар! – опять затараторила Хайри, оставаясь на спиной Конана; зарождающаяся паника в душе киммерийца отступила. – Он пришел! Бог здесь! Я же говорила, что не может такого быть, чтобы наш первенец остался непричащенным!..

Савгор успокаивающе положил руку на ее плечо.

Только сейчас варвар увидел девятого участника этой непонятной встречи: в центре покрытого чистой скатертью стола, в центре колеблющегося круга оранжевого света, совершенно обнаженный, лежал младенец отроду не более недели. Ребенок беспорядочно сучил ногами и руками, весело гукал, пускал пузыри... и с умным видом разглядывал окружающих.

Да: разглядывал. Ребенок был зрячим. Кареглазый малыш смотрел на слепых взрослых.

Конан не успел удивиться этому обстоятельству: лысый в балахоне, которого Хайри назвала Родукаром, повернулся к гостю и нахмурился.

– Прости меня, Всезнающий Бог, – неуверенно сказал он раскатистым басом, – но твои шаги мне почему-то незнакомы. Кто ты? Как твое имя?.. Извини за подобные оскорбительные вопросы, однако я теряюсь, поскольку не знаю того, кто оказывает нам честь своим участием в церемонии причащения...

– Родукар, – испуганно прошептала Хайри, – остерегись, что ты несешь!.. Это же один из Богов!

Конан про себя отметил это «один из Богов». Ага, значит, бог здесь в

одиночестве не скучает. Это уже легче: во-первых, можно выдать себя за какое-нибудь новенькое божество, а во-вторых, там, где толпа, там наличествуют разногласия и междоусобицы – пусть даже толпа эта из одних богов состоит. Стало быть, всем скопом эти таинственные боги на меня не кинутся, а сначала десять раз подумают: что за тип, зачем он тут и как бы его, меня то есть, повыгоднее использовать – коль местные смертные самозванца за высшее существо принимают. Ха-ха, храбрость храбростью, но смекалку-то я не потерял! Что ж, будем играть по местным правилам. Да и что эти слепцы неуклюжие могут мне сделать?

Приободрившись немного, Конан медленно, по возможности спокойно, взвешивая каждое слово, ответил:

– Любезный Родукар, имя мое – Конан, и прибыл я сюда по приглашению этой доброй женщины, Хайри, чтобы принять участие в церемонии причащения. – И учтиво поклонился. Скрипнули складки его кожаной куртки.

Услышав этот скрип, Родукар машинально поклонился в ответ.

– Всезнающий Бог по имени Конан, позволь представить тебе, – радостно обратилась к варвару Хайри. – Вот мои родители: достопочтенный ткач Нигум и его жена, моя мать, благочестивая Париан. – Пожилая пара слева негромко, в унисон хлопнула в ладоши. – А вот – родители мужа моего, Савгора: достопочтенный пекарь Лизисе и жена его, моя свекровь, благочестивая Виртида. – Тот же жест повторила пожилая пара справа.

– Спасибо, Всезнающий Бог, что почтил этот дом своим присутствием, – подобострастно пробормотал Нигум. Остальные промолчали.

Конан не придумал ничего лучшего, как вяло тоже хлопнуть ладонями и выдавать из себя:

– Очень рад.

При этом он чувствовал себя полным болваном. Хотя, казалось бы, ничто ему пока не угрожает... Впрочем, он заметил, что лысый Родукар внимательно и в высшей степени неприязненно прислушивается к его словам.

– Может быть, пора начинать? – переминаясь с ноги на ногу, несмело предложил Савгор и тут же стал оправдываться: – А то соседи интересуются, когда же наш малыш станет настоящим человеком. Всезнающий Бог Конан, соблаговоли занять подобающее место...

– Момент, уважаемый Савгор, – вдруг жестко перебил его Родукар. Он повернулся лицом к киммерийцу и, казалось, вглядывался в него слепыми глазами. А потом медленно проговорил: – Согласно древним законам,

которые никто не отменял, я, причащающий, имею право на сомнение.

Слова эти, бессмысленные для Конана, потрясли аудиторию. Родители мужа и жены замерли как истуканы, Хайри судорожно всхлипнула. Савгор крепко сжал ее плечо и выдавил из себя:

– Почтенный Родукар, как ты смеешь...

– Законы никто не отменял, – повторил лысый. – А я дорожу своей благородной работой. И ты, Всезнающий Бог, надеюсь, не будешь противиться правилам, которые установлены твоими же братьями?

Не зная, что сказать на это, Конан промолчал. И поступил, как оказалось, мудро: приняв его молчание за согласие, Родукар вынул из широкого рукава тонкое изящное лезвие длиной и шириной не больше мизинца взрослого человека, поднял его над головой и спросил:

– Кто может сказать, что я держу в руке? Слепой Савгор протянул было руку, чтобы коснуться предмета, но, услышав его движение, Родукар отступил на шаг, в сторону свекра и свекрови.

– Так что же это?

Все настороженно молчали.

Тогда Родукар вновь повернулся к Конану:

– Никто не может сказать, что я держу в руке, пока не дотронется до этого. Такое знание принадлежит только Богам. Итак, Всезнающий Бог, называющий себя Конаном, можешь ли ты сказать, не касаясь, что я вынул из рукава?

«Их боги зрячи, вот в чем заковыка! – вспыхнуло в голове киммерийца. – Ах ты, хитрый лысый пень, сейчас я покажу тебе, кто тут есть бог...»

И, шалея от собственной смелости, Конан проговорил:

– У тебя, любезный мой Родукар, в руке нож. Небольшой, но вполне достаточный для того, чтобы раскровенить нос достопочтенному ткачу Нигуму, если ты сделаешь еще один шаг назад.

Ножик исчез в рукаве столь быстро, как и появился.

– Родукар, не хватит ли? – тихо сказала Хайри. – Если Бог рассердится...

Родукар казался растерянным. Впрочем, он быстро справился с собой и вежливо поклонился Конану:

– Прошу извинить меня за сомнение, Всезнающий Бог, – проговорил он. – Но не мы придумали законы и не нам не следовать им. Любой может присвоить себе звание Бога, но не каждый может выдержать испытание сомнением... Просто я никогда раньше не слышал тебя, хоть и проводил церемонию тридцать восемь раз. Надеюсь, ты не обиделся на меня.

– Закон всегда закон, – осторожно ответил Конан. – И я доволен, что

ты чтишь его. – И подумал: «Ах ты, старый лис, не зря ты показал мне именно нож. Если б я не увидел его, то наверняка почувствовал бы между собственных ребер... Однако – еще те боги у этих ребят!»

– Ну, а теперь, когда сомнение разрешилось, – подал голос нетерпеливо топчущийся позади Савгор, – не пора ли начать церемонию?

– Да-да, конечно, – засуетился Родукар. – Извольте занять подобающее Богу место, светлейший Конан. – И он указал рукой на импровизированный трон.

Вжившись в роль бога – была не была, – киммериец с достоинством поднялся на помост уселся на холодное деревянное сидение. Передвинул мешающий меч из-за спины к плечу. Отсюда прекрасно был виден стол и младенец на нем.

– Начнем, – к самому себе обратился Родукар.

* * *

– И началось, – поморщился варвар, заливая горечь воспоминаний терпким вином Симура. – Много я на свете я повидал, уважаемый мудрец, но такое мне пришлось лицезреть впервые. Этот «причащающий», Родукар плешивый, напоил младенца какой-то пакостью из рожка. Ребенок сначала захныкал, но потом утих: видно, сонным зельем шарлатан его напичкал. А папашка с мамашкой и ихние родители смотрят... ну, то есть слушали очень внимательно, будто чудо какое-то происходило.

* * *

Когда младенец уснул, Родукар вынул откуда-то из складок своего балахона тонкую портняжную иголку, в которую уже была вставлена завязанная на узелок на конце нитка. И только тут Конан сообразил, что сейчас произойдет. И до боли в пальцах вцепился в подлокотники кресла – чтобы не закричать от ужаса. Но не смотреть он не мог.

Словно заколдованный, киммериец смотрел, как Родукар, нащупав

длинными чуткими пальцами веки младенца, занес над ними злоеце поблескивающую в свете факелов иглу.

Все остальные, кроме Конана, тихо затаили медленный, щемящий душу вой:

В боли рождался,
И в боли становишься ты человеком,
Пуповина матери перерезана,
Пуповина твоя защита.
Мать твоя страдала, но это было недолго,
Страдаешь и ты, но этот будет недолго...

Игла ткнулась в левое верхнее веко новорожденного, пронзила плоть; натянулась нежная кожа, лопнула, и в сопровождении капли крови иголка вышла с другой стороны. Родукар вытащил иглу, потянул вверх; за иглой последовала обогрившаяся нитка.

Младенец захныкал, но не пошевелился. Капли крови покатались по его пухленьким, розовым щекам.

Семейство запело громче:

Мать твоя зачала тебя в радости,
А родила в страданиях;
Ты становишься человеком в страданиях,
А жить будешь в радости...

Родукар деловито продолжал работу. Игла проткнула левое нижнее веко младенца. Нитка затянута. И игла вновь ткнулась в верхнее крошечное веко. Балахон истязателя окропился кровью.

* * *

– И так раз за разом, – рассказывал Симуру Конан, монотонно покачиваясь на стуле, прикрыв глаза, сунув руки под ягодицы. – Стежок за стежком, сначала левый глаз, потом правый. Иголлка вверх-вниз, вверх-

вниз. А я пошевелиться не могу. Смотрю, будто замороженный, как эта сволочь младенцу глаза зашивает. А что сделать? Закричать: не надо, не надо, что ли? А вдруг у них так принято – и неспроста? Вдруг без этого... причащения... человек сразу погибает, или в Серые Равнины отправляется, или, не привели Кром, в Мир Демонов попадает? Кто ж знает, что у них за порядки мировые такие... Только, короче, долго я не выдержал. Когда третий стежок на правом глазе затянулся, я вскочил со своего кресла – бог я или нет? – и заорал...

* * *

На самом деле, Конан только собрался закричать: «Остановитесь, я запрещаю!» – но тут входная дверь без стука распахнулась, и на пороге, в окружении трех слепых воинов возник силуэт невысокого, крепко сбитого человека в сиреновом, сшитом из одного куска материи наряде, похожем на тунику. Оружия при нем не было.

– Дорогу Всезнающему и Всемогущему Богу Адонису! – дружно рявкнули охранники и в унисон брякнули длинными тонкими мечами.

Участники гнусной церемонии испуганно отшатнулись. Конан почувствовал себя более чем неуютно.

– Прибыл сюда я, в присутствии дабы моею таинство причащения новорожденного сына великой страны Дзадишар было по правилам освящено, – размеренно, замогильным голосом проговорил новый персонаж этой сцены, предварительно хлопнув в ладоши. – Ведомо мне, что лекарь искусный, прославленный врач Родукар находится тут, а также младенца родители, а также родители тех, кто его породил, а также...

Тут он запнулся, забыв закрыть рот: взгляд его остановился на восседающем на троне киммерийце.

Повисла пауза. Боги молча смотрели друг на Друга; настоящий – удивленно и остолбенело, поддельный – испуганно и напряженно. Да, Конан оказался прав в своих догадках: бог, названный Адонисом был зрячим. Взор его глубоко посаженных темно-карих, почти черных глаз, прячущихся под кустистыми бровями, приковал северянина к креслу.

Надо отдать должное местному богу: Адонис быстро взял себя в руки, мельком глянул на младенца, уже почти полностью ослепленного, и продолжил тем же гулким голосом/» от которого по коже бежали мурашки:

– Помыслы божьи людям простым не дано угадать. Радуйтесь же, родители новорожденного сына могучей страны Дзадишар! – Он распростер длань над ребенком: – Великую честь мы с братом моим оказали дому сему и в нем проживающим людям: сегодня ваш отпрыск был причащен в присутствии не одного, но двух одновременно Богов! О, взор погружая в грядущее, вижу: ему уготованы слава великая и непобедимого воина лавры! Радуйтесь, радуйтесь, мать и отец героя, чье имя не будет забыто в веках!

– Благословите нас, Боги Всезнающие! – нестройно ответили участники церемонии, а мать ребенка даже прослезилась – то ли от гордости за сына, то ли от благоговения к богам, то ли от страха.

– Благословляю, – милостиво ответил Адонис. – Однако теперь мы с братом моим должны гостеприимное ваше жилище оставить. Мне ведомо: врач Родукар сумеет достойно закончить святой ритуал причащения и нового, славного жителя нашей страны явить горожанам.

Человек в тунике повернулся к замершему на деревянном кресле Конану. Нахмурился, исподтишка вытянул в его сторону указательный палец, потом ткнул тем же пальцем в сторону двери и им же быстро чиркнул себя по горлу. Жест, понятный во всех мирах: «Быстро наружу, не то...»

– Брат мой, Всезнающий Бог, – обратился к киммерийцу Адонис, – должны мы сейчас удалиться, поскольку дела безотложные требуют, чтобы вернулись немедля в Обитель Богов мы. Спешите же, мой брат. Я уверен, что врач Родукар завершит то, что начал, без нас.

Конан подчинился. А что ему оставалось делать? Перед ним стояли трое вооруженных, пусть слепых, но воинов. Северянин в его теперешнем состоянии с ними бы не справился.

Они покинули жилище Савгора и Хайри, оставив ошарашенных неожиданным поворотом событий слепцов в полном оцепенении.

Щурясь от яркого дневного света, Конан спустился по ступеням крыльца, и тут крепкая рука Адониса схватила его за плечо и развернула к себе лицом.

– Урод, ты откуда взялся? Ты кто такой? – яростно не прошептал, но прошипел бог. Макушка Адониса едва доставала киммерийцу до подбородка, но столько власти, столько силы слышалось в его голосе, что Конан растерялся. Растерялся и испугался. Слепые стражники почтительно замерли неподалеку – так, чтобы почтительно не слушать беседу Всевышних, но мигом вмешаться, если почувствуют, что их владыке угрожает опасность.

– Я... Я приплыл сюда... – пролепетал варвар. – Ночью... Я не знал...

– Не знал он, выродок! Тебе разве неизвестно, что вашим можно появляться здесь только на Северном причале и только в конце каждого месяца? Почему у тебя оружие? Тебе разве неизвестно, что оружие в Дзадишаре запрещено? А? Отвечай!

– Я...

– Звать как?

– Конан...

– Тупица ты, а не Конан! Почему я тебя раньше не встречал? Ну ладно. В Обители разберемся, что ты за фрукт. Эй, – вдруг поглядел Адонис куда-то поверх плеча Конана, – а это еще кто такие?

Будь Конан прежним Конаном, он бы на эту детскую уловку не попался. Но Конан нынешний бесхитростно обернулся в ту сторону, куда посмотрел бог. Разумеется, за спиной никого не было. Зато на затылок варвара неожиданно обрушился страшный удар, в глазах вспыхнули тысячи солнц и мир погрузился в бездну.

Последнее, что услышал теряющий сознание северянин, были слова Адониса, обращенные к стражникам:

– Мой брат захворал. Возьмите его и отнесите в нашу Обитель Богов, чтоб там излечиться он мог...

Глава третья

Вот уж не знаю... Но, Митра, тебе же известно, что утром двое слушачей Харакхты сообщили, будто по городу расхаживает кто-то из наших. А поскольку все мы были здесь и поскольку мне так и так нужно было участвовать в причащении, то мы с Ишгар и порешили: прогуляюсь-ка до церемонии по улицам, погляжу, как и что. Ну и прогулялся. Каюсь, немного опоздал к началу причащения. Захожу в дом – а там этот тип сидит на моем месте, zenки свои поганые таращит.

– Надеюсь, Адонис, никто ничего не заподозрил? – раздался мелодичный женский голосок.

– Конечно, нет, Ашгорех. Я разыграл целый спектакль и вытащил этого недоумка из дома раньше, чем они слово успели вякнуть.

– Ладно, – вздохнул мужской хрипловатый голос. – Хватит об этом. Давайте подумаем, что нам делать. Кстати, Сет, ты приказал умертвить стражников, которые тащили сюда этого... этого человека?

– Ясное дело, Митра.

– Добро. Эрлик, так ты уверен, что неизвестный – не с материка?

– Абсолютно, Митра. Я внимательнейшим образом изучил строение его тела и черепа и волосяной покров и с полной уверенностью утверждаю: если где-то в мире и существует такая раса, то живет она в недоступных районах. Великолепно развитая мускулатура, громадный рост, непривычный для обитателей материка цвет волос и глаз, а также...

– Ладно, ладно, Эрлик, хватит. Как же он появился тут?

– Понятия не имею. Голос Адониса:

– Он говорил, что приплыл ночью.

– Откуда?

Едва слышный шорох, по-видимому, вызванный пожатием плечами. Женский голос:

– Не о том думаешь, Митра. Кто он, зачем и откуда – знать нам не обязательно. Главное, что он здесь, и сейчас необходимо решить, как поступить с ним. Я предлагаю немедленно умертвить пришельца – пока он не нарушил все наши планы.

– Тебе бы, Деркэто, только глотки резать. А если это лазутчик и скоро сюда заявятся армии захватчиков? Представляете, как наши причащенные будут воевать со зрячим неприятелем? Нет, прежде чем убивать, надо допросить его, выпытать правду.

– Ты, Харахта, слишком уж мрачно смотришь на вещи. Неужели настоящий лазутчик стал бы разгуливать по улицам этого города в открытую?

Голос Иштар:

– Тише, друзья, кажется, наш гость приходит в себя.

Если бы Конан был прежним Конаном, то боль (даже не боль, а так... неудобство, онемевший локоть) не заставила бы его пошевелиться, выдержал бы он, перетерпел ради того, чтобы еще послушать интересный разговор. Он жалел (ему только это и оставалось), что не услышал больше.

Его рывком подняли с пола, на котором он, оказывается, лежал и посадили, прислонив спиной к стене. Киммерийцу уже ничто не мешало открыть глаза и осмотреться.

Просторное помещение, высокие своды, много светильников и света, по стенам – огромные, цветастые ковры, на них висит оружие, всякое разное, в том числе и незнакомое ему. Пол из мраморной плитки. В центре залы – огромный стол на массивных ножках, на изготовление которого угрохан, не иначе, целый лес. Вокруг стола – стулья ему подстать, как троны богов. Впрочем, эти придурки и мнят себя богами. Вот и они сами: стоят у стола, опираясь на спинки своих стульчиков, видать, только что оторвали от них свои задницы, ну а двое, мужик и баба, устроились по обе стороны от него, от Конана. Один из этих двоих – его старый знакомый, Адонис. Именно он отводит ногу и сильно бьет под ребра.

Конан вскрикнул от боли.

– Это удовольствие – по сравнению с тем, что с тобой будет, червяк, попробуй ты смолчать или обмануть нас. Мы сейчас будем спрашивать тебя.

«Что ж ты стихами не говоришь, гнида», – подумал, но не сказал киммериец. А для веселой компании (Конан подсчитал «богов» – восемь, пятеро мужчин, три женщины) он издал жалобный писк, дабы показать свой испуг и готовность отвечать на все вопросы правдиво и подробно.

Вопросы не заставили себя ждать.

Опять же Адонис, будь он неладен:

– Кто ты, выползень, и откуда?

Спрос не застал северянина врасплох, не заставил лихорадочно перебирать в уме пригодные ответы, подыскивая наиболее спасительный. Едва очухавшись и сообразив, что он пока что не на Серых Равнинах, а все еще на Не Пойми Каких Равнинах, а потом послушав о чем толкуют сумасшедшие, называвшие друг друга именами богов, Конан понял, что ему не отвертеться от допроса. И ясно, как день, было, чем поинтересуются в

первую голову. Тем, чем и поинтересовались. Могли бы, кстати, и не бить. Ибо киммериец уже приготовил, опираясь на подслушанный разговор, ответ и, между прочим, не собирался молчать.

– Имя мое Конан. Я из Киммерии, – с показной охотой заговорил северянин, умело, надежно связанный прочными веревками по рукам и ногам. – С острова, что лежит по другую от вас сторону материка. Недавно нас впервые посетили люди с материка и поведали о земле, где живут боги, которым мы поклоняемся. Мы не мореходы, мы никогда не уходили далеко от берега на своих триерах. Но последний год принес нам столько несчастий! (Конан изобразил на лице Подлинную Скорбь) Мор, неурожаи, пожары сыпались на наши головы одно за другим. Мы поняли, что в чем-то прогневили богов. И узнав, что можно доплыть до их Обители, мы снарядили триеру, нагрузили ее дарами, коими надеялись умиловить Властителей Судеб людских, и пустились в плавание.

Северянин облизнул пересохшие губы. Во время его длинной речи никто из «Властителей Судеб Людских» не проронил ни слова. Они обжигали говорившего взглядами, а на их лицах читалось: у одних – замешательство, у других – явное недоверие и злоба, у третьих – живой интерес.

– Мы плыли по указанному людьми с материка пути. Много дней мы провели в море. Все, казалось, благоприятствует нам. Но вчерашней ночью наша триера налетела на что-то или что-то пробило днище нашего корабля – мы так и не узнали причину постигшей нас беды. Мы ничего не успели предпринять, как вдруг после страшного удара, триера пошла ко дну. Мне повезло – я выплыл, ухватился за обломок мачты и потому не утонул. Этой же ночью мачту волны выбросили на ваш берег. Мои товарищи, боюсь, все погибли.

По щеке рассказчика скатилась крупная слеза.

«Не переиграть бы», – подумал Конан.

– Складно наплел, – хриловатый голос. Вроде бы, припомнил варвар, именно его обладателя величали Митрой.

– Не нравится он мне, – с редкой для женщины злобой прошипела та, что стояла рядом с пленником, коротко остриженная, светловолосая, крупнотелая, и носком изящного сиреневого сапожка неожиданно ударила киммерийца в подбородок. Варвар насилу успел отклонить голову, и сапожок всего-навсего скользнул по щетинистому подбородку.

– Сядь, Деркэто, не мельтеши, – сказал Митра. Конан рассмотрел его – невысокий, кряжистый, с курчавой черной бородой, лет сорока.

– Мы с ним еще не договорили. Итак, Равные,

– он обвел взглядом всех своих в зале, – кто-то еще хочет о чем-то спросить у... нашего гостя? Эрлик?

На это имя отозвался высокий, сухопарый мужчина с орлиным носом и глубоко посаженными глазами. По его облику и голосу угадывалась сильная, уверенная в себе натура.

– Я никогда не слышал ни о какой Киммерии, – буравя взглядом пленника, произнес Эрлик. – Каким богам вы там поклоняетесь? Конан стал перечислять:

– Митра, Иштар, Деркэто, Харакхта, Адонис, Ашторех, Эрлик, бог тьмы Сет и – Подумав, киммериец добавил: – Кром, бог богов.

А потом северянин разыграл внезапно прозревшего идиота:

– Я же слышал имена Деркэто, Адониса и Эрлика. Боги! Значит, я попал к богам! Какое счастье!

«Еще неплохо бы воздеть руки при этом, да ведь связали, гады», – горько усмехнулся про себя варвар.

– Мне повезло, я доплыл, ах, как не повезло моим товарищам, они не доплыли, – причитал киммериец.

– Тихо ты! – рявкнул на пленника Адонис.

– Он мог слышать наш разговор, пока притворялся, что валяется без сознания, – заметил маленький человечек, почти карлик с лысой, похожей на яйцо головой.

– Верно, Харакхта, – кивнул Митра, – мог.

– Так оно и было! – взвизгнула Деркэто и вцепилась Конану в волосы. – Говори, грязный кобель, правду! – ключья иссиня-черных волос киммерийца полетели в стороны.

– Боги! Я ни в чем не виноват! – вопил Конан, которому и в самом деле было больно. – Смилуйтесь, великие! Простите наш народ!

– Прекратить! – рявкнул Митра. – Адонис, оттащи ее!

Адонису не без труда, но удалось сделать это.

– И ты заткнись! – приказал Митра пленнику, продолжавшему скулить и бормотать что-то о любви к богам. Похоже, Митра любил тишину и спокойствие.

– Я знаю, чего она так взбеленилась, – ехидно усмехнулся высокий, стройный, белокурый красавчик. – Испугалась, что Иштар увлечется этим самцом и ей будет еще тяжелее добиться расположения любимой Иштар.

Деркэто, зарывав, бросилась к красавчику, несомненно собираясь выцарапать ему глаза. Ее остановил вставший на пути Харакхта, которому и досталось кое-что из того, что предназначалось красавчику.

«Еще те боги», – вздохнул про себя киммериец.

– Убью того, кто будет мне мешать! Угроза Митры возымели действие: «боги» немного утихомирились.

– Значит, так, – устало продолжил Митра, – только вопросы. Судьбу пленника решим после. Ясно?

Вроде бы, всем было ясно.

– Кстати, – задумчиво произнес яйцеголовый карлик Хараххта, – о Кроме мы не говорили. Правда, его имя он мог слышать на улицах города.

«Вот так, значит, и Кром у них также имеется. И его не забыли. Как я угадал!» – беседовал тем временем сам с собой северянин.

Посыпались вопросы. Властители Судеб Людских допытывались, как выглядели те люди с материка и их корабль, какие имена и названия упоминали, какие товары с собой привозили, что у них там в Киммерии за порядки царят, и еще о многом другом спрашивали и спрашивали...

Конан отвечал. Говорил о том, что там у себя в Киммерии он не великая сошка, так, рядовой воин, и потому к людям с материка его очень близко не подпускали, беседовали с ними, разумеется, его киммерийские вожди; ну, он сам, конечно, кое-что тоже видел, самую малость, о чем сейчас расскажет. И рассказывал, вспоминая те крохи подслушанного разговора, которые давали хоть приблизительное представление о том, что могут из себя представлять люди с материка, а больше действуя наугад, полагаясь на чутье, да на везение.

* * *

– Знаешь, приятель, лучше два раза по столько времени мечом отмахать, чем переносить такой допрос, – признался собеседник Симура.
– Не помню уж, когда так уставал. Но – гляжу на рожки обступивших меня, и вроде как на них не проскальзывает торжество: мол, ага, гаденыш, вот мы тебя и подловили. Значит, думаю, ничего лишнего не ляпнул. Хотя, конечно, вряд ли мой рассказ звучал уж очень убедительно. Слишком много всяких «не знаю», «не видел», «не доверяли – не допускали». Наконец они иссякли...

* * *

Наконец «боги» иссякли.

– Я думаю, Равные, надо его сейчас отправить в Убежище Оступившихся.

И остальные согласились с Митрой.

– Я препровожу его. То сказал Адонис. После он велел Конану подняться на ноги, плотно завязал ему глаза черной материей и вывел из залы.

– Вперед, налево, ступеньки вниз, ступеньки вверх, направо, – слышал варвар голос Адониса и повиновался ему, что помогало в нелегком передвижении с завязанными глазами.

Киммериец переступал мелкими шажками, ощупывая перед каждым шагом ждущую его ноги поверхность. Он опасался, что его могут вести к какой-нибудь ловушке, вроде провала с заостренными кольями на дне. Но... но ему не оставалось ничего другого, как положиться на удачу и на то, что Убежище Оступившихся не означает «приговорен к смерти». Ноги киммерийца нащупывали каменные плиты, потом песок – тогда, когда свежий воздух и ветерок указали на то, что они выбрались на улицу. Потом они вновь вошли в какое-то здание и опять возобновились каменные плиты под ногами. Иногда Адонис коротко командовал «Остановись!», северянин останавливался, Адонис подходил вплотную, командовал «Вперед!» и сам направлял движение пленника, разворачивая за плечи. Конан подумал, что его проводят через какие-то ловушки.

Наконец после очередной команды «Стой!» Адонис обошел ведомого, впереди лязгнул запор, и несильная, но властная рука куда-то втолкнула Конана. «Не иначе, в темницу», – решил киммериец. После того, как запор лязгнул второй раз, он уже не сомневался в этом, а скоро просто-напросто убедился...

* * *

А в зале шел «божественный» разговор.

– Что скажете, Равные? Именующие друг друга Равными сидели на массивных стульях, расставленных вокруг круглого стола. Старшего у Равных не было, но уже давно повелось, что предводительствует Митра.

– Убить! На этот приговор, произнесенный Деркэто.

Сет, белокурый красавчик, криво усмехнулся. Заговорил Эрлик:

– То, что поведал нам пойманный, может быть правдой. Люди с материка любят путешествовать на своих кораблях. Они могли оказаться в этой, как ее... Киммерии, а дикари вроде нашего друга могли додуматься отыскать своих Богов, то есть нас с вами. Я считаю такое возможным.

– И что с того! – взвилась Деркэто. – Зачем эта скотина нам нужна!

– Я могу сказать, зачем, – зазвучал за столом мелодичный голос Иштар. Все повернули головы в ее сторону. – Семь восходов назад от нас ушел в Мир Покоя тот, чье место за столом сейчас свободно. Бел. До следующей полной луны мы должны среди младенцев отобрать Достойного...

– Мы знаем Закон, – с ухмылкой вставил Сет.

– Я знаю, что вы знаете. Вы также знаете, что в последнее время доносят слухачи. Все больше и больше сомневающихся. Некоторые высказывают неверие, что Боги приходят к ним из Мира Покоя. Мы можем разубедить сомневающихся, укрепить веру. Предъявив причащенным нового Бела. В ближайшие дни.

Все догадались, что предлагает Иштар.

– Ясненько, – протянул Сет с вечной ухмылочкой. – Наша милочка Иштар приглядела нового согревателя постели. Я надоел ей давно, Адонис – недавно... Что прикажете делать?

У Иштар дрогнули губы, но она ничего не сказала в ответ. Сказал Митра:

– Это очень серьезное предложение, очень. Такого еще никогда не было. Это... не по Закону.

– А не кажется вам, Равные, – задумчиво произнес Харакхта, – что наш новый друг не слишком умен? Хотя... Может, он просто неотесан, и через какое-то время из него что-нибудь да получится.

– А если вдруг объявятся его соплеменники? – вступила в разговор Ашгорех.

– А если он не тот, за кого себя выдает? – спросил Эрлик.

– Закон священ и незыблем. Нарушать его нельзя. Убив чужака, мы поступим по Закону, и неприятностей у нас не будет.

– А Деркэто все о своем, убить да убить, – вошел в залу Адонис. – Чужака я отвел.

– Садись, Адонис, ты быстро поймешь, о чем у нас тут идет разговор. – Митра огладил кучерявую бороду и продолжил: – Я думаю сказанное Иштар достойно самого серьезного обсуждения. Закон священ и незыблем – да, но... Но нас всего восемь, а причащенных сами знаете сколько, и хотя

им не увидеть того, что видим мы, однако... Эх, и о спокойствии в умах причащенных мы должны беспокоиться не меньше, чем о незыблемости Закона.

Адониса, занявшего свое место за столом, быстро посвятил в суть беседы сидящий рядом Харахта.

Тем временем Митра говорил:

– Я считаю, что пока мы не вправе предпринимать никаких поспешных шагов. Через четыре дня месяц закончится, к Северной пристани придет караван с материка, как обычно с месячным запасом пропитания для наших дорогих причащенных. Вот у тамошних моряков и узнаем, есть ли на свете страна Киммерия и возможно ли, что бы человек оттуда попал к нам. А пока пусть посидит в Убежище.

Равные еще немного поговорили, не сказав друг другу ничего нового, и в конце концов сделали так, как предложил Митра – оставили разрешение судьбы Конана из какой-то там Киммерии на некоторое время. До прихода кораблей с материка.

Глава четвертая

Адонис, поганец, повязку с глаз не снял. Придется как-то это делать самому.

– Эй, дружок, ты кто? Не узнаю что-то.

Не принадлежащий никому из «богов» голос. Тоже заключенный?

– Эй, дружок, – в тон говорившему откликнулся Конан, – я расскажу тебе, кто я и еще много интересного. Только, дружок,ними с моих глаз эту тряпочку.

Молчание. Потом:

– С чего снять?

«Ах, дурень, – обругал себя Конан, – он же слепой, откуда ему знать, что такое глаза».

– Подойди ко мне пощупай голову, нащупаешь тряпку, снимешь ее.

– И что я с этого получу? Конан рассмеялся.

– Я гляжу... то есть слышу, ты не промах. Своей выгоды не упустишь. Я отдам тебе полпайки ужина.

– А самому-то хватит? Я слышал, ты крупный парень... Ладно, уговорил. Только зачем тебе напялили на голову тряпку?

Киммериец расслышал приближающиеся кряхтение и шарканье, а потом почувствовал, как его голову ощупывают пальцы незнакомца. Вот они дотронулись до глаз, вот торопливо сорвали повязку, прошлись по лицу, еще раз дотронулись до глазных яблок.

– Ты больной?! – слепец отшатнулся от Конана.

– Не очень. Можно сказать, здоров. Не пугайся. – Северянин быстро скинул с рук ослабленные Адонисом путы, протер освобожденные глаза, стал осматриваться. Лицезрение сокамерника он отложил на потом. В первую очередь его интересовало место, в которое он попал.

* * *

– Представь себе, Сатур: клетка, большая клетка, навряде той, в которой львов показывают в саду Ста и одного фонтана. А рядом еще с десяток таких клеток, пустых. Весь этот клеточный городок под

открытым небом огорожен стеной, высотой где-то в два моих роста. В стене всего одна дверь, тогда она была закрыта. Никаких стражников поблизости не видеть. Под ногами песок. В углу нашей клетки жалкая кучка прелой соломы.

– Тебе не показалось странным, что вас обоих посадили в одну клетку при таком-то выборе? – спросил Симум.

– Показалось. Прямо вот тогда и показалось. А причина выяснилась позже. У них никогда больше трех человек зараз не сидело в тюрьме. И они годами запирали всех всегда в одной и той же клетке. Полагаю, так им удобнее было сторожить. По привычке поступили и на этот раз.

– Косность мышления.

– Что?

– Ну, это когда делают что-то, как делали всегда, по заведенному обычаю, даже не задумываясь, что можно, в общем-то, сделать и иначе, – объяснил собеседник киммерийца.

– Выла и еще одна причина. Эти «всезнающие боги» не собирались оставлять в живых тех из своих, как они называли, причащенных, которые ей... тьфу ты, слышали меня, и уж давно тех, которые хоть словом перекинулись со мной. Так что посадили меня, по мнению «богов», к мертвецу...

* * *

Из-за стены, что окружала клетки, не было видно ничего, кроме безоблачного в тот день неба. Что там, за оградой?

– Эй, дружок, ты взаправду здоров? Это.. не заразный, правда? А что у тебя тогда с гнилогноями?

Варвар перекинул взгляд на своего собрата по тюремному унынию. Перед ним стоял среднего роста человек, худощавый, сутулый, с клочковатой бородой. Волосы его представляли такое же печальное зрелище, как и у других незрячих обитателей здешних краев: проплешины чередовались с пропущенными ножницами рыжеватыми островками короткого жесткого волоса.

– С чем? Ах, да... – Конан догадался, о чем спрашивает слепец. И это, понятное дело, начало нового расспроса. Сейчас последует непременно «кто, откуда и как очутился здесь». Ну, чем этого-то успокоить?..

* * *

– Гнилогной, гнилогной... – задумчиво проговорил Симур. – Хм, хорошо придумано. Само слово вызывает отвращение не только к себе, но и к предмету, который обозначает. А сами «боги» свои глаза тоже именовали гнилогноями?

– Нет, «боги» глаза называли глазами. Услышав ненароком это слово, их подданные, разумеется, не могли догадаться, о чем идет речь...

* * *

– Чего молчишь? – в голосе сокамерника послышалась угроза. – Я – Везунчик, и если я спрашиваю, надо отвечать. Понял?

Правой рукой назвавшийся Везунчиком провел по животу, словно поглаживая его после сытного обеда и – в его ладони появился гвоздь. Не сказать что очень длинный, но, конечно же, остро отточенный.

* * *

– От этого гвоздя ты не погиб, раз сидишь напротив меня, – надумал пошутить Симур.

– Да, – кивнул варвар, – точно так. Кром, наверное, свалился бы с неба от удивления, если бы я отправился на Серые Равнины после удара гвоздем. Будешь слушать дальше?

* * *

Конану пришла вдруг в голову идея. Он понял, почему та статуя, виденная им ночью на площади, лишена постамента и такая невысокая. Конечно, для того, чтобы эти безглазые могли ощупывать ее, когда вздумается. И через это можно... Ладно, додумаю на ходу, решил он.

– Слышь, Везунчик, у меня с гнилогноями все в порядке. Ты уже встречал такие, разве не припоминаешь?

Слепец-сокамерник наморщил лоб. Через какое-то время задумчивость на его лице уступила место злости.

– Ты над кем издеваешься, наглец? Надо мной?!

Везунчик сделал шаг к Конану, рука с гвоздем угрожающе приподнялась, ладонь до белизны костяшек сжала «оружие». Позорный испуг шевельнулся в сердце варвара, хотя бояться ему, зрячему, совершенно нечего: увернуться сумеет, отбежать сумеет, перехватить руку сумеет.

Киммерийцу стало стыдно за самого себя, когда он услышал, как торопливо говорит голосом, утратившим твердость:

– Нет, твои пальцы уже ощупывали такие же! Изваяние на площади. Ну, голова на туловище паука. Лицо с бородой. Четыре одинаковых лица и на всех гл... м-м... гнилогной, как у меня. Слушай, да спрячь ты свою железку!

Железка выпала из разжавшейся ладони слепца и воткнулась острием в песок. Колени его подкосились, он опустился на песок, выговорил: «Ты – Всезнающий Бог! Ты – Кром!» и лишился чувств.

«Получается, они образину на паучьих ножках почитают за Крома», – неприятно поразило киммерийца это открытие.

* * *

– Зря я про Крома ляпнул. Ох, и намучился я тогда с моим новым знакомым! Когда он пришел в себя, мне пришлось долго успокаивать его, уговаривать обойтись без битья головой о песок и выкрикивания славословий. «Не Кром я, не Кром, и не бог», – устал повторять я, но, наконец-таки, достучался до него. «Не Кром? А кто тогда?» – спросил он, когда его рассудок вернулся на привычное место. А я еще тогда сам не решил, кто я такой для него, и потому начал издали.

– Вот посуди сам, – сказал Конан, – как я могу быть Кромом? Где живет Кром?

– Известно, где! – фыркнул Везунчик, сидя на корточках у противоположной решетки. – Он спит в Обители Богов, но знает о каждом человеке все, что тот делает и о чем думает. А когда настанет Последний Час, Кром проснется, победит всех и начнет вершить суд: кого из жителей отправить на Серые Равнины, а кого взять с собой в Обитель...

– Правильно. – Конан взял на заметку и то, что в компании здешних «богов» место Крома, оказывается, свободно. – Он спит. Как же, по-твоему, я, если я Кром, могу спать и одновременно находиться в Убежище Оступившихся? Разговаривать с тобой?

Везунчик озадаченно поскреб в клочковатой шевелюре. Не давая ему времени найти подходящий ответ, Конан продолжал наступление:

– И тебе прекрасно известно, как выглядит Кром, – варвара передернуло, – а я выгляжу, как нормальный человек, не так ли?

– Похож, – нехотя вынужден был признать Везунчик. – Вот только гнилогной...

– Да забудь ты о гнилогноях! – рассердился киммериец. – Мало ли чего у меня там на лице... Я знал одного торговца шерстью из Шагравара, так у него вообще два носа было.

Везунчик на мгновенье замер, потом недоверчиво потрогал свой нос, переспросил:

– Два? У него было два носа?! – и вдруг разразился таким хохотом, что даже затряслись стены клетки. – Два носа! Ну, ты сказал! Два!

– И это не мешало ему обвешивать покупателей так, что однажды стражники отрубили ему оба, – добавил Конан.

– Ой, я не могу!..

Несмотря на то, что Везунчик, судя по всему, особым умом не блистал, барьер недоверия можно было считать успешно преодоленным, а знакомство – состоявшимся. Теперь имело смысл расспросить сокамерника поподробнее о здешних порядках. А тот, как видно, был не новичком в Убежище Оступившихся.

– Эй, чего шумишь? – вдруг раздался за спиной Конана недовольный голос.

То ли из-за громогласного смеха Везунчика, то ли из-за прирожденной

осторожной поступи местных жителей, но киммериец не услышал приближения незнакомца.

Он обернулся. По ту сторону решетки стоял высокий худощавый слепец с тупоносым дротиком в руках. Не иначе, местный надзиратель. Черноволосый, смуглый, с защитными по обыкновению глазами, он держался на безопасном расстоянии от клетки, однако дротик его был направлен точно в лоб весельчаку. На груди худощавого поблескивала крупная бляха с непонятным выпуклым символом.

– Прекратить смеяться! – гаркнул надзиратель. – А то щас как врежу промеж гнилогноев!

– Да ладно тебе, Коэн. Этот парень такую умору рассказывает, аж гной потек... – утирая слезы, сочащиеся через нитки, проговорил Везунчик. – Послушай только!

– Некогда мне слушать, – уже не так грубо отрезал названный Коэном. И повернулся ухом к киммерийцу. – Эй, чужак, ты чего народ пугаешь? А то щас и тебе ка-ак...

– Да ладно, Коэн, не злись. Лучше пожрать бы стотовил, жрать охота, сил нет...

– Пожра-ать, – проворчал надзиратель, но дротик опустил. – Тебе бы жрать только, лучше б о себе подумал, вот лопнет терпение у Богов, они с тобой церемониться и перестанут...

Продолжая ворчать что-то под нос, надзиратель удалился.

– Кто это? – спросил варвар.

– Охранник тутошний, – махнув рукой и окончательно успокоившись, ответил сокамерник. – Два носа, придумают же... А Шагравар – это где? Что-то я не слышал о таком месте.

– Далеко. Очень далеко, – вздохнул Конан.

– Дальше, чем Три Сосны на Каменном Берегу?

– Пожалуй, что да, – усмехнулся киммериец.

– Ну, ничего себе... – уважительно протянул Ворчун. – Эк тебя занесло... А я дальше Южных Оврагов и не бывал нигде. И что, там все у вас с гнилогноями, как у Крома? Или только двуносые попадаются? И почему в Убежище угодил?

– Очень много вопросов, Везунчик, тебе не кажется? – нахмурился Конан. – По-моему, сейчас моя очередь спрашивать.

– Да и спрашивай, – стушевался новый знакомый. – Что я, против, что ли, мне-то скрывать нечего...

– Тебя-то за что в Убежище посадили?

– А, сам виноват. – Везунчик озабоченно поскреб в боку. – Прошлым

теплом услышал, что плотник Огги собирается холод провести в доме невестки, сын у нее занемог, вот я и решил пощупать, что у него в мастерской интересного может храниться. Нащупал, в мешок покидал, да и ноги быстренько сделал... Да, слыхать, не слишком быстро. Стражники за мной погнались, достали – и вот я тут...

Конан про себя улыбнулся. Только теперь, при свете дня, он узнал собеседника – именно его повстречал варвар прошлой ночью, когда пробирался задворками города. Именно его ткнули в спину дротиком и поволокли куда-то двое в одинаковой форме...

* * *

– «Тепло» и «холод», – задумчиво проговорил Симур. – Понимаю. Это на их языке «день» и «ночь». Они же слепые, с понятием света незнакомы...

Киммериец кивнул:

– Это я и сам уже дотумкал. Мне хотелось выяснить у Везунчика, как можно слинять из Убежища. Я не собирался сидеть в клетке до тех пор, пока «боги» соблаговолят решить мою судьбу. Страшно было, конечно, думать о побеге, но я почему-то был уверен, что ничего хорошего в решении «богов» меня не ждет. Поэтому уж лучше пересилить страх, чем покорно ждать смерти...

– И что Везунчик?

– Да ничего. Он оказался еще тупее, чем я думал. В Убежище его забирали примерно дважды в месяц, всякой раз за попытку грабежа, держали несколько дней в клетке, награждали двадцатью плетями и отпускали... Так что законы тамошних «богов» ко всякого рода преступникам помягче шадизарских.

– Это легко объяснимо, – сказал Симур, отщипывая виноградину от кисти на серебряном блюде и отправляя ее рот. – В городе должен поддерживаться порядок, поэтому стражники всегда должны быть начеку. А среди слепых от рождения не так уж много людей, склонных к преступлению, поэтому их нельзя изводить под корень. Чтобы стража не дремала, они иногда должны проявлять себя.

– Наверное, все так, как ты говоришь, – несколько раздраженно ответил Конан, – но мне-то от этого было не легче. Везунчик как свои

пять пальцев знал город, однако о том, что находится за его пределами, не имел ни малейшего представления. И как можно выбраться из тюрьмы не знал. И сколько охраны в Убежище, как расставлена и когда сменяется не знал. Знал только одно: через несколько «холодов» его отлупцуют по заднице, да и выпустят. Так что напарничек он был еще тот. Пожрать и поспать – вот и все, что его интересовало...

* * *

– О, вот и пожрать несут! – восторженно вскрикнул

Везунчик, по-собачьи подняв голову и потянув носом воздух. – Наконец-то!..

В самом деле, с противным скрипом отодвинулась металлическая заслонка на двери клетки; надзиратель по имени Коэн протолкнул внутрь две мятые миски с кусками вареного мяса, одну за другой, и кувшин, почти до краев полный воды. Постанывая от удовольствия, первым схватил миску – ту, где мяса было чуток больше, – Везунчик. И принялся, чавкая, жрать: запихивать пальцами мясо в рот и, кажется, не прожевывая, глотать. Будто его не кормили неделю. Или будто его кормят в последний раз.

Конан, сидя на корточках, смотрел, как трапезничает его приятель по клетке, и к своей порции пока не притрагивался. Есть почему-то не хотелось. Муторно было у него на душе.

Хотя, надо отдать «богам» должное – во многих тюрьмах побывал Конан за свои неполные девятнадцать лет, но такую заботу об узниках встречал впервые. Трехразовое, судя по словам сокамерника, питание, причем кормят добрым, хорошо проваренным, сдобренным приправами мясом, а не всяким гнильем; спи, сколько хочешь; работать не заставляют – век бы тут жил, не тужил...

Впрочем, в последнем пункте Конан несколько преувеличивал. Просто успокаивал себя. Не мог киммериец жить в запаerti. Во многих тюрьмах побывал он и не было почти ни одной, из которой бы его выпустили. Иными словами, отовсюду он уходил сам, по собственному желанию. И, разумеется, против желания стерегущих его стражников.

Отовсюду мог сбежать варвар из Киммерии. Даже лишенный храбрости мог: ведь смекалка-то осталась при нем...

Но только не из тюрьмы слепцов.

А выбраться необходимо. Чтобы найти самого себя в этом безумном мире и украсть у него самое ценное, что у него есть. Чтобы не остаться навсегда, до самой смерти в городе слепых. Чтобы не остаться навсегда трусливым щенком... Да, очень некстати попал Конан в тюрьму в первый же день своего пребывания здесь.

– Ты чего не ешь? – наклонил ухо к решетке Коэн. – Нужно есть, Боги заботятся о тебе, не надо их сердить.

– Если не хочет, пусть не ест, – с набитым ртом заметил Везунчик. – Мне больше достанется.

«Интересно, а как местные выращивают хлеб, мясо откуда получают? – вяло подумал варвар, наблюдая за довольным Везунчиком. – Слепой пастух стадо не удержит... Или коровы у них тоже с зашитыми глазами? Сумасшествие какое-то...»

– Где вы еду берете? – спросил Конан у Коэна.

– Что значит – где? – удивился тот. И охотно ответил: – Где и все – Великие Боги заботятся обо всех причащенных, кормят их и поят... Э, брат, откуда ж ты такой взялся, что простых вещей не знаешь...

Судя по всему, надзиратель был не прочь поболтать еще с узником, однако киммериец устало прикрыл глаза и привалился спиной к решетке; Круговерть последних дней, путешествие в иной мир, ночные брожения по городу слепых и пленение сделали свое дело: сморенный усталостью киммериец задремал. Последнее, что он спросил у надсмотрщика, было: «Что самое ценное есть у тебя, Коэн?..»

Но тот не ответил. То ли не услышал, то ли Конан задал вопрос уже во сне.

Так закончился первый день варвара из Киммерии в стране слепых.

* * *

– Парень этот, тюремщик который, малым вроде оказался не плохим. Почему-то сразу я к нему проникся... Наверное, потому что раньше ни одного нормального надзирателя не встречал, все большие сволочи попадались. Да и он, кажется, не прочь со мной поболтать был. А что, скучно день-деньской торчать на солнцепеке, даже поглазеть не на что, ха-ха...

Ну, короче, то да се, на следующий день стал я у него понемногу,

между делом, выznавать, откуда ихнее государство возникло, кто всем, кроме «богов» заправляет, что интересного посмотреть можно. И Коэн охотно рассказывал – ведь я не вор... ну, то есть, здесь, по крайней мере, ничего не спер, за что сижу непонятно, да и чужеземец вроде – интересно все ж таки.

Вот так мы и коротали часы – то он расскажет чего, то я навру с три короба про свои приключения. О том, кто я да откуда, я покамест не заикался – неизвестно, как дело повернется: судя по местным верованиям, никаких прочих стран-государств, кроме Острова, не существует. А вдруг либо бедолаге Коэну не поздоровится от божков этих, либо он сам меня за какого-нибудь убогого примет. Зачем мне это надо?

А Коэн-то уши развесил, рот раззявил, слушает: я ему плету небылицы. А воришка этот, сосед мой, сидит себе в уголочке, дремлет, когда есть выдают, лопает так, что аж за ушами трещит, да еще добавки просит, и куда столько влезает. На нас внимания вроде не обращает. Ан нет: вижу, слушает, стервец, на ус мотает.

Рассказывал Коэн сбивчиво, то и дело отвлекался на какие-то тюремные байки, когда слова нужного не мог подобрать, жестами себе помогал, чего-то не знал, что-то не понимал, однако худо-бедно я в общих чертах усек, в каком тупом мире они живут. И, знаешь, Симур, хреново мне стало. Потому что некуда мне было деться. Не мог я переубедить этого придурка слепого – так все стройно и четко вписывалось в их видение мира. То есть не видение, конечно... Слышание, что ли? Короче, не важно.

Вот. А на третью ночь моего заточения вдруг слышу...

– Подожди, Конан, – мягко перебил рассказчика Симур. – Я понимаю, что тебе не терпится, но не мог бы ты поподробнее рассказать об их видении мира? Поверь, это очень любопытно.

– Ну... Раз любопытно...

В общем, по их представлениям, давным-давно никакого Острова не было, а был одинокий всемогущий единый Бог по имени, как это ни смешно, Кром. И то ли скучно стало Богу, то ли еще что, но собрался он завести детей. Поразмыслил, поработал над собой он несколько тысконок лет, и в конце концов забеременел (Бог-то, как-никак, всемогущий!). В чреве его начали расти два детеныша; одного Кром назвал Мраком, другого – Светом и постановил: кто родиться первым, тот и будет царем над всем миром. Дескать, а я, сыночки, пока отдохну малость. Вот. И вроде бы первым должен был появиться Свет, но Мрак схитрил и, сделав папочке «королевский разрез» изнутри, таким образом родился

раньше.

Что интересно, оба эти отпрыска, по представлениям дзадишарцев, сыновья эти, хоть и являлись богами, но не теми, как мы их понимаем. То есть, я хочу сказать, ни рук, ни ног, ни головы у них не было – один это просто сгусток света, ну а другой, понятное дело, сгусток тьмы...

Ладно, не о том речь.

Кром сотни три годков находился в замешательстве: с одной стороны, Мрак действительно оказался первым, а с другой – нечестным путем, и как быть, неясно. Потом Крома осенило, и он решил, что сначала тысячу лет миром будет править Мрак, затем его сменит Свет, и так далее.

Братьям же такое решение по душе не пришлось – каждый хотел править миром сколько влезет, бессрочно. Поэтому они поделили мир на две равные части и принялись перекраивать их по своему усмотрению. А Кром удалился на покой.

И все бы ничего, кабы братья на этом уgomонились. Но нет: Мрак никак не мог смириться с мыслью, что владеет только половиной Вселенной, он желал правдой или неправдой захватить себе и территорию братца, Остров – для чего создал сонмище темных богов и теперь всячески пытается проникнуть в чужие владения. Однако Свет, разумеется, догадался о злонамерениях родственника, создал на границе Острова магический щит, а также породил собственных воинов-богов и расставил их оборонять подступы к своей части мира.

Конан замолк. Покрутил в пальцах высокий серебряный бокал на длинной изящной ножке, любовался, как солнечный луч играет на его полированных боках. Молчал и Симур, терпеливо ожидая продолжения.

– Как ты, наверное, догадался, – угрюмо заговорил варвар, – эти самые боги-воины, внуки Крома, меня и повязали. Которые якобы вотчину Света, то бишь, Дзадишар, охраняют от всяческих тварей из темной половины. Не всегда успешно, но всегда самоотверженно, ибо, дескать, жизнь и процветание обитателей Дзадишара превыше остального. Потому все жители и поклоняются своим «охранителям» да молятся, чтобы скорее вернулся Кром и наказал Мрака.

– Я догадался, – без тени сарказма, задумчиво протянул Симур. – Что ж, картина мира получается простенькая... и в то же время не подкопаешься – как раз из-за этой простоты. Понимаю, понимаю. Стало быть, если вдруг в пределах Острова Дзадишар случайно появится чужак – зрячий, я имею в виду...

– Именно, – мрачно кивнул Конан. – Его примут либо за одного из

новорожденных «богов» и обязательно препроводят к «братьям» в Обитель, либо за лазутчика Темных сил и тут же разорвут на части голыми руками... А поскольку никаких «лазутчиков» на деле не существует и островитяне никогда с ними не встречались, то меня, ясное дело, приняли за своего защитника...

С одной стороны – повезло. А с другой – что дальше-то? Все равно я оказался в лапах у «богов» этих треклятых, в кутузке! Хорошо, тюремщик мой пока меня за собрата-слепого держал; а прознай он, каков я на самом деле? Пикой бы ночью заколол – ему ведь что день, что ночь, все едино, не видит, так слышит, что твой филин, а потом доложил бы «охранителям»: так, мол, и так, мною выявлен и уничтожен шпион Мрака... Хотя – вру: не стал бы он ни колоть меня, ни закладывать. Потому что...

Хрустнув, кубок начал сплющиваться, сжимаемый могучей рукой северянина. Симур успокаивающе положил ладонь на запястье своего гостя и сменил тему:

– Хорошо, хорошо. Ну а как же твои «боги» мотивируют ослепление младенцев?

– Что они с ослеплением делают? – озадаченно переспросил киммериец. Рука его разжалась, и кубок особо не пострадал.

– Ну, как они объясняют, что нужно детям глаза зашивать?

– А, вот ты о чем... – Конан нехорошо ухмыльнулся. – Тут у них тоже все схвачено. По религии этих шлюхиных детей выходит, что лазутчики Мрака иногда проникают на территорию Света – подчас ценой жизни одного-двух богов-охранителей, потом «возрождающихся» к жизни в другом облике, – и пытаются вселиться в тела людей, чтобы их собственными руками разрушить Остров. – Северянин склонился над столешницей и устремил взор своих пронзительно синих глаз на мудреца. – А вселиться в тела людей они якобы могут только через отверстия в теле, находящиеся в передней части головы – гнилогной. Поэтому-то «боги» и закрывают их своим подопечным. Раз и навсегда.

– Хитро придумано, – хмыкнул Симур. – Горбун не будет уродом в стране горбатых, а нормальный человек окажется там либо убогим, либо... сверхсуществом. Хитро.

– Может быть, – мрачно заметил Конан. – Но мне-то что с того? Будь я даже о семи глаз, все равно – кто меня из клетки выпустит?

– Тоже верно. – Симур помолчал. – И, полагаю, что никто из островитян ни разу не усомнился в истинности этой теории. Ни одна мать не воспротивилась Причащению. Ни один не попытался перерезать

нити, стягивающие его веки...

– Насчет последнего ты не прав, – возразил варвар. – Мой тюремщик рассказывая, что ходят слухи, будто кое-кто иногда пытается открыть гнилогнои – но тут же, правда, погибает в страшных мучениях. А что касается сомневающихся... Даже Коэн несколько раз намекал, что не все ему нравится в «Великих Богах», что на его памяти и памяти дедов лазутчики Мрака никогда не проникали на Остров, – может, и нет никаких лазутчиков... Я раза два попытался объяснить ему, как все на самом деле, да разве он слушал...

– Да... – непонятно вздохнул Симур, – вера - это мощь сильнее урагана, мора и черного колдовства... Ну, так что с тобой случилось на третью ночь, Конан?

– На третий холод мне не спалось. Я думал о том, кто является мной в Дзадишаре и что есть для него самое дорогое. И тут меня озарило: глаза! Конечно же, глаза, способность видеть для слепого есть наиболее ценное!

И теперь оставалось лишь найти себя в этом мире. Выбраться из ловушки...

Глава пятая

Над головой простиралось не по-шадизарски малозвездное небо. Знакомые созвездия Конан или вовсе не находил, или они обнаруживались не там, где он привык отыскивать их, упираясь ногами в заморийскую землю. Ночь касалась тела варвара свежестью и прохладой. Совсем как в Киммерии. И уж точно не так, как в Заморе с ее душными, сухими ночами. И земля не заморийская...

Конану не спалось. В голове, как береговые камушки, тревожимые накатами прибоя, ворочались мысли. Сплошь безрадостные. Ну, что может быть самым ценным для его двойника в этом мире? Допустим, глаза, способность видеть. И как быть? Он что же, должен отнять у него этот дар, которого двойник и так лишен? Выколоть ему эти самые гнилогной, что ли? Бессмыслица...

Нет бесшумно открывающихся дверей, даже среди хорошо смазанных. И если твой слух обострен, а дело происходит беззвучной ночью...

Киммериец приподнялся, прожигая взглядом темноту. Кому это не спится помимо него? Темный силуэт в ночной темноте уверенно продвигался от двери в ограде к клетке с единственными в этой тюрьме заключенными. Походка-то не слепца...

И не мужчины, определил варвар незадолго до того, как увидел, кто это к нему пожаловал.

– Иди сюда, иноплеменник, – тихо позвала «богиня», остановившаяся у входа в клетку.

Конан безмолвно встал, подошел. «Ее, кажется, именовали Иштар. Да, точно ее», – припомнил северянин, разглядев пришедшую.

– Повернись спиной, протяни мне руки.

Конан безропотно выполнил приказание женщины. И почувствовал, как запястья ему ловко оплели тонкой бечевкой.

Иштар просунула сквозь прутья решетки свои ручки, изяществу которых она выслушала немало комплиментов от тех, кто их видел, и быстро управилась с веревкой. Отомкнув замок, выпустила чужеземца из клетки и завязала ему глаза.

Конан был уверен, что Везунчик проснулся, хотя со стороны сокамерника не раздалось ни вздоха, ни шороха.

– Иди! – приказала Конану женщина. – Сначала прямо.

Что ж оставалось северянину кроме подчинения?..

– Направо.

Спустя некоторое время:

– Стой, теперь налево.

То есть повторялось все то, что он слышал от Адониса, только в обратном порядке.

Они кого-то прихватили по дороге. Кто-то, кому Иштар, видимо, подала знак следовать за ними, теперь топал за спиной киммерийца. По походе – слепец.

Он, подумал сам про себя Конан, делает успехи в мире слепцов, уже на слух отличает зрячих от незрячих. Еще немного, и глаза ему станут не нужны.

Любому путешествию, даже самому увлекательному, приходит конец. Путешествие с Иштар и с завязанными глазами тоже окончилось – скрипом дверных петель, толчком в спину, повторным скрипом, снятием повязки.

Тот, кто недавно дышал Конану в спину, был, не иначе, оставлен снаружи. По эту сторону двери киммериец увидел лишь Иштар. Они находились в небольшой комнате, которую почти полностью занимала кровать. Добротная, дубовая, на ножках толщиной чуть ли не с сам дуб, бесхитростная, но надежная.

К кровати подошла и села на нее Иштар.

– Приблизься ко мне, – приказала та, что считала себя богиней.

«Отчего бы не приблизиться? Вряд ли это разыгрывается ритуал по выкалыванию или отрезанию. Скорее... Впрочем, увидим...» Конан встал перед сидящей женщиной. Она крутила

кольца на пальцах; его руки оставались связанными.

– Ты знаешь, боги во многом похожи на простых смертных... – сказала Иштар и замолчала, погрузившись в задумчивость. Словно решала, продолжать или нет. И решила продолжить:

– Богам так же не чужды некоторые слабости. В конце концов, люди-то и созданы по облику и подобию богов. Так что...

Опять повисла пауза.

– Скажи, человек, если забыть, что я Иштар и мне нужно поклоняться... нравлюсь я тебе как женщина?

Конану не пришлось врать. Несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды женщины не перестали его интересоваться. Тем более красивые.

– Да, нравишься, – просто сказал киммериец.

– Тогда, – в голосе «богини» зазвучали нотки высокомерия, – я окажу тебе великую честь, позволю провести со мной ночь. Считаю, это награда

тебе за то, что смог, преодолев все препятствия, добраться до нашей Обители.

Ишгар поднялась с кровати. Не отрывая взгляда карих глаз от киммерийца, она принялась медленно, очень медленно развязывать узелок за узелком, расстегивать петельку за петелькой, неторопливо до невыносимости высвобождать из-под одежды молодое, ждущее любви тело.

– Руки связаны, – хриплым голосом напомнил пленник «богов» и «богинь».

– Ничего, – усмехнулась Ишгар, – нам это не помешает...

* * *

– Так и вышло: не помешало. Никогда до того я не обходился без участия рук. Оказалось, можно и без них. Ну, в конце-то концов она распутала веревки, когда совсем забыла об осторожности. И обо всем другом, кроме одного, тоже забыла. Мне больше не пришлось говорить, что она мне нравится. Это и так стало заметно. Я-то, честно говоря, немного побаивался, что из-за этих проклятий Бела у меня может не заладиться. Кто его знает, что он там еще наколдовал. Но нет, все было в порядке. Очень долго мы с «богиней» обходились без всяких слов. Разве что кричали и стонали. Умела она любить, потому как нравилось ей это дело. Да и я никогда не считал барахтанье в кровати скукой или там пустой тратой времени. Наконец устали, сели, сидим, она положила голову ко мне на колени...

– Ну, конечно! О чем еще мужчины могут говорить! Только одно на уме...

Конан и Сатур оглянулись. Из дома на террасу вышла женщина, одна из тех немногих, кого полнота не только не портит, а наоборот, делает еще привлекательнее. Киммериец догадался, что это и есть хозяйка дома, она же хозяйка заведения «Розовые льдинки», где, по уверениям Сатура, собраны самые симпатичные в Шадизаре толстушки.

– Вино и женщины – больше ничего этих мужчин не волнует, – продолжала она. – Разве только драки еще. До потасовок пока не дошло? Ага, кубки из дорожущего немедийского серебра уже сплющены. О чью, позвольте узнать, голову?

– Локиния, у нас в гостях Конан из Киммерии.

– Ах, как я рада! Какая честь для меня! Сам Конан из самой Киммерии! Теперь ниже Митры и принимать никого не смогу. Королей буду за порог выставлять, чтоб не осквернили дорожки, по которым Похаживал сам Конан! – Уперши руки в бока, Локиния остановилась возле стола, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Симур укоризненно покачал головой, Конан рассмеялся.

– А я тебя, черноволосый, помню. Не скажу, что такие верзилы редкость в моем заведении, но мало кто за ночь оставляет в «Розовых льдинках» целое состояние. Запоминается. Легкие денежки, да?

– Я тебя тоже помню, толстушка. Ты руководила своими девочками, как хороший десятник. Спуска не давала. Всех расставляла по местам и смотрела, чтоб не ленились.

– Значит, считай, мы старые знакомые. – Локиния взяла со стола кувшин, встряхнула. – Тогда придется принести еще вина.

– Она остра на язычок. Ты, надеюсь, не из обидчивых? – спросил Симур, когда хозяйка дома ушла.

– Некоторые вещи я никому не прощаю.

– Ну, ничего такого она не скажет. Соображает, что можно говорить мужчинам, а что нельзя.

– Тут тебе видней, но если и есть у женского племени изъян, то это, конечно, чересчур длинные языки. Вот и тогда Иштар размякла и разговорилась. Словно прорвало ее. Болтала без умолку. Впрочем, кабы не ее разговорчивость, не знаю, как все и повернулось бы...

* * *

Ишгар, столь же похожая на богиню, сколь и на обыкновенную женщину, лежала, упокоив голову на коленях пленника и любовника.

– В твоей... как она там... Киммерии знают толк в любовных играх. Или ты один такой умелец? Тогда как же твои женщины отпустили тебя в чужие края? – Она засмеялась. – А зачем тебе возвращаться к твоим дикаркам? Кто ты там? Человечек, каких полно. Таким человечком и умрешь. А здесь ты можешь стать Богом. Впрочем, нет: ты умрешь здесь, если не станешь Богом. Таков твой выбор: или отправиться в Мир Покоя, или сделаться одним из Властителей Судеб Людских. Вижу, ты удивлен.

Думаешь, шучу? Нет, Конан из Киммерии, не шучу. И в доказательство готова освободить тебя.

Она ловко дернула за веревку, которой были связаны руки киммерийца, и путы упали на смятую постель. Очевидно, веревка была завязана каким-то хитрым узлом, поскольку Конану самостоятельно скинуть их не удалось, как он ни старался.

– Вот ты и свободен.

– Это – свобода? – хмуро поинтересовался он, оглядывая стены.

– Радуйся пока и такой, – ответила «богиня». – А полную свободу еще надо заслужить. Готов ли ты бороться за свою свободу, человек из Киммерии?

– А как ты думаешь?

– Уверена, что да. Тогда слушай внимательно и не перебивай.

И Ишгар принялась рассказывать. Она открыла тайну «богов». Состоящую в том, что они, такие же люди, как и причащенные, смертны. Что «боги» так же, как и люди, подвержены страстям, болезням, страданиям и – даже – смерти.

Она передала киммерийцу, о чем говорили «боги» после того, как Адонис увел пленника из Пиршественного Зала.

Киммериец слушал молча. По сути дела ничего нового для себя он не узнавал. Просто подтверждалось то, что он выяснил из бесед с Везунчиком и Коэном, и то, о чем он догадался сам.

Новое началось, когда разошедшаяся Ишгар принялась расписывать, что из себя представляет каждый «небожитель» в отдельности и какое место среди Равных предстоит занять Конану.

– Ты будешь Белом. Я все обдумала. Значит, так. Против тебя главным образом будет выступать Деркэто, но к ней обычно не прислушиваются – чуть что, эта сучка хватается за стилет и требует крови, причем неважно чьей. Дура жестокая. Так что ее в расчет не принимаем. А с остальными просто. Эрлик – не дурак, далеко не дурак, он будет за нас. Понимает, куда ветер дует, и что твое появление здесь можно использовать в свою выгоду... Адонис хоть и предан Митре, как последний служка, но тупой, как дерево, так что его я уломаю за минуту. Если большинство будет за то, чтобы ввести тебя в состав Равных, то он протестовать не станет. Харакхта – трус, и у меня есть, чем припугнуть коротышку. Что получается? Я, Эрлик, Адонис, Харакхта – четверо. Деркэто, Ашторех, Сет – трое. Большинство будет за тебя, а Митра не пойдет против большинства. Вот так ты станешь Белом...

Ишгар говорила что-то еще, но Конан уже не слушал. Его чуткий слух

уловил какое-то шуршание за дверью. Или это только показалось? Или это крыса? А если сейчас там стоит кто-то из «богов» и подслушивает...

«Богиня» же, поглощенная собственными речами, не замечала вокруг ничего.

Тело мгновенно покрылось противным липким потом.

– ...а во-вторых, – продолжала вздохнуть Ишгар, – Митра уже немолод, многие из наших, Эрлик, к примеру, давно высказывают недовольство его решениями, не при всех, конечно, но... Так что нам требуется новый предводитель. Так почему бы этим предводителем не стать Белу, а? Конечно, поскольку ты пока не очень хорошо разбираешься в местных порядках, я помогу тебе на первых порах, подскажу, как и что надо делать...

Вот! Вот опять! Теперь Конан явственно услышал шорох по ту сторону двери. Никаких сомнений: там кто-то есть. И этот кто-то не крыса. Человек. Наверняка местный «бог»...

– ...Эрлик, конечно, сам убивать Митру не станет, но вот Адонис, если с ним...

Она замолчала, будто ей рот заткнули кляпом, когда Конан резко схватил ее за запястье и сжал пальцы. Предупреждая ее негодование, он поднес палец к губам, а потом тем же пальцем указал на дверь.

Ишгар, надо отдать ей должное, поняла все моментально. На миг ее лицо исказила гримаса ужаса, но уже в следующую секунду глаза гневно сузились.

– Сиди тихо, – едва слышно выдохнули ее губы. – Будто тебя здесь и нет. Если это кто-то из наших, я знаю, как не пустить его сюда...

Она соскользнула с постели и бесшумно прокралась к двери. Прислушалась. Очень медленно открыла ее – дверь не скрипнула, – шагнула за порог...

И влетела обратно в комнату, успев только коротко охнуть.

Удар деревянным концом сторожевой палки пришелся точно по лбу «богини». Перешагнув через упавшую сразу за порогом Ишгар, в комнату вошел Коэн.

– Я все слышал, – сказал он.

* * *

– Хм, как же Иштар, прекрасно осведомленная о слуховых талантах своих подданных, допустила такой промах, а? Так глупо позволила себя подслушать. Из того, что ты мне рассказал, я не составил представления о ней как о глупой женщине. Самоуверенности, конечно, у тех твоих «богов» хватало с избытком, но настолько потерять осторожность? Неужто ты до такой степени сумел ее залюбить? Тогда надо отдать должное твоим талантам...

– Да нет, не в этом дело. Хотя... – Конан на мгновение окунулся в задумчивость, – и не без этого. Но вообще-то я особо ни при чем. Как выяснилось, Коэн сам надумал подслушивать. Так-то он должен был торчать в проходе возле решетки, перегораживающей проход. Это шагах в двадцати от комнаты Иштар. Оттуда он бы ничего ни в жизнь не услышал. Но он подкрался к двери, нарушая все приказы...

– И за одно это его могли казнить прямо на месте, – вставил Симур.

– Да, – кивнул Конан.

– Значит, здорово ты смутил его своими разговорами в клетке. Нарушилось привычное течение мыслей в его голове. Твоему тюремщику захотелось вернуть на место прежнюю ясность миропорядка или удостовериться в горькой правоте твоих рассказов, – говоря это, Симур отрешенно глядел на свое размытое отражение в серебре кубка.

– Не знаю, что там творилось в его голове, но Иштар он своей палкой приложил на славу. Я сперва подумал, что и вовсе убил...

* * *

– Я все слышал, – повторил Коэн бесцветным голосом. – Ты свободен. Теперь – по-настоящему.

– И что ты собираешься делать? Коэн пожал плечами.

– Выпущу Везунчика, потом попробуем с ним вместе выйти за Ворота.

– Ага, так вас и выпустили...

– Так потому я и не убил ее, а только оглушил, – Коэн безошибочно указал пальцем на бездвижную Иштар. – Или ты думаешь, мне тяжело было бы убить ее? Нет, я просто не хотел. Она поможет выйти за Ворота.

– А почему ты меня не зовешь с собой?

– Ты – Бог. То есть ты такой же, как эти. То есть не такой, конечно, а... Ну, ты понимаешь, о чем я говорю. Ты знаешь то, что не могу знать я. У

тебя свой путь, такие как мы на нем только помеха.

– У нас один путь – за Ворота. Куда нас никто не захочет выпускать. – Конан присел на корточки, откинул со лба поверженной «богини» челку. На нежной коже наливался багровым цветом будущий синяк. – Как скоро после твоих ударов приходят в себя?

– Я ударил ее вполсилы.

– Оно и видно. Послушай, – северянин по свойству зрячих людей обернул лицо к собеседнику и тут же поймал себя на мысли, что можно этого и не делать, – а по-другому, не через Ворота, отсюда никак не выбраться?

– Нет.

– А я вот думаю – можно.

Коэн безучастно стоял на том же месте и в той же позе, а киммериец поднялся с корточек и принялся расхаживать по небольшому пространству помещения, не занятому кроватью, изучающе рассматривая обстановку. Он искал что-то, временно могущее заменить ему оружие. У Иштар, в отличие, скажем, от Адониса, не имелось при себе даже завалящего кинжальчика. А для задуманного северянином обзавестись оружием было бы желательно. Сумеет ли он перебороть свое проклятие и воспользоваться им – это уже другой вопрос, но чтобы попытаться и чем-то воспользоваться, надо этот предмет по меньшей мере держать в руках. Занятый поисками, Конан продолжал говорить:

– У «богов» должен иметься еще один, тайный выход. Я почти уверен. Не могли они не позаботиться на всякий случай. Вроде подземного хода. Так что неплохо было бы, если б наша Иштар очухалась. Но даже если мы выберемся отсюда, даже незамеченными, нас быстро разыщут эти «боги», чтоб им сдохнуть, и их стражники.

– Но мы расскажем людям...

– Если успеем. Ну, а успеем, так кто нам поверит. Ты-то сам, пока не услышал собственными ушами, не верил.

Конан, не найдя ничего более подходящего, остановил свой выбор на массивном дубовом, как и кровать, табурете, и принялся отламывать от него ножку.

– Так что, Коэн, как ни крути, а коли мы не обезопасим себя от «богов», дело наше дохлое.

– Ты хочешь их убить? – в голосе слепого охранника киммериец уловил не изжитое до конца благоговение перед Властителями.

– Не обязательно. Можно просто запереть, скажем, в такой вот комнате. Пока их найдут... Ладно, пошли выпускать Везунчика?

Северянин доломал табурет и, вооруженный теперь короткой, но увесистой палкой, подошел к Ишгар. Легко забросил тело, которое недавно ласкал, на плечо.

– Берем ее с собой? – поинтересовался Коэн.

– А ты можешь сказать, сколько нам надо прождать тут, пока она очухается от твоего удара в полсилы?

Слепой вел зрячего по коридорам Обители. Никто по пути к темнице им не попадался. По уверениям Коэна, стражники Властителей и не должны появляться здесь. У охраны всего два постоянных поста: Ворота и темница. И без приказа просто так зайти в святая святых Обители, шляться по коридорам... лучше сразу броситься в Сухой колодец. Вот Боги – те да, те могут ходить когда и где угодно, кого угодно прихватывая с собой. Но, может быть, они сейчас все-таки спят?

Коэн резко остановился возле одного из поворотов. Конан, послушно шедший след в след, чуть не налетел на слепца. Последний, не поворачивая головы, тихо произнес:

– Убежище Оступившихся оставлен охранять Ликур. Ничего не предпринимай. Веди себя как обычно, как до этого.

И Коэн пошел дальше.

Возле двери в стене, огораживающей клетки, стоял тот, кого называли Ликуром. Когда они приблизились, Ликур насторожился, развернув ухо к Конану. На лице стражника обозначилось легкое удивление. Конечно, человек с ношей ступает по-иному.

– Приказ Ишгар – я стою до первого боя, – сказал Коэн. Ликур немного промедлил, вслушиваясь во что-то и размышляя, и ушел, не произнеся ни слова.

Что подельвали «боги», оставалось пока тайной, а Везунчик действительно спал. И проснулся, только когда Коэн стал отпирать клетку.

– Вставай, вставай, не притворяйся, что дрыхнешь, – Конан зашел в темницу и аккуратно положил на пол так и не пришедшую в сознание женщину.

– Что это ты приволок? Никак тело? – Везунчик проворно вскочил с постели, то есть с прелой соломы, и охваченный любопытством заспешил к Конану и его ноше.

– Потрогай, братец, потрогай. И попробуй сказать, что это не Богиня, что это не Ишгар.

Везунчик потрогал.

* * *

– Что тут началось, я тебе скажу! Он заметался по клетке, как пойманный тигр, вопил, плакал, тряся, рвал на себе волосы. Попробовал даже кинуться на меня со своим гвоздем, но его перехватил зашедший в клетку Коэн и хорошо перекрыл палкой по спине. Тогда наконец Везунчик утихомирился, залег на свою солому и принялся жалостливо поскуливать оттуда. Мы с Коэном стали ему втолковывать что к чему. Конечно, больше говорил тюремщик. Пересказывал то, что услышал от Иштар. Понятно было, что если уж Везунчик не поверит своему, слепому, то мне-то и подавно. Ну, думаю, не до рассвета же нам его обрабатывать. Если сразу не согласится примкнуть к нам, то и Нергал с ним, запрем в клетке и пойдем без него. Возмемся мы, значит, с Везунчиком и вдруг слышим стон. Обернулся – ага, наша небожительница очухалась...

* * *

Коэн первым оказался около «богини», замахнулся своим тупоносым дротиком и прошипел:

– Я тебя убью, дрянь!

Когда он произносил «дрянь», голос его дрогнул, словно споткнувшись. В душе у Коэна продолжалась борьба между былым и не до конца изжитым преклонением и новой ненавистью к своим ослепителям. И за чем останется окончательная победа, было пока неясно. Поэтому Конан счел нужным вмешаться, прежде чем Иштар заговорит. А пока «богиня», приподнявшись на локтях, ошарашено вертела головой, пытаясь понять, что случилось с миром.

Киммериец подошел к небожительнице, присел рядом на корточки:

– Эти люди, которых ты здесь видишь, знают все. Что вы не Боги. Что вы искалечили их в младенчестве. Они убьют тебя, как только я перестану их сдерживать. А я перестану их сдерживать, если ты не будешь выполнять, что я прикажу. Ты поняла меня, женщина?

* * *

– Похваляешься, как ты умеешь женщин запугивать, верзила? – Это подошла к беседующим мужчинам Локиния и поставила на стол два кувшина. Как незамедлительно выяснили Конан и Сатур, кувшины им принесли отнюдь не пустые, а с розовым немедийским из холодного погреба.

– Ты просто в неудачные моменты подходишь, женщина. Посиди, послушай, и ты поймешь, что я добрейший и мягкосердечнейший из варваров, – оторвал губы от кубка киммериец. Его настроение с каждым глотком делалось все лучше.

– Я бы посидела и послушала, мой добрый варвар, да дела, дела. Отдохнуть можно будет, когда закончатся эти проклятые праздники. Впрочем, если вы досидите до вечера, мы еще увидимся сегодня.

– Или если нас вдруг потянет в «Розовые льдинки», – вставил Сатур.

– Прежде чем пойти, не забудьте пересчитать свои денежки, – бросила на прощание Локиния.

– С холодным вином это она удачно придумала, – с нескрываемым удовольствием продолжал прихлебывать Конан. – Думается, повезло тебе с женщиной... А вот нам тогда с Иштар не повезло. Никак она не хотела превращаться из Богини в покорную пленницу...

* * *

– Пакостный червяк, плевок, грязь на ногах! – Иштар сидела, приложив ладонь к ушибу. Ее переполненный яростью взгляд испепелял улыбающегося ей Конана. Было видно – «богиня» изнывает от желания вцепиться ногтями в глаза недавнему любовнику, и вовсе не страх мешает ей в этом. Значит, «богине» было до сих пор очень плохо. Что тут же подтвердилось: Иштар вырвало.

– Это она?.. Это ее?.. – спросил оказавшийся за спиной Конана Везунчик.

– Ага, – охотно подтвердил киммериец. – Это блюет твоя Богиня, твоя Иштар. Которая, вдобавок, недавно ругалась, как последний из демонов.

– Ты до сих пор мне не веришь, Везунчик? – Коэн стоял, опираясь на свою боевую палку.

– Верить стражнику? Это, знаешь ли... – закончить слепой вор не успел.

– Убейте его, причащенные! Убейте чужака! Ну же! – вдруг закричала Иштар. Очищение желудка пошло заметно на пользу «богине»: она выбрала самый выгодный для себя и самый опасный для киммерийца путь. Решила натравить слепых на зрячего.

«Наверное, мне надо попросить Коэна, чтоб еще раз ее стукнул. От нее пользы не будет, один вред и беспокойство», – пронеслось в голове Конана. Но принятию решения помешал Везунчик, выскочивший из-за спины киммерийца и кинувшийся к «богине» в ноги.

– Убей меня, Всезнающая Богиня! Накажи меня! – Везунчик, стоя на коленях, дотронулся до колена женщины. – Если ты – Всезнающая Богиня! Или... – он судорожно сглотнул, – я сам убью тебя...

Конан окриком приказал Коэну не вмешиваться. А Везунчик тряс Иштар за колено и продолжал:

– Накажи меня, Богиня. Накажи за сомнение... – и вдруг пискнул почти испуганно: – Что в моей руке, светоносная Иштар?

– Гвоздь, – растерянно проговорила Иштар. «Богиня», похоже, не знала, как себя вести. В такой ситуации она не то что не бывала, но даже в кошмарах представить себе подобного не могла. А опомниться ей не давали.

– Верно, гвоздь, – сказал Везунчик. – И я его выбрасываю. Если ты простая женщина, я убью тебя и без гвоздя. Если ты Богиня, то убьешь меня, чем бы я ни вооружился. Ну, давай, давай! Давай!

Везунчик завелся. Его тело сотрясала дрожь. Сейчас он был похож на помешанного. Руки, трясшие колени Иштар, вдруг напряглись, пальцы вдавились в изнеженную кожу «богини». Вор рванул женщину за ногу на себя, вскочил и поднял Иштар на руках. За худобой слепого вора, судя по всему, скрывалась сила, достойная, чтобы с ней считаться.

Конан и Коэн, кто глазами, кто ушами, следили за происходящим в клетке. Не вмешиваясь.

К Иштар наконец пришло осознание ситуации – что ей остается, от чего ей не уйти. Выбор невелик: или убить взбунтовавшегося причащенного, или быть убитой. Из груди «богини» вырвалось кошачье шипение, и она ударила вора коленом в пах. Тот охнул, согнулся, разжал пальцы.

А Конан понял, что если победительницей выйдет Иштар, то он

потеряет не только Везунчика, а, возможно, и Коэна как союзника. Чего доброго, тогда к слепому стражнику вернется слепая вера в этих божков. «Ладно, – решил киммериец, – рискну. В крайнем случае, выскочу первым из клетки, запру всю эту компанию и буду прорываться в одиночку».

Тем временем Иштар, пригнув голову вора, изо всех сил колотила его коленями по лицу.

– Тварь, гаденыш, ослушник, свинья! – вместе с бранью изо рта женщины разлетались брызги.

Везунчик тряс головой и пытался поймать ногу «богини».

«Ей бы отскочить и биться на расстоянии, а не лезть в ближний бой», – бесстрастно подметил Конан-боец. Едва он так подумал, как правота его рассуждений подтвердилась.

Сокамерник киммерийца распрямылся, преодолев сопротивление рук «богини». Нанес короткий резкий удар ладонью под вздох. У Иштар перебило дыхание, и она осела на песок. Вор наклонился, шаря в воздухе ладонью, коснулся головы женщины. Едва дотронувшись, слепец стал накручивать роскошные волосы Иштар на руку. «Богиня» завывала от боли... и не только от боли. От унижения, конечно, тоже. Пальцы другой руки Везунчика сомкнулись на горле Иштар. Женщина захрипела, вонзила ногти в душащую ее руку. Иштар раздирала ее, отрывала от себя, но – тщетно. На губах «богини» показалась пена.

Бесстрастно наблюдать, как на его глазах душат женщину, да еще, можно сказать, почти любимую женщину, Конан не мог. Вдобавок, ее смерть была бы сейчас совсем некстати.

Киммериец шагнул к Везунчику. Шагнул, чтобы оторвать руку слепца от горла «богини». Однако еще раньше, чем варвару это удалось, пор сам отпустил женщину. И отпустив, сильно толкнул ее в плечи. Иштар упала.

– Ты не Богиня, – уверенно произнес слепой вор, – Конан прав. Мне не нужно убивать тебя, чтобы понять это. Боги умерли...

Плечи Везунчика опустились, он весь как-то обмяк. Что подразумевал сокамерник под последними своими словами, Конан выяснять не стал – не до того было. И так уж слишком затянулось их ночное пребывание в клетке и выяснение отношений. Время бежало к рассвету, а они все еще торчали в центре Обители. Давно пришла пора действовать. Действовать жестко и решительно. Боевой группе из двух слепцов и воина с украденным мужеством.

Глава шестая

Везунчик стоял погруженный в свои думы, Иштар, лежа на песке, растирала горло обеими руками, тяжело дышала и отплевывалась. Коэн упер ладони в воткнутую в песок палку и стоял, чему-то своему усмехаясь.

– Коэн, – позвал его киммериец, – придется тебе доделать работу Везунчика, если баба будет упрячиться.

– Понял, – произнес слепой стражник и шагнул туда, откуда слышалось хрипкое дыхание низверженной «богини». Увидев приближающегося слепца, Иштар тигрицей вскочила и бросилась навстречу, изготовив ногти к вонзанию. Прелестные черты ее лица уничтожила гримаса ярости, граничащей с безумием.

Крик Конана «Осторожно!» опоздал. Коэн и без того услышал. Отпрыгнув в сторону, он присел и подсек древком ноги Иштар. Та упала лицом в песок, сверху на ней мгновенно оказался стражник, завел палку под подбородок и, прижимая дротик с одной стороны локтевыми сгибами, с другой стал давить ладонями на затылок Иштар.

Второй раз подряд Богиню душили в недавнем фанатично преданные «причашенные».

– Извини, приходится, – Конан приблизил свое лицо к багровеющему лицу женщины. – Тебя отпустят, когда скажешь, где потайной выход из Обители.

– Мразь, – выдавила Иштар.

– Да, – кивнул киммериец, – я не лучше вас, а вы еще хуже, чем я. Где потайной лаз?

Иштар молчала.

– Ослабь немножко, – сказал варвар Коэну, – дадим ей чуть отдышаться и пораскинуть умишком. Но это, Иштар, последний перерыв, учти. Нам некогда. Я не желаю тебе зла, хоть вы, «боги», заслуживаете худшего. Жаль убивать такую красавицу, но я должен спасти себя и моих друзей.

– Кто ты такой на самом деле? – прекрасные ее глаза злобой и любопытством вонзились в киммерийца.

– Конан из Киммерии. На самом деле. Где тайный лаз?

– Гаденьш.

– Коэн, убей ее!

Коэн стал выполнять приказ. Северянин отвернулся и отошел

подальше. Смотреть он не мог, но и останавливать стражника-слепца не собирался. Сейчас проявить слабость нельзя, он вожак пусть небольшого, но отряда, и если... Впрочем, лишить жизни женщину, пускай и заслуживающую смерти – это... Ну, что, что ему делать?..

– Скажу, – услышал Конан и почувствовал огромное облегчение.

* * *

– Хорошо, что тут Локинии нет. Такого обращения со слабым полом она бы не одобрила, – с фальшивой укоризной произнес Сатур и покачал головой.

– Сам не одобряю. Будь я тогда нормальным Конаном, стал бы я, думаешь, мучить женщину? Оставил бы ее в клетке, плюнул бы на тайный лаз, пошел бы напролом, размахивая сначала ножкой от табурета, потом обзавелся бы чем-нибудь посерьезней. Но вот видишь, пришлось разыскивать тайный лаз.

– А я тебе скажу, где он, твой тайный лаз, у них был, – хитро прищурившись, заявил Сатур.

– Ты? – искренне изумился Конан.

– Да, я. Видишь ли, я уяснил себе, кто они такие, эти так называемые боги. Исходя из этого нетрудно представить логику их поступков. Каждый из них мнит себя самым значительным и достойным из всех и презирает остальных. А презирая, не доверяет и боится. И никто из «богов» не потерпел бы того, что единственный на всех потайной выход располагается ближе к кому-то одному из «равных». Следовательно, лаз этот должен быть равноудален от их жилых комнат. То есть находится в центре Обители. А как я понял устройство этой Обители, ее центр – это большой зал, где они устраивали свои «божественные» Советы, тот самый зал, где тебя допрашивали. Так?

– Так, – кивнул Конан, глядя на собеседника с уважением. – Там в этой зале, призналась Иштар, под ковром на стене и начинается ихний тайный ход. Что мы от нее и хотели узнать. Вышли мы, наконец, из клетки, двинулись в поход к лазу. Вчетвером. Да, Иштар надумали захватить с собой. А вдруг она соврала? Сразу же и призовем к ответу. Ручки, ножки ей связали, в рот запихали кляп. Потащил ее, конечно, я, перегнув через плечо. По пути нам никто не попадался. Беспечность «богов» меня уже не

удивляла. Слишком привольно им жилось. Извне никакая опасность им не угрожала, изнутри тоже, не покорных же слепцов бояться? Да к тому же взведены ловушки, устроенные, вероятно, еще первыми «богами». Между прочим, кабы не Коэн, в какую-нибудь из ловушек мы бы угодили. Скажем, провалились в прикрытую плитой в яму – наверняка с кольями на дне. По плите Коэн постучал палкой, показывая, что под ней пустота, мы взяли в сторону. Так и шли. Иштар вела себя на плече тихо. Даже не мычала. Считай, легко и просто добрались мы до зала.

Конан отхлебнул вина, утер губы тыльной стороной ладони и продолжил:

– Темень была в зале – хоть глаз выколи. Друзьям моим это все равно, а я так не могу. И потом, по лазу тоже, что ли, в потемках брести? Вдруг и там ловушки какие, их-то поводыри мои не знают, и если я не увижу вовремя, то пропадем все.

«Стойте», – шепчу, а сам опускаю Иштар на пол, вытаскиваю кляп. Руку, правда, держу рядом с ее ртом, чтобы заткнуть сразу, ежели вздумает кричать.

Где, спрашиваю, факелы?

«Сложены в нише, справа от входа, там же и огниво», – отвечает она, кротко глядя на меня.

Молодец, думаю, девочка, одумалась. И снова затыкаю ей рот кляпом.

«О чем ты у нее спросил?» – слышу шепот Ко-эна. Ну как им объяснить, что такое факел? Лучше промолчать. Молча делать дело. Нащупать факелы, выбрать один, зажечь.

«Теперь чего, куда?» – спрашивает Везунчик.

«Самому, – говорю, – интересно. Под каким ковром? – смотрю на Иштар. – Кивни».

Она кивает в сторону одного из цветастых ковров, какими увешаны все стены. Подхожу, куда показали, приподнимаю нижний край громадного ковра, свечу факелом. Вижу – действительно, дверца. Сую факел Везунчику в руку:

«Держи эту штуку вот так, не роняй, не наклоняй».

А сам отгибаю нижний край ковра насколько возможно, дотягиваюсь до дверцы. Та легко, без скрипа отъезжает наружу, подпирая ковер, чтоб не валился на голову, открывая темный вход в потайной лаз. Молодец, думаю, Иштар, совсем хорошая девочка.

«Я слышал, ты открыл дверь», – за спиной стоит Коэн.

«Да, лаз на месте», – забираю факел у Везунчика.

«Идем?» – спрашивает тот.

«Погоди, – говорю, – только сниму оружие со стены»...

* * *

Табуретная ножка, которую Конан добросовестно таскал за собой, лежала сейчас на пиршественном столе «богов» среди чаш с остатками вина, объедков и огрызков. Там ей и оставаться. Оружие, развешенное в изобилии по стенам, давало возможность киммерийцу перевооружиться. Он не долго выбирал. Двуручный обоюдоострый меч Конан, как всегда, предпочел всему остальному. Но вот – варвар провел большим пальцем по лезвию – клинок туповат. Вздохнув (что делать?), снял висевшие рядом с мечом заплечные ножны, отделанные шитьем и камушками. Ножны не воина, а щеголя, надевать противно, но других нет.

Вооружившись сам, Конан подумал о своих спутниках. Подумал о том, что Коэн не откажется от своей палки в пользу чего-нибудь железного и заостренного и будет прав, даже не стоит предлагать ему. Лучшее оружие не то, что прочнее и острее, а то, к которому привык, что срослось с твоей рукой. Другое дело – Везунчик. Стражники – те хоть с тупоносными палками обращаться обучены, а обыкновенные причащенные вообще никакого боевого оружия с роду не держали. Впрочем, вору должен быть известен нож, а где нож, там и... Конан пробежал взглядом по стенам. Вот, пожалуй. Он подошел и снял со стены кинжал с широким лезвием и загнутым острием.

– Держи, – киммериец вложил кинжал в руку Везунчика. – Большой нож.

– Конан, мне не нравится Иштар, – приняв оружие, прошептал вор.

– А что такое?

– Дышит плохо. Зло, но уверенно. С радостным ожиданием. Не должно быть так в ее положении... – Везунчик усилил голос: – Зря, я успею всадить большой нож ей в глотку.

– Если я раньше не сломаю ей хребет, – пообещал Коэн.

«Бедная женщина», – подумал Конан и сказал:

– Я понял вас. Она полезет в лаз первой. На случай ловушек. Сейчас я только распутаю ей ножки...

И рука варвара толчком в спину направила освобожденную от пут на ногах Иштар в сторону лаза.

«Богиня», повинувшись тычку, сделала два шага, оглянулась и впилась в Конана взглядом глаз с сузившимися от злости зрачками. Киммерийцу неожиданно припомнились рассказы о колдунах, воспаляющих при помощи взгляда. Владей Иштар этим искусством, быть бы варвару горсткой пепла.

– Иди-иди, – почти ласково поторопил он женщину. Ту, которую не так давно брал на мягком ложе, ту, что теперь стоит с кляпом во рту. Да, вот такие...

* * *

- *Метаморфозы, – подсказал Сатур.*
- *Что? – не расслышал Конан.*
- *Случаются вещи и похуже.*
- *Вот дальше такие вещи и начались...*

* * *

Иштар сделала еще один шаг к темной дыре потайного выхода. Потом шаг в сторону. Развернулась и бросилась между Конаном и Козном. Она вовремя нагнулась, и дубинка слепого стражника просвистела над ее опущенными плечами. Оказавшись за мужскими спинами, Иштар не задумываясь прыгнула на один стул, с него на другой, потом на стол.

– Значит, там ловушка, – пробормотал Конан. Он один из их мужской троицы не ловил сейчас сбежавшую «богиню». Коэн и Везунчик бесшумно обходили с разных сторон стол, напряженно прислушиваясь.

Одно из двух, думал Конан. Или это ложный лаз, тупик и ловушка, или настоящий, но начинающийся ловушкой. Гадать можно было долго. И гадать киммериец не стал. Три ковра на трех стенах? Что под одним – известно. Что под другими?

Под следующим – который хотел лишь приподнять Конан, но рванул так сильно, что сдернул со стены, и ковер рухнул на пол, разнесся звон полетевшего на мраморную плитку пола оружия, – не было ничего, кроме

серого камня, облепленного плесенью. Варвар припустил к противоположной стене, напрямую, через стол, на котором уже не было неукротимой Ишгар. Она, неукротимая, – киммериец бросил взгляд на бегу – загнанная в угол Коэном, уворачивалась как могла от его палки. Везунчик находился рядом, прислушивался к борьбе, потирал колено, болезненно кривясь – видимо, досталось-таки от Ишгар.

Конан уже повернулся в профиль к этой сценке, уже преодолел стол и подбежал к последнему неисследованному ковру. Приподнял его нижний край. После чего рванул его на себя, отдирая от стены, – под тканной завесой скрывалась еще одна дверь.

«Надеюсь, это настоящий выход, а тот липовый, или одна большая ловушка. Правда, подлые подарочки «богов» могут ждать и здесь...»

Не успел Конан додумать эту мысль, как распахнулась дверь. Но не потайного хода, а того, через который они зашли в зал. В проем хлынул свет новых факелов.

– Дикарь! Я так и знал! Убейте его!

По голосу Конан сразу признал кричащего. Хараххта. Не теряя ни мгновения, киммериец бросился к торцу стола, вцепился в край руками. Он знал, что ему нужно сделать. И незамедлительно. Это даст им неплохое преимущество. Стол, противоположный торец которого находился прямо напротив входа в зал, нужно двинуть, загородить им проход. Столице тяжеленный, но северянину случалось толкать предметы и поувесистей. Ну!

Вот оно – проклятье Бела! Киммерийца предавали его собственные руки. Их сотрясала презренная дрожь, они отказывались повиноваться хозяину. Страх дополз до желудка, заставив тот сжаться в комок. Выступил пот и за несколько мгновений сделал тело варвара липким.

– Силы неба! Смотрите, Равные, смотрите!

Хараххта, первым переступивший порог, только сейчас увидел сорванные ковры и раскрытые лазы. После чего он повернул голову, и взгляд его наткнулся на двух слепцов, Коэна и Везунчика. Углядел он и Ишгар, лежащую на полу. Но Хараххта неправильно разобрался в открывшейся ему картине, потому что закричал, обращаясь к «причащенным»:

– Стража, взять его! Убить!

В ответ на этот призыв Коэн продвинулся к Хараххте и железным набалдашником своего тупоносого дротика нанес тому сильный удар в живот. Охнул не только сложившийся пополам Хараххта, но и те, кто стоял у него за спиной. А за спиной «бога» маячила знакомая фигура Адониса и

фигура женская. Не иначе, Деркэто. Киммериец, отчаявшийся управиться со столом, решил, что если не помочь, то надо хотя отвлечь внимание «богов» на себя, поднапугать их хотя бы. Он выхватил из ножен меч и, угрожающе размахивая им, сделал шаг к двери. Сколько бы шагов осилили его деревенеющие ноги, неизвестно, но тут ситуация переменялась.

«Боги», сколько их там было, («Все или не все примчались разбуженные ночными звуками?», – гадал киммериец), увидев пораженного в живот Харакхту, взбунтовавшегося стражника, еще одного слепца с кинжалом, возникшего рядом с первым «причащенным», дикаря с огромным мечом в руках, идущего на них – не выдержали. Храбрость требует закалки, а ее у «богов» не было. Может быть, также не было у них, только вскочивших со своих постелей, и достаточно оружия. Они отступили за дверь и дверь эту захлопнули за собой.

– Быстрее! Ко мне! – Конан схватил факел (что до того бросил среди кубков, где тот успел изрядно подкоптить пиршественный стол небожителей) и направился к потайному ходу.

– Оставь его! – киммериец увидел, как Везунчик склонился над постанывающим Харакхтой.

– Я отрежу ему язык, – объяснил вор.

– Оставь его во имя Крома, сейчас они вернуться. Ну, быстрее же! – Конан уже стоял у двери в стене; к нему подходил Коэн.

– Вам не уйти, – это с пола поднялась Иштар. – Конан, я обещаю тебе жизнь. Мы простим тебя.

– Бегом, Везунчик! – рывкнул киммериец, увидев, что вор хоть и оторвался от Харакхты, но теперь повернулся на голос Иштар.

– Конан, стой! Я, Иштар, обещаю тебе, что ты будешь Равным! Будешь Белом! Конан! Я забуду все! Ты же погубишь себя! Одумайся!

Зов прекрасной «богини» ни на мгновение не поколебал уверенность северянина в правильности своего выбора, хотя и показалось ему, что Иштар не играет, что искренне хочет вернуть его и выполнит обещанное, что это в ее силах. Это было похоже на отчаянный крик влюбленной женщины, силящейся всеми и правдами и неправдами вернуть уходящего возлюбленного.

Наконец добрался до дверцы в стене и Везунчик. Конан шагнул в потайной ход, разгоняя мрак факелом, прижался к стене, пропустил вперед себя слепцов, потянулся к двери.

Северянин надеялся, уповал на здравый смысл даже не нынешних «богов» (откуда он у них!), а скорее тех, первых, что строили Обитель, продумывали тут все, рыли подземные ходы; надеялся, хотя понимал, что

шансов на удачу не слишком много. Но – повезло: изнутри дверь потайного хода имела щеколду. Что выглядело вполне разумно. Подобные ходы устраивают для поспешного отступления, когда любая маломальская преграда на пути врага может позволить выиграть мгновение-другое, а с ним – и сохранить и жизнь.

Не без усилия продвигая заржавевшую щеколду в скобах, Конан все еще слышал голос Иштар:

– Дурак, ты себя погубишь! Зачем тебе эти уродцы! Я сделаю тебя Равным! Дурак, какой же ты дурак...

Щеколда встала на место.

– Я пойду первым, – сказал Конан.

Если их ждут ловушки, только зрячий сумеет вовремя заметить их.

Ощущались наклон, – потайной ход уходил вниз, под землю, – и сырость. Вскоре камни заблестели в факельном свете от покрывавшей их влаги. Наросты сочной, молочного цвета плесени облепляли стены туннеля. Стали попадаться тоненькие ручейки, пробивающиеся сквозь зазоры каменной кладки, под ногами захлюпало.

Крыс не было, хотя кому как не им с визгом уноситься из-под ног в таком вот подземелье? Может, их и вовсе нет на острове? Не завезли еще? Впрочем, плевать. Безразлично. Другое, небезразличное дело – отсутствие хитрых ловушек коварных «богов». Это радовало Конана, предводительствующего маленьким отрядом. Если первые шаги по каменной кишке нелегко давались варвару, – ноги заплетались, его опутывал страх, приходилось заставляя себя, сжав зубы, ступать во мрак, – то чем дальше, тем легче, тем быстрее. А слепцы не отставали, хотя Конан ускорил шаг.

Киммерийца все меньше тревожили ловушки «богов», зато нарастало беспокойство о другом: «боги» могли оказаться на удивление расторопными ребятами, обогнать их и поджидать в засаде у выхода из подземного хода. Хотя вряд ли, конечно... Для этого им и впрямь нужно быть богами, а не ленивыми придурками. А лошадок у них не водится, равно как и прочих ездовых животных. Тем более, вряд ли они решатся на самостоятельное преследование. Скорее уж, по привычке хозяев жизни, поднимут слепых рабов с боевыми палками, бывших однополчан Коэна, и погонят их впереди себя. Скорее-то скорее, ну а вдруг?..

Туннель пошел на подъем.

Едва горевший, зато славно коптивший факел погас. Варвар выругался, злясь на себя – ну кто мешал захватить запасной факел и огниво...

– Коэн, теперь ты первый. Особое внимание на пол.

«Если приготовлена ловушка, то скорее всего, какая-нибудь яма», – подумалось северянину.

И теперь ведомым стал зрячий, впереди него шли слепые поводыри. Темп передвижения снизился. Железный набалдашник дротика выбивал из кладки туннеля незамысловатый ритм: стена – стена – пол, раз – два и три, раз – два и три...

Сзади их догнал приглушенный повторяющийся звук.

– Дверь вышибают, – угрюмо пояснил Везунчик.

«Поздновато они за нее принялись», – мысленно отозвался Конан и еще раз подумал о том, что хотя «боги» – люди, но люди, испорченные ролью богов. А потому не стоит от них ждать нормальных человеческих поступков. Тем более, все они равные, значит, договориться о чем-то им крайне затруднительно, несмотря на кажущееся предводительство Митры. Вот взять хотя бы его, Конана, пленение. Разумные правители такого острова, для которых исключительно важно не допустить встреч их подданных с чужаками, не задумываясь, с ходу оттяпали бы ему голову – и правильно бы поступили. Эти же...

Тоннель закончился неожиданно, по крайней мере, для Конана. Хотя варвар и чувствовал, что воздух свежее, тепловатая сырость туннеля остается позади, а в каменной кишке делается суше и прохладней, однако он все-таки удивился внезапному коэновскому: «Стой! Пришли!» И – подтверждающий удар палкой о дерево. Надо полагать, удар о дерево двери...

– Дай-ка я, – Конан обогнул в темноте своих спутников и уперся выставленными перед собой ладонями в вертикальную преграду. Дощатую. Пробежал по ней пальцами. Доски очень грубые, занозистые, видимо, весьма толстые, поскольку ни лучика света не пропускали внутрь (а ведь светает уже, должно быть). Ага, пальцы наткнулись на железо. Щеколда. Конечно, сестра-близняшка той, что на другом конце каменной кишки, кованы, небось, одним кузнецом в одно и то же время...

– Что там? – нетерпеливый шепот Везунчика.

– Погоди, – выдавил киммериец, занятый расшатыванием щеколды, «прикипевшей» к скобам и не желающей без сопротивления покидать место, с которого ее не сдвигали, надо думать, с момента установки. – Дай лучше свой нож.

Везунчик подал кинжал. Конан немного поработал с ним и отодвинул щеколду. Ну, теперь лишь бы точно такого же запора не оказалось с наружной стороны. Тогда... Не должно, не должно...

Конан потянул дверь на себя, потом налег плечом. Та не шелохнулась.

– Те вышибли дверь, топают за нами, – порадовал Везунчик.

Киммериец ломился в дверь, но с прежним успехом. «Здорово влипли, Нергаловы почки вам в зубы. Хуже положения и быть не может». Эта мысль не помешала северянину поднатужиться, рвануть как следует, уперев одну ногу в стену.

Что-то треснуло. Под скрежет и поскрипывание дверь поддалась, рывками стала освобождать проем.

Глава седьмая

Троих беглецов, покинувших туннель, встретило нарождающееся светило и росяная прохлада рассветного часа. То, из чего они выбрались, выглядело снаружи как поросший травой холмик с приоткрытой дверью. Дверь смотрела на сосновый лес, начинающийся шагах в тридцати отсюда.

По другую сторону простиралась равнина. А на равнине, в полу-лиге от выхода из туннеля мрачнела стенами в три человеческих роста Обитель небожителей. Город с его карликовыми стенами находился левее. Места поселения «богов» и людей разделяло не больше двух третей лиги. «Никогда, пожалуй, "боги" и люди не соседствовали так тесно. Почему я не разглядел Обитель, когда только вышел из леса? А, ну да, я заходил с другой стороны, и город закрывал мне столь чудесный вид», – позволил себе праздные размышления Конан, продолжая оглядываться. На полпути от Обители к городу он заметил нескольких человек, те двигались к городу. И только сейчас из-за стены Обители показалась небольшая толпа темных фигур. Эти быстро шли, куда надо – в сторону беглецов. Другая группа преследователей направлялась по их неостывшим следам в туннеле, и об этом забывать не стоило.

Конан и не забывал.

Но пока он стоял недвижимо, ничего не предпринимая. Его слепые спутники покорно ждали приказа своего предводителя.

А на Конана снизошло озарение. Из какой-то крупницы мысли, блеснувшей нежданно и, может, не совсем ко времени, стал вырастать План. Пока это был еще росток Плана, однако если его додумать, превратить в мысленное древо с могучим стволом, крепкими ветвями с зеленеющими листьями, то – Конан был уверен – в этом и будет их спасение, их выход из, увы, тупикового положения, в котором они сейчас оказались. Но времени завершить План прямо здесь и немедленно у него не было. Придется додумывать потом, а сейчас надо действовать.

– Коэн, Везунчик, в стороне, откуда дует ветер, через тридцать шагов лес. Идите туда. Я догоню.

– Может, остаться? – нерешительно спросил Коэн.

– У нас теперь один конец, что с тобой, что без тебя, – дополнил мысль стражника Везунчик.

– Ха, я думаю, все не так уж и плохо!

Подобную браваду несколько минут назад Конан не смог бы

приправить даже крупинкой искренности, однако теперь крупинка нашлась. И даже не крупинка – целый валун, который при удачном стечении обстоятельств способен проломить неприступную стену.

Первым направился к лесу Коэн. За ним, обречено согнувшись и тяжело вздыхая, поплелся Везунчик. Киммериец проводил их взглядом. Две жалкие фигуры поверивших ему людей: идут, щупая перед собой воздух, прежде чем сделать шаг, пробуя почву носком ноги, ловят ветер лицами с защитными глазами. Злость охватила варвара. Не будь этого треклятого Бела с его сволочными проклятиями, ох и устроил бы он этим божкам жертвоприношение из кусочков их бесценной плоти, прогулялся бы с мечом по пристанищу «небожителей»! Ну ничего, он их переиграет по-другому...

Конан вздохнул и повернулся к темному выходу из подземного тоннеля. Завел в отверстие вместо щеколды клинок меча и, орудуя им как рычагом, выдернул скобу – она крепилась к брусу дверной рамы длинными коваными гвоздями. Конан расширил гвоздевые отверстия, вставляя, вынимая и проворачивая в них кованые железные стержни с квадратными шляпками, а потом прикрепил скобу на прежнее место. Так-то лучше.

Топот ног по подземному коридору звучал уже слишком близко, чтобы можно было задерживаться дольше. Впрочем, Конан успел завершить все, что хотел.

Коэн и Везунчик ждали его на окраине леса. Теперь, отказавшись от прежних «богов», они могли положиться лишь на Конана. Одним им было некуда, да и незачем идти. Они, наверное, и спрашивать не станут, куда ведет их варвар из Киммерии...

– За мной. Осторожно, через два шага сплетение корней... – И киммериец устремился в лес.

* * *

Симур устал сидеть. Теперь он слушал Конана стоя, опершись руками о перила террасы.

– Спустились мы в овраг, прошли по нему чуть, поднялись наверх, отошли еще на полполета стрелы, тут я их остановил. В аккурат у одного интересного дерева. – Киммериец отвлекся от повествования, запил рассказанное уже потеплевшим вином, а выпитое закусил халвой и

персиками.

– Послушай, Конан, – Симур скрестил руки на груди, – ты, разумеется, не мог забыть слова Бела о том, как сможешь вернуть утерянное... лучше сказать, отнятое мужество. О том, что именно от тебя хочет бог воров. Что ты должен отыскать вроде как своих ближайших родственников...

– «Ты должен украсть для меня три самые дорогие вещи у этих трех людей», – говорил Бел. И я не забывал его слов ни на миг, Симур. Поди забудь, когда у тебя свистнули не кошелек какой-то, а самое что ни на есть мужество.

– И с какого момента ты стал искать нужного тебе человека в стране слепых?

– Еще раз говорю, слова Бела звучали у меня в ушах постоянно. Но пока я не очутился в тамошней тюрьме, мне было не до поисков. События тащили меня за собой на веревочке, не давая передышки. И только в тюрьме появилось время пораскинуть мозгами. А тут как раз я услышал имя...

– Коэн.

– Да. Когда слепой стражник произнес его, у меня перебило дыхание...

– Созвучие имен.

– Ну да, звучало здорово похоже. «Коэн – Конан». Вряд ли, думаю, случайно. Это мне, думаю, подсказка. Тогда что получается, значит, я нашел своего первого «вроде бы как ближайшего родственника»? И что же теперь мне надо украсть у него, чтобы Бела умаслить? Тот говорил – самое дорогое. Ну, прикинул я, что у слепого охранника тюрьмы самое дорогое. Палка его тупоногая? Глупо. Драгоценностей, денег у него нет. Жена, может? Выясняется – не женат. Тут приходит в голову такая мысль: вдруг у него какая реликвия имеется, скажем, передаваемая в семье от отца сыну. Какая-нибудь ерундовина навроде Беловского посоха, которой сам Коэн значения, может даже, и не придает, а богу воров эта штука зачем-то понадобилась. Гадал, в общем, расспрашивал – выспрашивал Коэна, но так ничего путного и не узнал. На прямой вопрос, что, мол, для тебя самое ценное, – смеется. Закралась такая мысль, что он скрывает что-то от меня. Ладно, думаю, погоди, выясню про твоё ценное сокровище. Должно же оно быть, должен же я его украсть. Потом только я про глаза подумал... А потом события вновь завертелись вихрем, на раздумья времени не оставалось...

Он остановил своих спутников у двух сосен, прижавшихся друг к другу стволами, переплетенных корнями и кронами. Конан присел на выступающий из почвы корень, один из многих, схожих со щупальцами гигантского кальмара и словно пытающихся приподнять дерево, а то и вырвать его из земли.

– Я думаю вернуться в Обитель, – сказал киммериец.

Везунчик залился смехом. А Коэн молчал. На его лице не было эмоций. Лишь морщины задумчивости прорезали лоб. Смех Везунчика перешел в истерический хохот, затем в хрип.

– Ты хочешь захватить Обитель, да, Конан? – Коэн повернулся к северянину в профиль. Киммерийцу пора было бы уже привыкнуть разговаривать со слепцами, которые обращают в твою сторону не глаза, а уши, но Конана это пока корбило.

– Да, Коэн. Вернуться по подземному ходу и захватить ее.

– Что ж... В этом есть смысл. Сейчас в Обители почти никого нет. Все ушли за нами. Но подземный ход...

– ...они намертво изнутри не запрут. Я позаботился.

– Когда он, – Коэн показал дроотиком на Везунчика, – заткнется, я прослушаю погоню. По дороге сюда я не слышал, чтобы они вошли в лес.

– Я к-х... – начал и поперхнулся Везунчик, прокашлялся. – Я был всего...

– Помолчи, – раздражено оборвал его Коэн.

Вор умолк, послушавшись стражника, которому до сегодняшнего дня привык беспрекословно подчиняться.

– В лесу тихо, – сказал наконец Коэн. – Слышу далекие голоса со стороны подземного хода.

– Я думаю, в лес они пока не сунутся, – произнес Конан. – Сначала поднимут и приведут всех горожан. Помнишь, ты рассказывал, как они тут охотятся...

– О! – воскликнул Везунчик. – Никогда еще меня не ловили всем Островом. Чтобы Боги, стражники и люди сразу все гонялись за мной – разве мог я мечтать об этом какие-то там полхолода назад?! Я, бедный, неудачливый вор. А кто теперь мои друзья? Моим другом стал стражник, верный прихвостень Богов. Проклятье, до чего...

Коэн взмахнул палкой. Клацнули зубы Везунчика, получив удар

железным набалдашником.

– Заткнись, презренный вор!

– А-а, вот как! – Везунчик выставил кинжал, двинулся мелкими шажками к стражнику...

* * *

– Эх, будь я каким надо варваром, не попорченным Беловскими проклятиями, шмякнул бы одного башкой о сосну, другого о другую, – вмиг бы образумились. Теперь же приходилось дипломатничать: хватать за рукава, уговаривать, запугивать, переводить все в шутку, отвлекать, ну и так далее, пока они не уgomонились. Наконец сам снова сел на корень, посадил их по обе руки от себя, и устроил большой совет, что нам делать дальше...

* * *

– Ты рассказывал, Коэн, как «боги» иногда у вас тут охотятся. Когда собирают всех горожан от мала до велика, запускают в лес, заставляют прочесывать его, гнать зверя на их засады. Полагаю, они и сейчас воспользуются этим испытанным способом. Иначе, спрашивается, чего они ждут, почему не стали нас сразу преследовать? И есть у меня мыслишка... Собак, слава Крому, у вас нет. Что такое собака? Э-э... То что бесспорно погубило бы нас...

Переплетенные деревья для остановки Конан выбрал не случайно. Они как нельзя лучше подходили под его планы – выждать, пропустить мимо себя облаву и пробраться в подземный ход. Собственно говоря, бежать-то им было некуда. В город? Поди проберись, да там слухачи «богов» разыщут в два счета, быстрее, чем в лесу. Убраться с острова? А как? Если только прятаться до прихода очередного корабля с какого-то непонятного материка. И когда он придет? Да и остров не столь велик размером, чтобы скрываться долго.

И самое важное – для выполнения того плана, который складывался в

голове Конана и все больше казался ему единственно верным, ему необходимо было очутиться в помещении. И чтобы какое-то время не тревожили, не отвлекали.

– Слышу. Они вошли в лес, – вдруг сказал Коэн.

– Тогда пора, – отозвался Конан.

Везунчик легко проскользнул под узел могучих сосновых корней и зарылся с головой в слоях старой хвои. Коэну, чтобы втиснуться туда же, пришлось изогнуться в три погибели; Конан, чтобы стражника не было видно, завалил укрытие ветками и набросал поверх хвои. Со слепцами в облаву могут, да и скорее всего пойдут «боги», про их глаза никак нельзя забывать.

– Когда услышите, что эти приближаются, превратитесь в камень. Ни мизинцем не шелохните. Дышите... лучше вовсе не дышите. Я буду наверху.

И Конан, вскарабкавшись по стволам, укрылся в двойном хвойном шатре, в самой его гуще. Увидеть его будет нелегко, даже если специально всматриваться, а он надеялся, что всматриваться не станут. «Боги», в конце концов, не зверобои, не лесные воины, вообще не воины, – так, изнеженные правители безропотного острова слепцов. Слепцы с их кошачьим слухом, – вот те гораздо опаснее, те способны уловить дыхание людей за много шагов, распознать его сквозь лесной шум и шелест шагов облавы. Густая хвоя мешала киммерийцу смотреть. То, что облава близко, он понял по хрустнувшей под чьей-то ногой ветке. Он еще теснее прижался к стволу, стремясь слиться с ним в единое целое. Попытался дышать как можно беззвучнее.

Опять хрустнула ветка, уже значительно ближе. Киммерийцу пришло в голову, что столь неаккуратно ступает, вернее всего, какой-нибудь «бог». Слепцы с их ощупывающей походкой должны более умело передвигаться по лесу.

Конан ждал, что на полянке под деревьями вот-вот появятся преследователи, однако когда он увидел человеческую фигуру, оказавшуюся в его поле зрения, по телу киммерийца прошла произвольная позорная дрожь. Руки мгновенно сделались влажными. Он задержал дыхание, зная, что делать этого нельзя. Потому что если человек простоит под деревом слишком долго, ему придется выдохнуть, и задержанный выдох получится невероятно громким. Для ушей слепца этот звук будет равносителен вскрику.

А под деревом стоял, поворачивая голову в разные стороны, именно слепец. Вытянутые перед собой руки, задранная кверху голова, стриженные клочками волосы. Не стражник, отметил киммериец, иначе

был бы вооружен тупоносым дротиком. Впрочем, какая разница, смысл облавы в том, чтобы обнаружить беглецов и привлечь внимание остальных.

Волна безотчетного ужаса накатила на киммерийца.

Слепца, судя по всему, что-то насторожило, он не спешил уходить, он изваянием застыл внизу на расстоянии десяти локтей от киммерийца, лишь клочковатый затылок поворачивался туда-сюда. В глазах у Конана потемнело, грудь распирали рвущийся наружу воздух, легкие требовали нового живительного глотка, но киммериец пока держался. Северянин позволял себе лишь моргать.

Слепец внизу наконец неторопливо двинулся вперед и скрылся из виду. Что не значило, будто он ушел. Он мог зайти с другой стороны, не просматриваемой из-за деревьев.

Все, дольше Конан терпеть был не в силах и решился на выдох. Неимоверным напряжением легких и воли он сделал его долгим, растянутым. Нормальный человек не услышал бы такой и на расстоянии вытянутой руки – но киммериец сегодня имел дело с ненормальными.

«Что теперь? Прыгать вниз, выхватывать меч, сражаться? Просто убежать, чтобы по крайней мере увести облаву от Коэна и Везунчика?» Безумие. Его поймают. Очень страшно. Руки буквально приросли к шершавому стволу сосны. Будь бы проклят, Бел...

Удар сердца сменял другой удар. Удары складывались в дюжины и сотни. Ничего не происходило.

Снова треснула ветка, но уже в другой стороне. Облава уходила, углублялась в лес. Так что, спускаться? А вдруг арьергард еще рядом?..

Конан выждал еще немного. Потом, собрав в кулак остатки силы воли, приказал телу повиноваться. Медленно, словно ленивый медведь, он слезал с дерева, осторожно ощупывая каждую ветку, прежде чем наступить на нее. Если ветка сломается, ее треск услышат не только местные слепцы...

* * *

– Спустился. Облава ушла, ну а насколько далеко – за деревьями не видно. Раскопал я своих приятелей. Двигаем, говорю, к подземному ходу. Те, вижу по лицам, уже готовы и к Нергалу в пасть, и на самую лютую смерть. Ладно, когда люди не робеют столкнуться нос к носу с костлявой, не паникуют – то не так уж плохо. А у меня ж так прямо все тело

тряслось от страха, но я старался не показывать. Что ж это за предводитель, у которого при опасности зубы начинают дробь выбивать?

Пошли. Самое главное, чтобы нас никто не поджидал у кромки леса или у подземного хода. Если издали увидят, как мы бежим от леса до тоннеля, – это пустяки, а вот встретиться с кем-нибудь из местных возле самой цели было бы намного хуже. Нам бы в тоннель заскочить без задержек по пути, думал я тогда, остальное не важно.

Дошли до края леса. «Слышишь чего?» – шепчу Коэну. Тот вслушался, мотает головой. Оставил я их тогда на месте, подобрался к крайним деревьям, высунул нос из леса. У двери в холме никого, поблизости тоже. А вот на расстоянии полета стрелы, вижу, ходит туда-обратно вдоль опушки один из «богов». Даже вижу кто именно. Сет. Ну ладно, решаю, рванем на авось. Может, не обернется. Подвожусь своих слепых к крайним деревьям, дожидаясь, когда Сет повернется спиной и – вперед.

Добежали мы до заветной двери. Я впился в нее всем телом, выдавил гвозди, держащиеся не без моей помощи на соплях, распахнул проклятую – и только тогда оглянулся. Сет стоял к нам спиной и смотрел на что-то в небе. Я невольно проследил за его взглядом. Тот, оказывается, пялился на утиную стаю, пролетающую над лесом! Представляешь? Да-а, думаю, если б все мои враги были такими идиотами, я б в их сторону даже плюнуть поленился бы. Эх, попутала нелегкая с этим посохом...

Прикрыл, короче, дверь подземного хода, вставил гвозди обратно в их норы, задвинул щеколду, понимая, что это не преграда никакая, и потопали мы по каменной трубе в обратную сторону. Раз дверь оказалась заперта изнутри, значит, кто-то из островитян возвратился этой дорогой раньше нас. Ну и пусть...

Глава восьмая

Дверь потайного хода отошла легко, чуть ли не с готовностью, лишь скрипом ржавых петель напомнив, что ею редко пользуются. Они ворвались в главный зал Обители, держа наготове каждый свое оружие. Замерли. Уши и глаза вторгшихся обследовали помещение.

Зал хорошо освещен. В торце стола сидит, склонившись над чашей, Адонис. Он поворачивает голову на шум, вскакивает. С громовым грохотом падает треноподобный стул.

– Стража! – крик Адониса.

«Бог» хватает со стола меч с очень тонким клинком. Идет навстречу Конану, глядя только на него. Конан видит это и ждет на месте. В Пиршественный зал врываются два слепых стражника, вооруженных дротиками.

– Коэн, двое по левую руку, задержи их! Везунчик, ко мне! Коэн, осторожно, через два шага ковер!..

На стенах зала не осталось ни одного ковра, все валялись бесформенными кучами на полу.

Везунчик встал плечом к плечу с Конаном, сжимая свой кинжал.

– У него меч в правой руке, – прошептал Конан.

– Что в руке? – шепот в ответ.

«Тысячи демонов ему в хребет, ну разве можно быть таким бестолковым!» – подумал варвар и произнес еще тише, чем прежде:

– Нож длиной в руку. Сделай два шага в сторону и шаг назад. Быстро.

Везунчик чуть помедлил, справляясь с удивлением, и подчинился.

Адонис зашел со стороны Конана и взмахнул ножом длиной в руку. Не дожидаясь, когда он опустит оружие, киммериец отпрыгнул назад и закричал:

– Бей его, Везунчик! – и вместе с криком присел, рванул край согнутого пополам ковра. На котором стоял Адонис и никто более.

«Бог» упал навзничь, нелепо взмахнув мечом, но из рук его не выпустил.

Слепой вор рванулся вперед одновременно с приказом киммерийца и раньше, чем упал Адонис.

– Падай на колени и коли! Вниз коли, в пол! – заорал варвар.

Везунчик задел ногами ступни упавшего «бога», обрушился на него. Накрыл своим телом тело Адониса. Кинжал Везунчик держал у живота. В

живот Адониса и вонзилось его лезвие. Так и не поднятый «небожителем» меч выпал из разомкнувшейся ладони.

Здесь все было ясно, и Конан повернулся к другому концу зала. И невольно залюбовался.

– Посмотри-ка, Везунчик!

– Что делать?

– А, Нергал! – варвар хлопнул себя по бедру – что ж я все время забываю! – Вставай давай!

А посмотреть было на что тому, кто мог видеть. Слепые стражники вели бой на своих тупоносых дротиках с железными набалдашниками, и зрелище было захватывающее. Определяя на слух направление удара, момент замаха противника, его передвижение по полу, они отбивали, уклонялись, совершали выпады, ложные маневры. И все беззвучно. Слышались лишь стук палок друг о друга и вдохи-выдохи. Молчаливый танец с дротиками обученных этому виду борьбы поединщиков. Серьезных ударов пока никто из них не пропустил. Конечно, немало времени нужно равным бойцам, чтобы выяснить отношения на деревянных палках. Впрочем – заметил северянин – один из противостоящих Коэну стражников слегка прихрамывал, а на колене его пунцовела свежая круглая отметина.

Конан опытным глазом определил, что развязка наступит небыстро. И сказал Везунчику:

– Придвинем стол к двери подземного хода. Что они и сделали. Киммериец споро оттащил тело Адониса в сторону, затем отшвырнул мешающий ковер, после чего они с Везунчиком ухватились оба за один край стола, передвинули его насколько смогли, бегом перешли к другому краю, продвинули, вернулись к первому. Да уж, не пожалели «боги» дерева на стол. Видимо, вбили себе в головы, что за таким вот и должны пировать настоящие небожители, – а им очень хотелось во всем походить на настоящих. Наконец махина встала у стены, прижав дверцу, ведущую в подземелье.

А Коэн до сих пор вел свой бой. Правда, уже с одним противником. Другой пытался подняться с пола, получив, судя по всему, серьезный удар, и пока это ему не удавалось.

Конан огляделся: что можно использовать в качестве пут? Взгляд его наткнулся на пояс Адониса. Прочный, кожаный, с серебряными бляшечками. Очень хорошо. И что еще? Ладно, пусто будет собственная одежда стражников.

– Коэн, Везунчик! Заканчиваем здесь. Стражников вяжем.

И варвар на ухо нашептал Везунчику, что от того требуется. Недостойная война задумка посетила Конана, но все делалось во благо тех же стражников, – чтобы как можно быстрее вывести их из игры и как можно меньше им навредить.

Везунчик, воровской сущности которого не претило использование любых средств для достижения цели, не колеблясь приступил к выполнению приказа варвара. Схватил со стола до сих пор валявшуюся там ножку от табурета, – ту, что отломал Конан в комнате Иштар. Бесшумно подкрался к стражнику, который еще вел бой с Коэном.

И когда Конан, размахивая своим двуручным, с грозным свистом рассекающим воздух мечом, якобы пошел на помощь Коэну, да еще выкрикивая при этом боевой киммерийский клич, Везунчик нанес свой подлый удар ножкой от табурета по голове противника.

Связанных стражников оставили в Пиршественном зале, а остывающее тело Адониса варвар взвалил на плечо.

– Зачем? – спросил Коэн.

– Это поможет нам победить. Пошли.

– Куда?

– Веди к Воротам.

В коридорах Обители повсюду горели факелы и плошки с маслом. Впервые киммериец заметил белые кресты на стенах. Именно в этих местах Коэн предупреждал идущих позади о ловушках, и северянин догадался, что эти отмечены сделаны «богами» для самих себя. Любой слепец, не выдрессированный, подобно стражникам Обители обходить коварные «подарочки», был обречен.

Итак, они шли к Воротам в Обитель. Если где еще и находиться людям в этой цитадели, так только там.

Коридор сделал очередной поворот, и из-за него вдруг вылетела темная фигура. Конан не сразу разобрал, кто это, – раньше мелькнула стальная полоса клинка, и Коэн, удивленно охнув, стал оседать на пол. Фигура стремительно повернулась к северянину и Везунчику.

Только теперь киммериец разглядел напавшего.

Деркэто.

Деркэто!..

Возможности выхватить меч не было.

Взревев, варвар обеими руками поднял над головой тело Адониса и швырнул его в переступающую через тело слепого стражника «богиню». Та едва успела заслониться руками. Мертвый «бог» сбил Деркэто с ног и отбросил назад...

И произошло нечто неожиданное: оба тела, «бога» и «богини», внезапно исчезли. А спустя миг киммериец услышал приглушенный крик невыносимой боли. Конан сделал шаг вперед, и понял, куда подевались «боги» – под тяжестью тел плиты пола предательски разошлись, и враги провалились в ловушку. Киммериец заглянул в отверстие люка, откуда исходил слабеющий стон. Упавшая первой Деркэто обрушилась спиной на торчащие остриями вверх железные пики. Тело Адониса легло поперек тела «богини». Бесславная смерть бесславных «богов»...

Конан метнулся к Коэну, над которым уже склонился Везунчик.

– Кончается, – прошептал слепой вор.

– Не может быть...

Киммериец рванул мешковатое одеяние на стражнике, и его глазам предстала жуткая рана, из которой тонкой, пульсирующей струйкой вытекала густая, почти черная кровь. Конан зажал рану руками, понимая, что все бесполезно. «Но как же так, – билось в его голове, – ведь он не должен умереть!!!»

Мысли путались.

Да, Коэн умирал, ему оставалось совсем недолго до ухода на Серые Равнины. Он тяжело, страшно дышал, каждый вздох оканчивался судорогой, пробегающей по телу.

– Ты – Кром? – вдруг пробормотал слепой стражник, с силой, удесятеренной агонией, ухватив Конана за рукав.

Конан почти до крови закусил губу – и не почувствовал боли.

– Да. Я – Кром, – внятно и твердо произнес он, наклоняясь над умирающим. – Я пришел, чтобы наказать изменивших мне Богов. Ты заслужил мою милость. Ты будешь там среди героев.

Коэн улыбнулся. И умер.

Глава девятая

Не было других сейчас чувств у варвара, кроме ярости. Кром, говорите... Что ж, будет вам Кром...

Пятеро оставленных у Ворот стражников, услышав, как с грохотом распахнулась дверь, ведущая из Покоев Богов к Воротам, вскочили, подхватили дротики.

Конан с телами двух мертвых «богов» на плечах выскочил на вымощенную булыжником площадку перед воротами и заорал:

– Все сюда! Внемлите мне и запоминайте! Я – Кром! Я пришел в Дзадишар, я вернулся в мир! И я убил ваших Богов! Вот они, держите! Они предали меня, они предали вас!

Он сбросил с плеч то, что было недавно Адонисом и Деркэто. Стражники, двинувшиеся на незнакомца, остановились, услышав падение тел на булыжник и пугающие раскаты сильного голоса:

– Идите же, коснитесь их! Ты, самый маленький, со шрамом на левой щеке, тот, что закусил кулак. Ты, без двух пальцев на правой кисти, ты держишь палку двумя руками и кусаешь губу. И ты, с цепью на шее – старшина, небось? – у тебя растут волосы из носа. Я – Кром! Ты, что теребишь ворот рубахи, худой и длинный. Я – Кром!

– Кром... – выдавил испуганно кто-то из стражников, словно примороженных речью Конана к тем местам, где она их застала.

Но один – старшина – переборол себя, дошел до лежащих на камнях тел, наклонился и ощупал их. Остальные, включая Конана, выжидали. Везунчик, вышедший из дверей вслед за киммерийцем, в дверях и остался, жадно вслушиваясь в происходящее у Ворот.

– Боги, они мертвы, – еле слышно выговорил стражник, все еще касаясь пальцами глаз Деркэто и Адониса.

– На колени! – с новой силой возопил Конан. – На колени перед Кромом, слуги предавших меня! На колени, презренные!

Стук дерева о камень, звон железных набалдашников дротиков о булыжник – стража побросала свое оружие и рухнула на колени.

– Кром... Кром... – не переставая бормотали они.

Конан огляделся. Нельзя было терять времени. А то еще опомнятся. Будка без окон, видимо, караульное помещение, не запирается – не годится. Где же у них казарма? А-а, вот это она и есть! Приземистая пристройка к основному зданию Обители. На дверь навешен замок. Ключи, ключи... Ну

конечно! Пояс у одного только старшины, зачем он ему? Точно, нагнулся и взгляделся Конан: есть ключики.

– Идите за мной, презренные! – пророкотал он. – Идите в свою казарму и ждите, когда я призову вас и начну Суд! Идите и молитесь! Берите дротики с собой: воины не должны бросать оружие!

Конан правильно рассчитал: возможность взять с собой оружие окончательно добьет слепцов. Тот, кто не боится вооруженных людей, и впрямь всесильный Бог. Стражники гурьбой двинулись в казарму. Старшина отпер ее, а Конан, забрав у того ключи, запер за ними дверь.

Это представление перед Воротами тяжело далось киммерийцу. Когда все было окончено, новый поток страха обрушился на него. Колени позорно задрожали, сердце бухало в грудную клетку, норовя выскочить наружу. Конан закрыл глаза, обхватил голову руками и с силой, с яростью, с ненавистью к себе сжал. Нельзя, нельзя поддаваться панике... И только чудовищным усилием воли справился он с вяжущим язык и тело страхом.

На негнущихся ногах варвар подошел к слепому вору, выдавил:

– Надеюсь, Везунчик, что у нас есть запас времени. Нам осталось самое последнее и важное.

Вор молчал. И молчал как-то странно.

– Может, ты тоже думаешь, будто я Кром? – Конан потряс Везунчика за плечо.

– Не знаю, – ответил тот. Ответил, кажется, честно.

– Ну и думай, как хочешь. Главное сейчас, чтобы ты просто верил мне. Поверь мне, Везунчик, в последний раз. И я сделаю тебя равным богам...

И опять в Пиршественный зал местных «богов».

Конан уже не думал об игре Бела. Похоже, он проиграл. Он так и не забрал у своего двойника самое ценное, что есть у того. Двойник погиб, и Конан теперь навеки останется на острове слепых. Что ж... Тогда тем более ему необходимо довести свой план до конца...

Озарение, посетившее Конана, когда они с живым еще Коэном выбрались из подземного хода на утренний воздух, началось с воспоминания.

А вспомнился Конану рассказ какого-то наемника, слышанный им в одном шадизарском трактире.

Варвар любил хмельные разглагольствования наемников. Лишенные воображения головорезы если в чем и отступали от правды-истины, так только в том, что касалось их личного участия в событиях.

Тот рассказчик прибыл в Шадизар из какой-то горной страны, где в составе сбродного полка вольных удальцов участвовал в захвате замка

некоего барона. Замок, понятное дело, захватили, барона, естественно, зарубили, а сами принялись расхаживать по замку, прикарманивая понравившиеся вещицы и гоняясь за не успевшими сбежать служаночками. Добрались и до подвалов. Оказалось, в одном из них жестоким бароном была устроена тюрьма, в которой тот годами держал пленников, причем в полной темноте. «И ты знаешь, – рассказывал наемник толпе трактирных слушателей, – вывели мы их на улицу. Во двор замка, сечешь, о чем я? И – вот провалиться мне в Мир Демонов, если вру – они вдруг стали слепнуть, один за одним! Хватались за глаза, вопили, падали, с ума съезжали... Во какие дела!» «Так оно всегда бывает, – подтвердил какой-то умник из-за плотной стены кружек, – когда из крошечной тьмы, да сразу на свет. Особенно когда годами во тьме сидишь, как крот последний...»

...Первым делом Конан погасил в зале все факелы, оставив из светильников только плоску с маслом, прихваченную им в коридоре. Затем вытащил из ножен маленький изящный кинжальчик, снятый им с пояса Деркэто. Его требовалось подточить хотя бы о мраморные плиты, которыми был выложен пол залы. Он затачивал узкое лезвие и думал о том, что если не успеет и в Обитель ворвутся «боги» со сворой стражников – через подземный ход или вышибив Ворота, – то он даст последний бой именно здесь. На что хватит его мужества неизвестно, но, по крайней мере, он погибнет с мечом в руках. Этим можно утешиться. Согнув перед глазами указательный палец левой руки, Конан плавно провел над ним ножом. Касание лезвием срезало черные волосики. Что ж, заточено до готовности. Теперь достаточно легонько надавить на кожу, и из пореза начнет сочиться кровь. Поэтому до кожи дотрагиваться нельзя.

А может, нагреть лезвие над огнем, как делают шадизарские лекари, когда кромсают живых людей своими бронзовыми ножичками? Нет, во всем подражать лекарям – лишнее. Задача проста: аккуратно чиркнуть по веревочному стежку, и все. Потом по другому стежку. Потом по следующему. И так до конца. Если рука не дрогнет, то все обойдется. Если не дрогнет...

Конан посмотрел на свои руки. Что ж, пальцы не дрожат, и на том спасибо.

Пора.

Угол стола. На самый край поставлен светильник, плоска с жиром. Везунчик посажен рядом на стул. В сиденье стула упирается сапог склонившегося над слепым вором киммерийца. Левая рука варвара берет Везунчика за щетинистый подбородок, задирает его голову. Конан пододвигает плоску так, чтобы свет падал на зашитые глаза.

– Только башкой не трясси. Даже если будет больно. Терпи и молчи. Главное, молчи.

– А если будет щекотно?

– Нет, будет именно больно, обещаю. Правая варвара обхватывает рукоять ножа, лежащего на столе...

– Уф-ф-ф, – вырвалось из груди, и сердце северянина заходило ходуном. Нож задрожал в ладони. Пришлось вновь положить его на стол.

Для задуманного не хватало мужества. Невидимые ледяные объятия сомкнулись вокруг груди Конана – если не получится, то... То что делать-то тогда?!

«Интересно, что за жилы такие используют "боги"? – подумал он о постороннем, чтобы успокоиться. – Не гниют от старости, не рвутся. Тонкие, прочные. Не иначе как колдовские жилы, или дорогие жилы, как от аргосских быков, которых для того и разводят, а кормят, говорят, одним козьим молоком и...»

– Ну что там? Куда ты подевался? – пробрюзжал Везунчик.

– Я ж тебе сказал – молчи. Или мне сначала отрезать тебе язык? – разозлился Конан.

И – успокоился.

* * *

– Я тогда подумал со злостью, что если выколю ему глаза, то хуже, чем есть, все равно не сделаю. И взялся за дело. Не привык я к мелкой работе. Это, я тебе скажу, еще поганее, чем тупым мечом дрова рубить. Пот течет, глаза заливают, – останавливаешься, вытираешь. Пальцы сводит, надо опускать руку, пережидать, пока отойдет. Глаза – мои глаза – слезятся от чада и напряжения... Жилы эти вросли в кожу. Разрезать их надо было между век, а ресницы мешают... Ну, ресницы-то я, недолго думая, ему отчекрыжил. Ничего, не глаза, новые отрастут. И работать стало легче. Порезать ему кожу я тоже перестал бояться. Подумаешь, ну будут вокруг глаз шрамы. Вот кровь потекла – мне опять мешает, ему тревожно – это плохо... Но главное – дело движется. Великий Кром, вот уж не думал никогда, что стану заправским лекарем! Ну, сустав там вправить или рану перевязать – это-то я умел, а вот врачевать по-

настоящему... В общем, перерезаю стежку за стежкой, и пока ничего не выколол. Говорю:

«Если глаз откроешь без команды – убью».

«Что откроешь?»

«Э-э... Убью, если моргнешь».

«Что сделаю?»

«Тьфу, бестолочь. Если хоть один мускул на лице шелохнется...»

«То что?»

«То убью, конечно».

Вот так мы и поговорили, когда я закончил обрабатывать первый глаз. Потом приступил ко второму...

* * *

– Не шевелись. Можешь разве что дышать. – Конан отнес плоску-светильник за спину Везунчику. – Только это я тебе разрешаю. А скоро разрешу еще кое-что.

Северянин подрезал фитиль, торчащий из плоски. Вернулся к Везунчику. Надавил большими пальцами ему на глазные яблоки.

– Вот что называется глазами. По-вашему – гнилогной, но это слово забудь. А вот эти кожаные складки, что я щиплю, называются веками. Ну-ка, подними верхнее!

– Как?

– Как? Ну-у... – варвар призадумался, что ответить на такой вопрос. – Они сами понимаются, только захоти.

– Н-не поднимаются...

Везунчика надо было учить пользоваться мышцами лица! То, что человек умеет от рождения, забылось, выродилось у слепцов этого Острова. Пришлось за обучение взяться Конану.

* * *

– Ну, о том, что дальше творилось, дружище Симур, трудновато

рассказать внятно. После того, как у Везунчика этого открылись глаза... Нет, сперва, когда он впервые распахнул зенки, то ничего не понял. Я его, конечно, предупредил: если почувствуешь боль в глазах, тут же закрывай.

Боли он не почувствовал, а спросил меня, что происходит. На это я поднес к его носу его же руку. Вот, говорю: то, чем ты кинжал держишь. Пошевели пальцами. Не знаю, что в той полутьме можно было разглядеть, но для него и этого хватило. Завереждал что-то, чуть со стула не сверзился. погоди, говорю, сам сейчас поймешь. Сходил, зажег еще один факел – тоже пока у него за спиной. В таком свете он уже что-то мог различить в комнате. И вот тут-то он рехнулся окончательно. Не от боли, боли-то не было, а от потрясения. Взаправду рехнулся Везунчик. Я уж думал – все, получился еще один сумасшедший. Он орал, метался по залу, нес околесицу, плакал и тут же хохотал. Смотрел на все подряд, открывши рот, дотрагивался до того, на что смотрел, лизал. Я лишь успевал заслонять его от света факела. И заползали у меня такие мысли: пускай, может, снова ослепнет, так хоть рассудок вернется... Но, гляжу, слава богам, начинает успокаиваться. Снова замечает меня и накидывается с вопросами – где, дескать, я, куда ты меня забросил, в каком мы теперь мире. Как бы ты на такое ответил? Я пытаюсь втолковать, что ты теперь видишь, что раньше только слышал, и так далее. Но, чувствую, не понимает он. Ладно, надо развивать успех – зажигаю еще один факел, потом еще... Честно, надоел он мне за то короткое время, пока я его прозревал, хуже тысячи нудных демонов. Да и потом, нельзя было забывать, что в любой момент могут пожаловать гости. И я потащил его в коридор, а по коридору – к Воротам. По дороге просил его только о двух вещах: не угодить в какую-нибудь яму с пиками и не орать во всю глотку. Спасибо, послушался. Дошли до двери, что к Воротам выходит. И тут слышу крики, колотѣбу. Догадываюсь, в общем, что наконец вернулась облава, ворота им никто не открыл, они, значит, пытаются докричаться, достучаться. Выходит, недавно вернулись, раз еще не смекнули проникнуть через подземный ход или вышибить ворота. Призадумался я, куда нам теперь? И вдруг понял. И что дальше делать, тоже понял. Как я раньше не додумался, удивляюсь. К Воротам зачем-то поперся...

Беру Везунчика за шкирятник и больше волоку его, чем он сам идет. Куда б ты думал? К нашей с ним тюрьме. К клеткам. Потому как вспомнил я, что оттуда видел подход к стене, окружающей Обитель. Уж со всех сторон Обитель «боги» окружить не могли, а через стену эту в три роста мне перелезть – что высморкаться. Ну и этого перетащу как-

нибудь. Двое зрячих заодно – это, знаешь ли, сила в стране слепых. А вот полупомешанное состояние моего друга мне совсем не нравилось. Надо, думаю, приводить его в чувство.

Я думал, что помню дорогу до клеток. Однако пришлось поплутать по пустой Обители. Но наконец вышли. И тут я прижал Везунчика к стене, развернул лицом к себе и... и сам чуть разума не лишился...

* * *

Конан прижал Везунчика к стене, развернул лицом к себе и заглянул ему в глаза. Только сейчас, наконец оказавшись на свету, он впервые увидел какие у того глаза.

Голубые.

Полыхающе-голубые. Небесного цвета.

Такие же, как у киммерийца Конана.

«Неужели он? – вспыхнуло в мозгу ослепительным пламенем. – В придачу тоже вор... И я должен что-то забрать у него?!»

Они разглядывали друг друга. Везунчик вдруг провел ладонью по своему лицу, затем оцупал лицо Конана. Судорожно сглотнул. Едва слышно, со всхлипом спросил:

– Почему... они это делали?

Киммериец понял, что затмение покидает мозг слепого вора.

– Им хотелось быть богами, чем-то превосходить вас и при этом не бояться. Вот и придумали...

– А ты – не бог?

– Ну, какой я бог! («Так что, он – или не он?!») Человек, такой же, как и ты. Конан из Киммерии. Вряд ли боги вообще спускаются на землю. Что им здесь делать?

– И... куда мы сейчас?

– Мы двинем к тюрьме. К нашим клеткам. От них есть проход в сторону стены, окружающую Обитель. Смотри, оглядывайся и думай, где нам раздобыть веревку.

– А чего тут думать, это я и так знаю. На колодезном воротах. Колодец недалеко отсюда. Кто, ты думаешь, для них воду доставал? Сами они что ли, думаешь, ворот вертели? И Коэн этот твой, удачи ему в другой жизни, сам, гадюка, никогда...

– Тогда хватит болтать, Везунчик, пошли. Стой, чуть не забыл. Когда мы выйдем...

Они стояли у порога широко распахнутой двери, выводящей под открытое небо, во внутренний двор, где размещалась тюрьма. Слепящий диск светила был отсюда не виден, но именно солнца и испугался Конан. Одно дело факельный свет, коридорный сумрак, другое – солнечные лучи.

– Когда мы выйдем, прикрой глаза ладонью. Потом отнимай ее от глаз по чуть-чуть. Если почувствуешь резь или боль, сразу закрывай глаза. Все понял?

Они вышли во дворик, и солнце обрушилось на Конана ливнем раскаленных стрел. Подошли к знакомой калитке, через которую вводили и выводили пленников. Везунчик так и держал ладонь козырьком над глазами.

– Там, за стенкой, наши клетки, – показал Конан и вытер пот со лба. – Теперь ты веди. Веди к колодцу.

Везунчик закрыл глаза. Он помнил дорогу только ушами и ногами. Сейчас зрение мешало ему. Вор постоял, сосредоточился и уверенно двинулся вдоль невысокой стены, отделяющей клеточный городок от остального мира. Конан, опять превратившись в ведомого, шел позади.

Щурясь от солнца, варвар смотрел на жилистую шею вора и клочковатую поросль на его голове. «Похоже на то, что и он может оказаться моим сродственником. Теперь я у него должен украсть самое ценное? И что это будет? Даденный мною же кинжал? Старые судимости? Зарытый где-то клад? Что у этих нищих может быть ценного? Кром, помоги...»

Они повернули за угол, и в оглушительном сиянии дня Конан увидел колодец. Везунчик – пока нет, он двигался по памяти, на ощупь. Ему придется долго привыкать пользоваться одновременно ушами и глазами.

У колодезного сруба Везунчик вновь поднес руку к глазам, открыл веки. И постепенно стал отводить ладонь от лица.

– Не смотри на солнце – это такой яркий желтый шар наверху... – предупредил киммериец. – Хотя откуда тебе знать, что такое «желтый»... – Во рту вдруг пересохло. Захотелось забраться в колодец и окунуться в ледяную воду.

На солнце Везунчик не смотрел, но увидел простершийся над головой голубой океан в белых пенистых клочках.

– Эт-то еще что такое?..

– Небо, – объяснил варвар. – Тяни на себя веревку, не стой.

– Я вырву «богам» их гнилогной, – помолчав и не отводя взора от

бездонной синевы над головой, тихо пообещал вор...

...Для варвара, уроженца горной страны Киммерии, вскарабкаться по такой стене было не просто легко, а легко до удовольствия. И удовольствие было бы вдесятеро большим, если бы не палящий зной. А ведь еще не полдень. Да, денек обещает быть жарким, во всем смыслах...

Прежде чем оседлать гребень, Конан сторожко огляделся, то и дело утирая пот с лица. Солнце жарило как горн кузнеца. «Что ж такое, не заболел ли я? – с беспокойством подумал северянин. – По ночам в клетке было прохладно, неужели продуло?..»

Они находились с противоположной Воротам стороны, потому его ничуть не удивило отсутствие кого бы то ни было в обозримой близи снаружи Обители. Теперь на колодезной веревке предстояло втаскивать Везунчика. Конан как смог объяснил, что от того требуется, но вот что выйдет на практике...

А вышло так, что киммериец был весьма удивлен. Вор по имени Везунчик, который, по его собственным уверениям, преодолевал только стены города по пояс высотой, вскарабкался наверх, как белка по стволу. Будто что-то ему подсказывало, куда поставить ногу, за что ухватиться. Вербка оказалась, в общем-то, и не нужна.

А спуск прошел еще проще, чем подъем.

– Куда теперь? – с опаской спросил Везунчик по ту сторону Обители.

Конан посмотрел на небо, в котором разливалась невыносимое сияние, и представил себе, что видит его впервые в жизни.

Представлялось с трудом. Зато прекрасно было понятно желание вора расквитаться с «богами»...

И в самом деле: куда теперь? Погоня за беглецами продолжается, «боги» в ярости, слепые, но великолепно слышащие горожане все вышли на охоту за еретиками, а прозревший Везунчик для варвара сейчас только обуза: Везунчик сейчас – больше чем когда-либо – похож на слепого котенка...

Но и расставаться с ним нельзя, – пока Конан не выяснит, что именно является для него самым ценным в этой жизни.

Впрочем, северянин уже и сам догадывался – что. Он просто гнал от себя эту мысль.

Зрение, вот что. Нет сомнений.

Дав, он теперь должен отобрать у Везунчика глаза, чтобы вернуться обратно и вернуть себе мужество.

Но...

Но ведь один уже прозрел. Камень уже сдвинулся с горы и вот-вот

неминуемо покатится вниз, увлекая за собой десятки и сотни других камней и камушков. Превращаясь в такой камнепад, перед которым не устоит ни один бог. Еще немного, и сдержать лавину будет уже невозможно. Еще немного...

Солнце печет, обливает потоками кипящего воздуха...

Да пропади ты пропадом, бог по имени Бел, не до тебя сейчас...

– Послушай меня, – решил наконец киммериец и повернул к вору блестящее от пота лицо. – Посмотри на меня, Везунчик. На мои глаза. Глаза – а не гнилогной. Вот эти веки у тебя и у других были просто-напросто защиты «богами». Как швея зашивает дырку на платье. Только это не дырки, Везунчик, совсем не дырки. Это – величайший дар богов. Настоящий богов, а не тех подонков, которые возомнили, будто могут быть равными богам. Ты сможешь взять острый нож и разрезать жилы. Осторожно разрежай, дотронешься ножом до самих глаз – выколешь их. Тогда люди останутся слепыми навсегда. Иди в город, где сейчас, я уверен, нет ни «богов», ни стражников. На тебя никто не обратит внимания. Им нужен только я. Только меня они сейчас боятся. Про тебя, я думаю, они уже забыли. И не вспомнят, потому что я уведу их за собой...

– Но... – ошарашено восторженно вскрикнул вор.

– Не перебивай!!! – крикнул Конан, чувствуя, что вот-вот свалится от жары в униженный обморок. – Я отвлеку их. А ты расшивай глаза. Сначала тем, кому ты доверяешь, потом... Ну, потом все пойдет само собой. Только делай так, как делал я. Начинай в почти полной тьме, прибавляй свет постепенно. Ни в коем случае сразу не выводи на улицы. Уверен, все у тебя получится. Ты – вор, как и я, ты знаешь, где в городе можно спрятаться и от стражников, и от «богов», переждать, – и вновь заниматься делом. И к концу дня, я уверен, власть «богов» закончи...

Он запнулся. Пошатнулся, еле устоял на ногах и ухватился за плечо Везунчика. Закрыв глаза. Нестерпимо яркое солнце прожгло своими лучами его череп, и теперь мозг расплавлялся, вытекал тонкими дымными струйками через нос, уши, рот... Да что происходит?!

– А как же я? – донесся из бесконечного далека голос Везунчика. Словно потерявшийся ребенок зовет маму. – Ты меня бросаешь?..

– Послушай...

– Нет, это ты послушай! – со слезами в голосе заорал вор. – Это ты не перебивай! Ты посмотри на меня! Ты открыл мне гнило... глаза, а теперь хочешь бросить меня одного? И что мне делать с этими проклятыми глазами, а?! Я поверил тебе, я пошел за тобой, а ты? Ты бросаешь меня! Будь ты проклят, Конан из Киммерии! Уж лучше бы я остался прежним! У

меня не было ни дома, ни семьи, ни богатства. Единственное, чему я верил, были наши Боги, милостивые и справедливые. А ты отнял у меня последнее: мою веру. Вор, ты отнял все, что у меня было – и теперь бросаешь меня!!! В кого мне теперь верить, а?!

«Верь в себя», – захотелось ответить Конану, но он не смог. Потому что у него не было языка.

Он попытался открыть глаза, но тоже не смог. Потому что у него не было и глаз.

Не было рук, ног, тела. Проклятое солнце сожгло его дотла, испепелило, а пепел разметало по Вселенной.

Потом солнце превратилось в исполинский, ослепительно белый гонг и ударило само в себя.

На излете дребезжащего, нечеловечески громкого звона варвар уловил едва слышный вопль Везунчика: «Ко-о-она-а-а-н!!!», и сам превратился в ничто, в полуденную тень, в полуночную тишину...

Он отнял самое ценное, что только было у вора: его веру.

ЧАСТЬ 3. Жажзар

Глава первая

А если б он упал с высоты?.. Но, на его счастье, ниоткуда он не падал... Не успев разобрать что вокруг, во что он угодил, Конан почувствовал, как скользит. Едет на заднице по чему-то наклонному, осклизлому и узкому. Слева, справа и впереди в глаза ударила зелено-коричневая мешанина. Заплечные ножны за что-то зацепились, их ремень натянулся, врезаясь в кожу, послышался треск. Конан разбросал руки, ноги согнул в коленях, останавливая скольжение пятками...

И задержал себя. Правая рука запуталась в переплетении каких-то то ли нитей, то ли трав, нога уперлась в выступ или нарост.

Вот теперь стало возможным оглядеться. Посмотреть вверх, вниз и по сторонам.

– Тринадцать армий вонючих демонов и Нергалий хвост в придачу!

Во всем, докуда пробивался взгляд, обнаруживались одни лишь стволы, ветви, листья и оплетающие их, как плющ ограду, бесконечно длинные растения, подобные которым в Черных королевствах называют лианами. Ничего больше. Куда ни глянь – конца-краю нет древесам и листьям. Впрочем, нет, есть кое-что еще. Наверху, откуда проникал скудный свет, взгляду удалось нащупать синие лоскутья неба. А еще вокруг копошилась мелкая жизнь: по коре сновали жуки, меж сучьев плели свои сети пауки, по листьям ползали гусеницы и улитки, с ветки на ветку, щелбеча и чирикавая, перепрыгивали пичуги. Конан заметил небольшое дупло, из которого высунулась мордочка небольшого зверька, вроде белки, и тут же от беды нырнула обратно...

* * *

– В отличие от неба, земли было не видеть, как ни вглядывайся. Вот в такое веселое местечко я угодил, Симум.

Вечерело. На Шадизар сползала вечерняя прохлада. В эти часы на улицах заметно прибавлялось людей, до того предававшихся дневному сну в ожидании ухода зноя в домах и тенистых садах.

– В общем, башкой по сторонам покрутил, заметил, что самих

деревьев не так чтоб и много. То есть немного собственно стволов. Зато они толстенные, в объёме как три колонны храма Митры, а заполняют все вокруг разросшиеся, как лопухи на навозной куче, ветви. Везде протянулись, переплелись друг с дружкой. Словно щупальца, того и жди, что зашевелиются, оплетут и удушат. Ну, чуть поглазел я на эти деревянные дела и задумался: что ж теперь делать-то. Вот куда, скажи-ка, Сатурн, мне было ползти? Как обезьяне, на руках перескакивать по сучьям, пока не свалишься без сил? Вроде бы по уму было забраться наверх и с высоты оглядеться. Так бы и поступил, клянусь Кроном, да проклятье Бела вмешалось. Не пускает какая-то сила наверх, где гуляет ветер, опасно раскачивая тонкие верхушки деревьев, где тяжело удержаться. Ладно, тогда я убедил себя, что по земле ходить вроде бы привычней. На земле к тому же можно обнаружить следы людей, к которым мне так и так выходить, чтобы среди них разыскать, вспоминая слова Бела, «вроде бы как моих ближайших родственников». И стал спускаться, сам себе напоминая древесного медведя, что живут в дремучих лесах Кхитая...

* * *

Есть пока не хотелось, но что-то, а голод – не щедроты Митры, тем паче и не богов помельче, он не заставит себя ждать, поэтому Конан примечал по сторонам все, могущее со временем послужить ему пищей. Деревья были одной неизвестной ему породы, видимо, изведшей, выдавившей из леса прочие породы, и никаких плодов с их ветвей не свисало... Вот если только не съедобны маленькие, похожие на наконечники копий листья. Правда, с тем же успехом листья могут быть и ядовиты, в общем, пробовать ни к чему, тем более еды и без них хватает. Вон она, порхает и чирикает. Попадались птицы и размером с голубя, набей таких с десяток – отменный обед получится. Нет ничего сложного соорудить лук из подходящего сука и лиан (Конан удивился прочности последних – как добрая льняная веревка коринфийских мастеров), нарезать стрел, да охотиться себе сколько влезет. А ведь и по земле еще какая-никакая живность должна бегать. Также там, внизу, должна быть вода. Впрочем, жажду можно утолить и на деревьях – киммерийцу встретилось чашеобразное углубление на древесине, полное воды. Надо думать,

дождевой.

Вдруг Конан заметил сломанную ветвь, а чуть ниже обнаружил и содранную кору. Словно кто-то аккуратно вырезал полосу длиной в локоть и шириной в ладонь. Даже осталась канавка как бы от ножа – ее заполняли янтарные капли смолы. Срез был вроде бы свежий... Люди? И они не только ходят по земле, но еще и ползают по деревьям? Или это зверье постаралось?

* * *

– Не забивая себе голову ерундой, продолжил спуск. Как по ступеням, с ветки на ветку, цепляясь за сучья и путаницу лиан. Чем ниже, тем делалось все сумрачней. Ветви становились все толще, а листья меньше и уже. Птицы встречались теперь реже, в повлажневшем воздухе запахло подвальной плесенью. И никакой земли не видать. Какой же высоты, думаю, вымахали эти деревья? Поди, не меньше чем с Птичий хребет, что в горах Киммерии!

Если бы не лианы, то ничего б не стоило поскользнуться на отсыревшей коре и загреметь башкой по веткам. Тут, понятно, мне здорово пригодился воровской опыт лазанья по стенам и оградкам...

Траву я углядел, когда до нее оставалось руку протянуть, чтоб коснуться кончиков широких сочных стеблей. Ну и трава, я тебе скажу. Под стать лесу. Густая, сквозь нее не то что корней, ничего не видать. И как-то сразу понимаешь, что высоченная, зараза, прыгни в нее – и тебе еще лететь и лететь до земли. Значит, следовало продолжать спускаться, как спускался...

* * *

Конан перебрался ветвью ниже, которая, как остров в волнах, утопала в сорной зелени. Едва он спустил ноги на ее поросшую мхом кору, как у него враз отбило желание окунуться в мир буйной травяной поросли. Шесть глубоких борозд в окружении содранного мха белели на

поверхности ветви. Такие отметины могла оставить зверина, точившая о дерево когти. Причем, зверина шестипалая. Судя по расстоянию между бороздами – лапа у твари не меньше, чем с голову человеческого младенца. А если животное не ползает по деревьям и дотягивается до сука с земли, то и ростом, выходит, она удалась. Да, похоже, все в этих краях ростом удается, Нергал им в печень и в глазное яблоко...

Если после острова слепцов к киммерийцу и вернулась часть отнятого Белом мужества, то не настолько большая часть, чтобы, как бывало, безоглядно и бесстрашно вломиться в дремучие заросли неизвестного мира, населенные Кром ведает кем. Наверху вроде бы поспокойней, в конце концов, странствовать можно и по деревьям. Питаться, как и мыслилось, птахами да зверьками вроде того, что таращился из дупла, а если... Этот звук ему был привычнее многих других. Даже привычнее звона наполненных кубков и женского шепота. Этот звук ни с каким другим он спутать не мог: гневное гудение отпущенной тетивы, переходящее в торжествующий свист летящей стрелы.

Тело среагировало быстрее мысли, молниеносно ушло в сторону. Ноги соскользнули с влажного сука, но Конан удержал себя от падения, повиснув на канатах лиан. Оттолкнувшись от упругих и прочных «живых веревок», он вернул ступни на ветку. Присел, готовый в любой момент уйти от повторного выстрела. А что касемо первой стрелы... Она вонзилась в дерево в двух локтях от того места, где прежде находился киммериец. Прямо скажем, подумал варвар, не шибко меткий стрелок выискался. Притом, что неизвестному ничто не мешало прицеливаться долго и тщательно. Притом, что Конан – отнюдь не самая мелкая из известных мишеней. Но где же спрятался этот косоглазый лучник?

– Эй, перекормыш! Назови себя! И не вздумай врать!

Выдавший себя голосом стрелок затаился справа, располагаясь несколько выше Конана. До его укрытия примерно три длины меча. Добраться туда возможно за два с половиной удара сердца. Подтянуться на лианах, качнувшись, закинуть себя на верхнюю ветвь, по ней один шаг, толчок – и прыжком вламываешься в клубок из мелких сучьев, откуда и донесся голос.

Голос был женский. Что пока ничего не значило – мало ли Конану встречалось чудовищ, говоривших женскими голосами, ангельскими, певучими, хрустально чистыми. Но когда обладательницы голосов вылезали на свет божий... Хорошо, если только пугали своим видом, а то ведь и норовили...

– Короче говоря, иногда приходилось крепко поработать верным мечом...

– Позволю себе прервать твой увлекательный рассказ, дабы ты, получив передышку, промочил горло и увлажнил язык, ибо любому путнику нужен привал, а его лошади – водопой, и расскажу тебе историю, коя... – Симур махнул рукой. – В общем, пей и слушай. О женищинах и их голосах. Издревле старшие сыновья правителей Хорайи берут в жены старших дочерей правителей соседнего Хаурана. И наоборот. Тем самым крепилась политические связи, тем самым страны оберегали себя от войн друг с другом. И вот очередной старший сын правителя Хорайи женился на очередной дочери владыки Хаурана. Как велось, жених впервые увидел будущую супругу на свадьбе. А впервые услышал ее голос, так уж получилось, лишь в волнующей тишине брачных покоев. При почти безупречных женственных формах голос у невесты оказался низким, басистым, мужским. Сын правителя так был поражен несоответствием, что не смог исполнить свой супружеский долг. И не только в первую ночь. Не мог и в последующие ночи. Чтобы ни делал, какие бы зелья ни пробовал. Только начнет исполнять, жена откроет рот, вырвется тяжелый, густой звук – и желание пропадает, будто косою подрезали. И сын правителя, которому в скором времени предстояло наследовать трон, отправлялся из спальни жены к сладкоголосым наложницам. Однако будущему монарху нужен законный наследник, он же живое подтверждение нерушимого союза Хорайи и Хаурана... а откуда ему взяться, если мужу милее невольницы?. Чем, ты думаешь, закончилась история?

– Жене, полагаю, отрубили голову, – предположил Конан.

– Ответ неверный. Хотя к тому и шло, – а также к войне между Хорайей и Хаураном. Но, на счастье, отличились главный визирь с дворцовым колдуном. Первый надоумил, а второй исполнил. На вымоченные в дарфарском алычевом уксусе листья белого лотоса колдун с одной стороны нанес отвар, изготовленный им по рецептам из древних манускриптов. Теперь такой лист оставалось лишь приложить к женскому рту, и он, крепко прилипая, не давал разжаться губам, не давал вырваться ни звуку. Так сын правителя зачал своего законного наследника. А визирь и дворцовый колдун получили столь щедрую награду, что я даже не хочу произносить какую именно, дабы не вызвать в самом себе зависть

к чуждому богатству.

– Мужьям многих женщин не помешало бы иметь под рукой такую колдовскую удумку, даже если у женщин этих ласкающе нежные голоса. Ведь иногда они очень много говорят. И много лишнего, – сказал Конан, при этом подумав, что Сатур наверняка кое-что присочинил, а, может быть, и вовсе выдумал историю от начала до конца.

– Между прочим, – добавил Сатур, – историю эту рассказал моей Локинии, сам Хауранский правитель, да-да, он уже взошел на престол. Год назад он с посольством наведалься в Шадизар и тайно посетил заведение моей резвушки, прослышав, что нет ему равных в нашем городе. Твое горло отдохнуло? Тогда продолжай...

И Конан продолжил.

* * *

– В местах, откуда я родом, прежде называют себя, а потом требуют того же от других! – так обратился к незнакомке Конан из Киммерии.

Незнакомка, похоже, призадумалась. Медлила с ответным ходом. Наконец вновь зазвучал ее голос:

– А откуда ты родом?

– Оттуда, где не стреляют незнакомцам в спину, где выходят на бой лицом к лицу, где мужчины охотятся и воюют, а женщины сидят дома и ждут своих мужей.

– Ты из Большого гнезда?!

В ее возгласе варвар расслышал радостное удивление.

– Нет, – устало вздохнул киммериец. – Я из Киммерии. Имя мое Конан, а бог мой – Кром. А ты кто такая?

Опять последовало недолгое молчание.

– Меня зовут Апрея. Я молюсь, как и все люди мира, Азарху, богу, ушедшему на поклон. Я никогда не слышала ни о каком Кrome и ни о какой Киммерии. И я не знаю, что мне с тобой делать.

Конан усмехнулся – он, пожалуй, мог бы дать дельный совет, но не стоило забывать о луке и стрелах. Кстати, пока шел их с незнакомкой разговор, варвар повнимательней рассмотрел стрелу. Она была вдвое короче тех, которыми пользовались боевые лучники, и ее венчал деревянный наконечник. Впрочем, довольно острый наконечник, раз

воткнулся в древесину...

– Может, ты спустишься пониже? – предложил киммериец. – Как считают у нас в Киммерии – не видя лица человека, принимаешь его за врага.

Конан думал, что последует предварительное глубокое раздумье, но неожиданно сразу, стоило его словам растаять в лесной гущине, зашуршали листья на потревоженных ветвях, и незнакомка явила себя. Она покинула укрытие, ловко и быстро прошла по зигзагу не слишком толстой ветви, ступая босыми ногами по мшистой коре, и присела на корточки напротив Конана. Она двигалась и сидела, удерживая равновесие без помощи рук и лиан. Руки ее были заняты луком, – маленьким, похожим на детский, с тетивой из человеческого волоса. Теперь Конан мог, выхватив меч и шагнув вперед по своей ветви, достать острием до лесной женщины. Но лучше бы она не вынуждала его к этому, потому что лучница оказалась вовсе не чудовищем с прелестным голосом, какие давеча припомнились варвару.

Конан не дал бы ей больше пятнадцати зим, но, быть может, в этих краях возраст отражается на женщинах по-иному. Лесная лучница невысоким ростом и худощавостью походила на кхитайянку, однако от жительниц восточной страны ее отличали бледно-розовый, а не желтый, цвет кожи, большие глаза на миловидном лице и белокурые волосы, заплетенные в косу. Коса была скручена на затылке и заколота расщепленными палочками. Девичью красу прикрывала куртка, скроенная из шкурок мелких зверьков, да еще короткие, до колен, матерчатые штаны с неровными и разлохмаченными нижними краями.

При всем при том, то есть при луке, изготовленном для немедленной стрельбы, при ножнах на поясе и выпущенной как повод к знакомству стреле – лесная женщина не казалась Конану грозно воинственной и надменно независимой, как какая-нибудь амазонка...

* * *

– Тебе, Сатур, тоже, наверное, приходилось слышать об этом странном племени. Мне же не раз доводилось сталкиваться с этими женщинами, почему-то называющими себя не дурами набитыми, а амазонками. Сражаются они плохо, зато при этом много кричат и так неистово осыпают отборными проклятьями всю мужскую братию, что

приходится лишь удивляться, как от их слов не падут небеса и навсегда не придавят столь гнусную волосатую породу...

– И еще раз я перебую тебя, Конан из Киммерии, ибо чем больше ты говоришь, тем больше нуждаешься в отдыхе, – сказал Сатур. – В заведение Локинии однажды попросилась женщина высокого роста и с широкими плечами, и Локиния ее взяла. Новая жрица любви после призналась, что происходит родом из грозного племени амазонок. А признавшись, она рассказала свою историю. Три десятка лет несчастная скакала на лошади, натягивала тетиву лука, размахивала саблей и страстно, как предписывают законы племени, ненавидела мужчин. Но вот в одном из сражений с воинами-мужчинами нашу амазонку захватили в плен. И, конечно же, подвергли страшному унижению, то есть надругались над ней, то есть воспользовались ею как женщиной и воспользовались не единожды. – Сатур прервался на глоток вина. – А после милостиво отпустили восвояси. Амазонка вернулась к соплеменницам, которые ее пожалели и утешили. Но выдержала она прежней жизни всего с седмицу. Познанные новые ощущения не отпускали ее, лишали сна. И они, новые ощущения, наконец заставили женщину предать свое племя. Поскольку тридцать солнцеворотов амазонка провела беспорочно, словно жрица злобной богини целомудрия, то приходилось срочно наверстывать упущенное. Последнее обстоятельство и привело ее в веселый дом толстушки Локинии. Представь себе, она нисколько не жалеет о брошенных саблях и луках, о скачках по полю кровавой сечи. Иные скачки всецело захватили ее. Если ты воспользуешься приглашением Локинии... Однако мы отвлеклись. Продолжай же. Итак, лесная женщина держала лук наготове...

– ...и внимательно, как диковинку в саду чудес, меня разглядывала.

* * *

Конан первым прервал игру в гляделки.

– Почему ты стреляла мимо?

– А ты хотел, чтобы в тебя, перекормыш?

– Тогда бы мне все было ясно. А так – мне не ясно, зачем стрелять, когда не желаешь убить или ранить.

– Я хотела, чтоб ты обернулся.

Лучница сидит и не шелохнется; Конан так не мог. Больно уж неудобна ветвь, покрытая влажным мхом, что для сиденья, что для стоянья. То нога затечет, то спину сведет. Приходится вертеться, менять позу. Чтоб уютно чувствовать себя на этих сучках, надо, не иначе, родиться птицей или жуком-древоточцем. Или лесной женщиной.

– А словом у вас не пользуются? Свистом, щелчком пальцами или криком «Эй, приятель!»...

Лучница надолго задумалась – похоже, Конан задал ей задачку...

* * *

– ...К некоторым вещам привыкаешь с детства, – заметил Симур. – Они выглядят естественными, правильными и единственно возможными. Но вот оказываешься в чужеземии, или же чужеземцев прибывает к нашему берегу, знакомишься с их нравами и обычаями – и с удивлением обнаруживаешь, что носить в жару обувь под названием сандалии гораздо приятней, чем сапоги, что брать горячую еду с помощью серебряного двузубца удобней, чем руками. Или что можно воспользоваться словом вместо стрельбы из лука.

– Или хоть и хлопотно мыться каждый день, но от этого есть своя польза. У нас же в Киммерии было принято мыться раз в седмицу. Так вот... Лесная женщина молчала на этот раз дольше прежнего...

* * *

Лучница вышла из задумчивости неожиданной фразой:

– Со спины ты очень похож на брата. Но я обозналась.

«Брат, – промелькнуло в голове у Конана. – Не он ли мне нужен?»

– Ты поджидала здесь своего брата? Ты ждешь его возвращения?

– Мой брат ушел в Нижний дом, – произнесла она с торжественной печалью.

– И когда он вернется?

– Ты что, издеваешься надо мной, перекормыш! – Красивое лицо

лесной девушки исказила злая гримаса, поднялся лук, деревянный наконечник нацелился в киммерийца, натянулась тетива.

– Нет, Априя, – серьезно сказал киммериец. – Я просто не понял, о чем ты говоришь. И, кстати, перестань называть меня перекормышем. Я назвал тебе свое имя. Конан.

– Дурацкое имя, – фыркнула Априя и отпустила тетиву. – Как у бумерков.

– Так, давай по порядку, – варвар поменял онемевшую руку, ухватился за лиану (без этого лишь лесная женщина может не падать с ветвей) другой рукой. – К бумеркам мы обязательно придем и вместе посмеемся над их дурацкими именами, а сейчас...

– Варрах!

– Чего? – не понял Конан.

– Варрах! – в ее выкрике смешались предупреждение и испуг. Она сняла стрелу с тетивы и показала ею за спину Конану. Киммериец оглянулся...

* * *

...Северянин допил вино, дотянулся до кувшина, потряс его над опустевшей чашей, но вытряс лишь несколько капель.

– Быстрее всего на этом свете заканчивается вино и женская благодарность, – изрек сотрапезник варвара. – Первое вернуть не слишком сложно. Но, быть может, потому и не стоит торопиться. Ибо, как сказано у Ахада-ибн-Караиба в «Хрониках откровений»: «Кто без отдыха поднимается на гору, никогда не увидит мир с ее вершины». Посему, не продолжить ли нашу беседу, прогуливаясь по тенистому саду? Где бьют фонтаны, даря прохладу, где растут цветы, в которых я совершенно не разбираюсь. А после прогулки, чуть подзабыв винный вкус, мы заново ощутим всю прелесть сего... ик... божественного напитка.

– Хорошо. Проветрится, как это называют у нас в Киммерии.

– Я вот тут подумал о значении стрелы в их обществе, – сказал Симур, когда они, слегка покачиваясь, ступили на песчаную дорожку, ведущую к саду. – Ты говоришь, она сняла стрелу с тетивы. Вот-вот. А до этого, вместо того, чтобы просто окликнуть тебя, выстрелила из лука... У некоторых народов возлагается дополнительная смысловая и обрядовая

нагрузка на предметы, особенно на те, с которыми люди не расстаются. Понимаешь? Показать рукой не значит показать, показать на что-то можно только стрелой. И обратить внимание человека можно тоже только стрелой, а голос служит для других целей.

– А я вот подумал, – ухмыльнувшись, покосился на собеседника киммериец, – что правильно мы решили отдохнуть от стола. Проветриться, подостудить перегретые головы.

– М-да, – пробормотал Симур, теребя мочку уха. – Ладно... Так кем оказался этот Варрах?

– Кем, спрашиваешь...

* * *

...Конан обернулся. Шелест, которого раньше не было – вот что сперва услышал киммериец. Шелест не прекращался – наоборот, усиливался, приближался. Потом варвар увидел, как кольшутся верхушки стеблей. Что-то или кто-то тревожил траву, скрытый этой травой от глаз, кто-то или что-то двигалось в их сторону.

– Ты собираешься дожидаться Варраха? Тогда прощай!

И лучница тут же доказала, что ждать никого не намередается, хоть и располагается выше Конана и вроде бы ничего ей грозить не должно. Она проворно перескочила на верхнюю ветвь и скрылась в ветвях.

В иное время Конан глянул бы в глаза этому Варраху, если у того, конечно, имеются глаза. Но проклятье Бела, – опять проклятье Бела...

И киммериец выбрал: последовал за лесной женщиной. Догнать ее на деревьях, где она чувствовала себя уверенно, как крот под землей, было бы делом непростым. Но Конан не догонял, а лишь следовал ее путем. Лучница поджидала его, выглядывая сверху из ветвей. Иногда подгоняя:

– Как ты медлителен!

Или укоряя:

– Как же ты шумишь!

В ответ ей можно было бы бросить: «Рожденный в горах и скитавшийся по равнинам, по деревьям ползать не умелец», – да знает ли она что такое горы и равнина?

Когда они забрались достаточно высоко и, по мнению киммерийца, никакой Варрах их бы теперь не достанет, каким бы прыгучим' тот не был,

он крикнул лесной девице:

– Эй, Априя, подожди! Послушай, может, мы сначала поговорим, а потом поскачем вместе... или порознь. Я тебе честно признаюсь, что не всю свою жизнь провел на деревьях, а потому надо бы привыкнуть...

– Где же ты жил? – раздалось сверху, и лучница показалась в виллообразном разветвлении сучьев. – Ты неуклюж и сочиняешь всякие враки, чтобы оправдать свою неуклюжесть.

Она захохотала, и хохот ее стал удаляться. Проклиная Бела, Варрахов вместе с лесными лучницами и через слово поминая Нергала с родней, Конан последовал за своей новой знакомой. Лазанье по сучкам порядком ему поднадоело: постоянно думай, за чтобы ухватиться, думай, куда поставить ногу, чтобы не соскользнула с наклонной ветки, да еще меч цепляется за все подряд. Но девицу варвар отпускать не хотел. Не только потому она была ему нужна, что хотелось поскорее и побольше разузнать о странном крае великанских деревьев: очень уж заинтересовал Конана ее брат, похожий на него и куда-то там ушедший. Да к тому же – Кром его знает, не с самой ли красивой девушкой в здешних местах свел его случай? А если с самой, то зачем же отпускать ее от себя? А то вдруг вообще она – единственная женщина этой страны?.. Вот и приходилось трудиться, чтобы не отстать...

Глава вторая

Вряд ли она бы от тебя убежала, что бы ты ни говорил, что бы ты ни выкинул, ну, разве набросился бы на нее с мечом.

– Почему? – спросил Конан. В саду было и вправду хорошо. Широкие листья ветвистых деревьев не пускали солнечный свет на песчаные дорожки, по краям выложенные шлифованным белым камнем. Не один, не два, а целых шесть фонтанов в разных частях сада подбрасывали вверх прозрачные струи, обрушивающиеся в широкие мраморные чаши. Пребыванию в мире тени и влаги громче всех радовались птицы, то и дело подлетающие к чашам с водой. По дорожкам важно прогуливались откормленные павлины, с неохотой уступающие людям проход. Клумбы пестротой и замысловатостью узоров из цветов соперничали с коврами кутхемесских мастеров. Чтобы позволить себе такой сад, владельцу просто-напросто необходим весьма приличный доход. Выходит, любовь в Шадизаре – пока еще ходовой товар... «А ты сколько раз, – напомнил Конан сам себе, – опустошал кошелек до последнего медяка во всяких "Веселых потаскушках", "Шаловливых кошечках" и "Розовых льдинках"?»

Они обходили сад уже по второму кругу. Размеренность уступала место бодрости. Улетучивался из головы легкий винный хмель.

– Потому что, – ответил киммерийцу Симур, – разбуди меня посреди ночи и спроси, какое главное качество присуще женщинам, и я отвечу не задумываясь: любопытство. Если мужчину создатели лепили из тщеславия, то женщину из любопытства. Любопытство – тот золотой ключ, что открывает женские сердца. Хочешь завоевать женщину – пробуди в ней к себе любопытство и поддерживай его столь долго, сколь сочтешь нужным, и она в это время никуда от тебя не денется. Так вот, ту лесную красавицу ты не мог не заинтересовать до чрезвычайности. Ты странно себя вел. Конечно, совсем не так, как повел бы себя кто-нибудь из местных жителей. Одет необычно для тех мест. Про Варраха не слышал. И вдобавок на брата похож. Разве успокоилась бы она, не выяснив, кто ты, откуда, чего ищешь. Между прочим – заметь, я не упомянул о том, что ты ей понравился. Очень спорный момент. По тем меркам красоты ты вполне мог и не попасть в симпатичные парни.

– А как же брат? Думаешь, она не считала своего брата симпатичным парнем?

– Разве она говорила о красоте своего брата? Может быть, брат-то

и ушел, куда он там ушел, не вынеся своего уродства.

– Как сказали бы у нас в Киммерии, ну ты и загнул, Сатур. Пожалуй, нам следует сделать еще кружок по саду, прежде чем возвращаться к столу.

– Кстати, мне тут пришло в голову... – Сатур зачерпнул ладонью воду из фонтана, освежил лицо. – Фу, хорошо! Пришло в голову, почему она тебя обзывала перекормышем – когда я вспомнил, как ты рассказывал о том, что лучница ловко и проворно лазает по деревьям. Если они живут на деревьях, то излишний вес, как впрочем, высокий рост и размах в ширину, лишь мешают быстрой и незаметности передвижений по веткам. Вполне вероятно, они стремились не перекормить своих детей, чтобы те не вымахали... э-э...

– Как я, – закончил Конан.

– Как ты, киммериец. Не исключено, что я ошибаюсь в своих преждевременных выводах.

– Ты можешь о том узнать, если позволишь мне продолжить.

– Разумеется, продолжай.

– Мне еще как-то удастся не сбиться с путеводной тропы моего рассказа. Я даже помню, на чем остановился. На том, что у лучницы получалось быстро, бесшумно, а главное, незаметно перемещаться по лесу. Вот она сверху за спиной, а в следующий миг ее голос доносится слева снизу. На все мои попытки заговорить, хохочет и скрывается. Я, значит, послушно карабкаюсь за ней. Мы ползали по веткам, как мне тогда казалось, без всякого смысла и направления. Я уж было приготовился сказать: «Хватит», как вдруг она исчезла. Пропала. Не выдает себя ни голосом, ни шорохом. Зову – не откликается. Я подумал, что она за кем-то пошла. Стало быть, следовало обождать. Оно же нелишне и дух перевести.

Уже и перекусить было охота. Жажду-то я умудрялся забивать во время прыжков по сучьям. Слижешь с листьев влагу, найдешь выемку с водой, глотнешь оттуда, вроде и полегче. А вот брюхо урчало все сильнее. Нет, думаю, жду эту попрыгунью столько времени, сколько требуется на опустошение мелкими глотками кувшина с вином, а потом мастерю лук и приступаю к охоте.

Она вернулась раньше того крайнего срока, который я ей отмерил. Как мне и думалось, явилась не одна...

* * *

...Можно обитать и на деревьях. Конан удостоверился в этом, оглядев древесное жилище своих новых знакомых.

Ствол, могучий, как нога бога, тянулся из неведомых низов в невидимые верха и щедро разбрасывал вокруг толстые щупальца ветвей. Как дудочка отверстиями, ствол древа-исполина чернел дуплами. Конан насчитал не меньше дюжины внизу и вверху, а ведь далеко не все он видел со своего места. В то дупло, возле которого они расселись на ветках, как на стульях, Конан из любопытства заглянул. Просторно – он смог бы вытянуться на полу, застеленном высушенной травой, в полный рост. Но распрямиться в древесной норе у него бы не получилось, а встать там он смог бы только на четвереньки.

Древесных людей пока что киммериец видел всего двоих. Они находились рядом с ним. Отец и дочь. Дочь звали Апрея, отца – Меркар. Да, Апрея позвала прежде отца, не решившись приводить гостя в дом без его позволения. И только после того, как она показала отцу своего знакомого и тот, внимательно рассмотрев чужака из-под прикрытия ветвей, решил, что чужак не опасен, они вышли к киммерийцу и отвели его к дому...

* * *

– Я им вообще-то поведал правду, разве что опуская подробности – дескать, силы зла колдовством закинули меня сюда из родных краев. Родные края на ваши края не похожи нисколько. И вот сижусь тут, ничего не понимаю. Папашка выслушал меня и призадумался. А он по виду скорее в деда ей годится. Сухонький, в морщинах с ног до головы, седой. Маленький. «Я тебе верю, пришлый человек Конан», – наконец говорит он. А Апрея, которая до того молчала и уважительно глядела на отца, после его слов облегченно вздохнула. Видать, переживала. «Ты двигаешься не как человек Верхнего дома, – добавляет папаша, показывая ладошкой на ствол. – С тобой бесполезное оружие. И вдобавок Апрея говорит, что она увидела тебя, когда ты будто бы намеревался нисходить в Нижний дом».

Ну, насчет бесполезности меча в условиях древесной битвы я б с ним поспорил... Да меня больше волновало другое. «Знаешь, папаша Меркар, – говорю, – ты произносишь много непонятных слов – Нижний дом, Верхний дом... Если б я понимал, о чем речь! Ты бы сперва разъяснил, что тут у вас к чему». И он принялся разъяснять...

* * *

...Меркар и говорил, как древний старик – негромко, медленно, с перерывами для восстановления сил, прикрыв глаза.

– Когда-то давным-давно Дом у людей был один. И люди жили одним Большим гнездом, во главе которого стоял мудрый и сильный Правитель Гнезда. Раз в три года обитатели Дома сами выбирали себе владыку из наиболее достойных людей. Законы, по которым жили в то время, были просты и справедливы. И сейчас, где-то на окраине мира сохранилось Гнездо, живущее по установлениям и порядкам Большого гнезда... но найти его нелегко. Слишком далеко ушли те люди от нас, не сберегших общий Дом.

Не сберегли... Однажды в Дом пришли два брата. Откуда они явились, никто не знал, но их приняли радушно, и они стали жить наравне со всеми в Большом гнезде. Когда через три года пришла пора выбирать нового Правителя, люди предложили братьев.

Голоса разделились ровно пополам. Каждому из братьев не хватало для победы еще хотя бы одного сторонника. И люди уж было хотели, как велели законы Большого гнезда, оставить старого Правителя и отложить избрание нового на год, как вдруг...

Братья, явившиеся неизвестно откуда, были на одно лицо. Их отличал только цвет волос. У одного волосы черные, словно мрак под закрытыми глазами, у другого белые, точь-в-точь как у моей Апреи. Беловолосый брат любил девушку, которую собирался назвать перед людьми своей женой. Черноволосый никого не любил. Но он вдруг обратился к девушке брата со словами: «Я хочу, чтобы ты стала моей. Ты будешь женой Правителя». Он предложил девушке стать его женой раньше, чем это сделал его беловолосый брат. И девушка неожиданно ответила: «Да, я буду твоей женой. И я изменяю прежнее решение, я выбираю Правителем тебя». Так черноволосый стал править Большим гнездом», а беловолосый брат

покинул Большое гнездо, сказав, что уходит на покой.

Не сразу, постепенно привычная жизнь начала меняться. Появлялись новые законы, вводились новые порядки. Более жесткие, а зачастую и необъяснимо странные... И появились несогласные с этими законами и порядками. Несогласных наказывали – сначала сурово, потом свирепо. Люди внезапно вспомнили, что они разной крови, они происходят из разных родов. И вот от Большого гнезда стали откалываться малые гнезда и уходили жить самостоятельно.

И появился Нижний дом. Откуда он взялся – неведомо, только вдруг в один из дней выросла трава, сразу в человеческий рост. И кого она накрывала, тот исчезал навсегда. Остальные испугались и стали подниматься выше и выше. С тех пор провинившихся казнили, сбрасывая в Нижний дом.

И вскоре не было уже Большого гнезда. На его место пришли Верхний дом, Нижний дом и множество гнезд. А черноволосый Правитель однажды исчез, бросив людей и свою жену.

И только тогда люди догадались, кто были на самом деле разноволосые братья. Белый – бог Азарх, черный – его брат, чье имя с тех пор не произносят. Люди Большого гнезда равно поклонялись обоим братьям-богам. Однажды боги поспорили, кого из них люди любят больше. И явились в облике человеком испытать людей. Люди выбрали себе черноволосого, чье имя не произносят в пределах Верхнего дома, и потеряли Большое гнездо... С тех пор мы зовем в своих молитвах Азарха вернуться, но тщетно. Время его второго прихода еще не настало. Люди еще не искупили свою вину.

– То есть, папаша Меркар, когда человек падает в траву – это и называется уйти в Нижний дом? И оттуда никто никогда не возвращался? – слушая рассказ, Конан пробивал и высасывал птичьи яйца, принесенные ему Апреей в сплетенной из прутьев корзине.

– Ты прав, пришлый человек Конан.

– И твой сын, ее брат, свалился в траву?

– Он ушел в Нижний дом.

– Как это случилось?

– Они с Апреей охотились в сумраке у границы Верхнего и Нижнего дома. Апрея ненадолго потеряла его из виду. Потом услышала крик. Крик донесся снизу. Уже из Нижнего дома. И резко оборвался.

– Я лишь на миг отвернулась, – лесная лучница всхлипнула, накрыла глаза ладошкой. – Оборотилась, а Порка нет на месте.

– И как давно это произошло?

– Семь лун назад, – ответил Меркар. Старая рана, которую невольно разбередил Конан, не заставила его плакать, он лишь ниже склонил голову.

– Апрея сказала, что я похож на твоего сына.

– Да. Он тоже был перекормыш. Не такой плечистый, как ты. А главное, что вас отличает, – волосом Порк был светел, как Апрея, ты же темноволос. Но издали и в полутьме тебя можно принять за него.

– Так что ж там такое в траве? Спасибо, красавица, – Конан вернул корзину, наполненную скорлупой.

– То ведомо черноволосому брату, чье имя не произносят в пределах Верхнего дома, и никому другому.

– Ты хочешь сказать, что это его земля, чернявый там хозяйничает. Понятно. Но ты, папаша Меркар, и ты, Апрея, – вы же не раз бывали возле границы домов, Нижнего с Верхним. Неужели ничего не видели? Никогда? И, кстати, кто такой Варрах?

– О Варрахе известно лишь то, – сказал Меркар, – что спастись от него можно, перейдя

за седьмую ветвь. До седьмой ветви ты в его власти.

– М-да, немного... Значит, не видели? Ничего и никогда? Может, хотя бы слышали какие-нибудь звуки? Голоса?

– Нет, пришлый человек Конан...

Конану показалось, что папаша Меркар чего-то не договаривает или что-то от него скрывает. Впечатление усилила Апрея, посмотревшая на отца и только после этого сказавшая свое «Нет»...

* * *

– ... А я знаю, что случилось с Порком, то есть с братом Апреи, – вдруг заявил Симур.

– Ты?! – воскликнул варвар так громко, что павлин у фонтана подпрыгнул на месте и без нужды распушил хвост. – Откуда?

– Я же тебя внимательно слушаю и размышляю при этом, – Симур плохо спрятал в объяснении бахвальство. – Ум, Конан, – сила, равновеликая твоим мускулам и мечу.

Симур вновь наклонился к чаше, зачерпнул воды в пригоршню и вылил себе за шиворот.

– Должно быть, тебе известно и что представлял собой их Нижний

мир?

– Честно отвечу – нет, не известно. Кое о нем догадываюсь, кое-что предполагаю, но мало материала, чтоб сделать верный вывод.

– Так что же приключилось с Порком? – хитро прищурился Конан.

– Коротко говоря, потому что говорить длинно нет никакой охоты, с ним случилось то, что не произошло бы ни с одним киммерийцем, сколько бы мужества он ни потерял. Так?

– Можно и так сказать... – подумав, согласился варвар. – А точнее?

– Точнее ты мне сам расскажешь... И вот что. Пойдем-ка, брат Конан, достанем из погреба холодное вино. Пора уже...

* * *

«Ничего, – решил тогда Конан, заподозрив, что от него что-то скрывают, – я у вас выведаю, что мне надо. Сейчас или позже».

– Это ваше родовое гнездо? – киммериец продолжил расспрашивать своих новых знакомых.

– Да, пришлый человек Конан. Но, как ты видишь, от нашего Гнезда остались лишь я да дочь. Еще два круга солнца назад нас было больше двух дюжин... (Апрея уже не плакала, но в глазах стояли слезы.) Но наше Гнездо нашли люди из Серого Гнезда. Они стали нападать на нас, хотели отвоевать наши дома, наши ножи, наши охотничьи уголья. Мы решили – погибнем все, но не уйдем, не уступим наш дом врагам. Сейчас нас всего двое, и мы будем биться вдвоем. Только после нашей смерти враг войдет в эти дома.

– А как далеко вам доводилось отходить от вашего гнезда? – спросил Конан.

– Очень далеко. На несколько десятков дальностей полета стрелы.

– И везде то же самое? Деревья и деревья?

– Таков весь мир, который взывает к милости Азарха.

– М-да... А с людьми из других гнезд, не из этого Серого, вы...

Папаша Меркар резко вскинул руку с раскрытой ладонью. Конан тотчас умолк. Отец и дочь застыли, обратившись в слух. Киммериец тоже вслушался, и ему показалось, что он уловил далекий птичий грай.

– Идут. – Меркар с ловкостью, которой киммериец от него не ожидал, забрался в дупло и вновь появился на ветвях – уже вооруженным.

Маленький лук и точно такой же, как у дочери, колчан с короткими стрелами за спиной. Нож на его поясе висел и раньше.

Когда Апрея обмолвилась, что враги из Серого гнезда намеревались отвоевать наряду с домами и ножи, Конан смекнул – металл в их древесном мире должен цениться так же, как золото в мире, из которого выбросил киммерийца Бел. Видимо, за плевый короткий клинок можно выменять немало здешних ценностей. А уж про меч и говорить нечего. Какие здесь могут быть ценности помимо металла?..

– Что думаете делать? – спросил Конан у Апреи.

– Биться, – ответила лесная лучница.

– А если это не враги?

– У нас нет неврагов.

На это Конану ответить было нечего.

– Уходи, пришлый человек Конан, – пробуя натяг тетивы, сказал ему папаша Меркар. – Тебе лучше переждать бой вдали от Гнезда.

– Я остаюсь с вами, – объявил киммериец.

– Ладно, – Меркар воспринял известие спокойно. – Хочешь, я дам тебе лук?

– Не нужно. Мне есть чем занять руки. Моим мечом.

Меркар с сомнением покачал головой.

– Он слишком длинный. Впрочем, дело твое.

– Где и как вы собираетесь принимать бой?

– Здесь. Передвигаясь вверх и вниз вдоль Гнезда. Укрываясь в домах, там же пополняя запас стрел.

Теперь пришла пора Конану покачать головой.

– Не уверен, что это самая разумная тактика. Правильно я определил, что идут с той стороны?

– Да.

– И они еще далеко?

– Пока не близко.

– Тогда пойду, встречу их на подходе. Глядишь, малость прорежу вражеские полчища...

* * *

– ...На деревьях, Симур, драться мне до того не приходилось. Как-то

уж так вышло... Обычно на деревьях я или прятался, или ночевал, или пользовался ими как лестницей, чтобы перемахнуть через ограду.

А тут – весь бой вести на ветках от начала до конца! Не слезая! Причем с людьми, для которых чаща эта – дом родной. Но я прикинул, что торчать возле ствола с дуплами вместе с папашей Меркаром и его дочкой – верная погибель. Окружат – и поминай как звали. Ну ничего, думаю, поглядим еще, чья возьмет. Любители легкой поживы из гнезд этих серых ведь не знают, что им навстречу движется варвар из Киммерии.

Нескольким штукам я выучился еще в детстве, в Киммерийских горах, когда меня наставляли не отчаиваться, оставшись без оружия, а находить выход при помощи того, что под рукой. Другие штуки я позаимствовал у дикарей, о встречах с которыми мне вообще не хочется вспоминать... Короче говоря, пользуясь запасом времени, я кое-что подстроил этим серым парням.

Чтоб было удобней подстраивать, я забрал ножик у Апреи. Нехотя, после раздумья, но она отдала его, одну из главных, если не главную ценность в их древесной жизни. Поверила.

Потрудился я на славу. Работал споро. Нашуметь я не особенно боялся. Даже наоборот – шум был мне как бы на руку. Если человек шумит, значит, ни сном ни духом не ведает, что к нему подкрадываются. И враги, несомненно, пойдут на звуки, то есть на меня, – чего я и добивался.

Что они уже рядом, я понял по истошному крику, раздавшемуся справа. Крик тот вышел таким, каким я и ждал. Не крик радости, удивления или предупреждения. А крик боли. Значит, один вляпался – и известно во что. Он ухватился клешней за лиану, натянутую как тетива, и сорвал с места сук. Сук (здоровенный, надо сказать, да ведь и Конан из Киммерии не слабак) я отвел до упора, вот он-то и шибанул со всего размаха неизвестного серого гнездовика. Судя по тому, что крик не смолкал, ветка не просто хлестнула лазутчика, а угодила в него одним из заточенных мною сучков.

Тут и слева раздался треск, а следом вопль. Тоже не приходится гадать, в чем дело – подрубленный мечом сук рухнул вниз вместе со ступившим на него человеком. И, похоже, человек не просто свалился, а угодил в путаницу лиан, перемазанных смолой, где он должен сполна ощутить, каково приходится мухе в паутине.

Я не стал ждать, когда сработают остальные ловушки: можно было прождать до второго пришествия этого ихнего Азарха. Сперва я двинулся туда, откуда прилетел первый крик. Крик уже затих, вернее, перешел в

стон.

Человек, что стонал, был не жилец. Он лежал на суку, обхватив его руками и ногами, рубаха на левом боку пропиталась кровью, кровь стекала на нижнюю ветку частыми густыми каплями. Следовало облегчить его мучения точным ударом ножа. Заняло бы мгновение, но это мгновение я тратить не стал. А ну потом как раз его не хватит самому.

Я нащупал ножны на поясе умирающего, выдернул из них нож, сунул его в зубы – руки-то нужны свободными – и, быстро перебирая ветки и лианы, устремился к следующему серому лазутчику, влипнувшему в мою ловушку.

Конечно, Бел ограбил меня изрядно, однако ж не все умыкнул этот бог прохвостов, который и сам первейший прохвост. К примеру, оставил нетронутой быстроту отклика тела на неожиданности...

– ...Реакцию, – пробормотал себе под нос Симур. Они в тот момент как раз двигались по дорожке, соединяющей тенистый сад и винный погреб. Словно опомнившись, философ поспешно добавил: – Ну, продолжай, продолжай, Конан...

– ...что и пригодилось как нельзя кстати, – за сегодняшний день киммериец прекрасно научился продолжать ровно с того места, на котором его прервали. – Стоило раздаться шороху, как я уже отпрыгивал на соседнюю ветку, перемещая нож в ладонь. И только ноги коснулись ветви, я метнул клинок.

Там, где до прыжка находились мои ступни, вонзилась в дерево стрела и мелко дрожал ее оперенный серыми перьями кончик. А там, откуда прилетел шорох, затрещали сучья, из путаницы ветвей вывалился с моим ножом в груди лохматый человечек и, не проронив ни звука, обрушился вниз.

Нож у древесных жителей, к которым я нынче невольно присоединился, великая драгоценность, нет спору, потому неплохо было бы слазать вниз и выдернуть клинок из убитого, да вот времени на то не отыскивалось, если я хотел защитить папашу Меркара с дочкой от врагов. А я хотел.

Ножны с мечом как назло зацепились за сучок. Когда возился с ними, услышал справа и довольно близко удивленный вскрик, шорох с треском и после протяжный стон. Ага! Я понял, что случилось. Некий серый гнездовик, чьи уши развернулись на непонятные и подозрительные звуки, поспешил в ту сторону, на подмогу или даже на выручку. Поспешив, он схватился рукой за лиану, за удобную такую лиану, в которую так и тянет вцепиться, потому что рядом почему-то нет других лиан, будто их

повырубил кто. Схватился – и вдруг эта лиана подбросила его вверх, в гущобу мелких сучков, опуталась вокруг руки. Он повис и, вероятно, вывернул или растянул запястье. Зато другая грабля у него оставалась свободной, да и нож наверняка за поясом имелся, поэтому он без труда мог перерезать лиану и освободиться. Этого-то ему я и не собирался позволить.

В два счета я добрался до нужного места. У меня уже наработалась сноровка в ползание по деревьям, только я надеялся, что она мне надолго не понадобится и остаток жизни я все-таки прохожу как человек, по твердой земле.

Поспел я вовремя. Человек мальчишеского роста и телосложения, но с косматой черной бородой, вращаясь меж ветвей на зеленой нитке стебля, поднес к лиане нож и чиркнул по ней, видать, хорошо отточенным лезвием. Чиркнул еще раз, перерезал лиану и – упал прямо в подставленные мною руки.

Любезничать с ним я не стал. Выкрутил ручонку (с виду хилую, но оказавшуюся крепкой), запихнул себе за пояс выпавший из ладони нож, ухватил красавца за грязную нечесаную гриву и свесил вниз. Сам я для устойчивости уселся на ветку. Легко удерживая пленничка... весу-то в нем, тьфу, пятерых таких бы удержал, сам видишь, Сатурн, чем-чем, а силушкой меня не обделили папаша с мамашей, вкупе с Кроном и прочими силами небесными. Помню, как-то раз на спор сотню шагов проволоки на плечах взрослого гиперборейского быка... Молодой тогда был, глупый, поддавался на всякие подначки, дескать, а слаба тебе, Конан, быка поднять и протащить. А я от такого приходил в бешенство и давай таскать, что говорят. Однако ты ж, гляди, не надорвался, здоровехонек и по сей день... Так вот значит, держу этого бородатого мальчика и спрашиваю:

– Ну, бог древесной красоты, жить хочешь? Тогда скажи, сколько вас всего прискакало в наши края?

А этот недомерок в ответ шипит, плюется и нехорошо так ругается:

– Грязь на корнях, вонючий перекормыш, тупой низовик, помет улиточной жабы, выкидыш белки-летуна, гриб-лобоносик...

Я уж и нож к горлу приставил, а он все свое, правду говорить никак не желает. Времени на увещевания у меня не имелось, с новым лесным другом следовало проститься. Без нужды резать людей я не люблю, потому ограничился тем, что стукнул кулаком по его упрямой черепухе. Тюкнул не со всей мочи, чтоб насмерть не пришибить, но достаточно

весомо, чтоб обеспечить ему долгий беспробудный сон. Короче говоря, сегодня не быть ему больше воякой. Оставил я моего бородатого приятеля подвешенным за кожаный пояс на прочном суке. Хотя за свою грязную брань, обращенную на гордого сына Киммерии, он, конечно, заслуживал лютой смерти. Быть может, напрасно я его тогда пощадил. Но ход времен не обратит вспять, не вернуться в реку, в которую раз ступил...

– Почему ж? Можно и вспять обратит, – Симур вытащил из кармана длинный ключ, со второй попытки вогнал его в замочную скважину и открыл хорошо смазанную дверь погреба. Они перешагнули зашарканный порог. Приятно обдало холодком, под ногами зашуршали песчинки, обнадеживающе темнели ряды толстобрюхих дубовых бочек. – Но о возвращении в реки мы после переговоров. Так что же дальше? Ты говори, говори, я сам управлюсь с делом...

– В общем, поспешил я к обителицу Меркара и Апреи, где они остались дожидаться незваных гостей. Ну, думаю, теперь эти гости должны отступить, напугавшись непонятного, а то и вовсе убраться восвояси. Короче, я почти уверился, что папаше с дочкой ничего больше не угрожает. Как вдруг услышал крики. Два, один за другим. Первый походил на боевой клич, второй – на предсмертный выкрик. Потом донесся треск сучьев, свист тетивы, невнятные возгласы. Что-то там у них происходило. Следовало поторопиться.

Хоть и обзывали меня перекоормышем, но я тоже способен, даже двигаясь быстро, подкрасться не шумнув. Зря я, что ли, промышлял воровством и промышлял успешно.

Да, видать, часть этих оборванцев верхом прошли. Или низом. Обошли, короче.

Я подобрался к самому гнезду папашы Меркара, осторожно выглянул из зарослей. И увидел...

Папаша Меркар свешивался из дупла, в его спине торчало две стрелы, а из перерезанного горла вытекала кровь. Чуть ниже возле еще одного дупла Апрея билась с двумя такими же бородатыми, как мой давешний знакомец, лесными разбойниками. Девушка из последних сил удерживала за перехваченное запястье руку одного – острие ножа дрожало перед лицом лесной лучницы. Вдобавок каким-то невообразимым образом Апрее удавалось уворачиваться от второго бородача. Тот пытался достать девушку ножом из-за спины своего сородича, по-другому он не мог, ветвь узка, не обойти. И это пока спасало Апрею, однако долго ей не вытянуть. Если один не продавит, другой дотянется. И, словно бог несчастий

услышал мои мысли: второму бородачу удался резкий и точный выпад.

Я даже не поверил своим глазам, когда лезвие, которому, казалось бы, не суждено промахнуться, вжикнуло рядом с девушкой, воткнулось в дерево, уйдя в него чуть ли не по рукоять. То как Априя удалось уклониться, развернув вместе с собою того бородача, с которым боролась, – можно назвать чудом. Хотя, с другой стороны, может и не чудо никакое, а просто жизнь на деревьях приучает к ловкости и изворотливости.

Однако увернуться-то Априя увернулась, а вот равновесие потеряла, ее повело назад. Чем тут же воспользовался первый бородач. Он не стал вырывать руку с ножом, ударил коленом, попал девушке по бедру и всадил локоть свободной от ножа руки лесной лучнице под подбородок. Голова Априи откинулась, девушка ушиблась затылком о ствол и потеряла сознание.

Оба бородатых героя издали победный клич, вскидывая руки. Чего ж им было не радоваться! Теперь гнездо со всем имуществом и прилегающие к гнезду охотничьи угодья переходят в их безраздельное владение. Да и лучница теперь в их полной власти. Хочешь убей, а хочешь... Но они явно намеревались убить. Первый бородач склонился над девушкой, ухватив за волосы, отвел ее голову назад, занес нож...

Раздумывать не приходилось. Если до того я не успевал вмешаться и мог лишь таращиться на происходящее, то уж теперь, какое бы проклятье надо мной ни висело, спокойно наблюдать, как будут резать девушку, словно жертвенного барана, не мог.

Выскочив из укрытия, я метнул два ножа один за другим: нож Априи вошел первому бородачу под лопатку, и разбойник из Серого гнезда полетел вниз пересчитывать сучки, а нож, который я отнял у проходимца, попавшегося в мою петлю из лианы, угодил второму бородачу в голову, но угодил всего лишь рукоятью. Однако смерть сородича напугала второго бородача и тот, прыгнув на соседнюю ветку, поспешно скрылся в зарослях.

Можешь мне сказать, Сатурн: что ж ты, парень, с детских соплей обучался управляться со всяким разным оружием, а не освоил толком такой простой вещи как метание ножей. Так я тебе разъясню. Не каждый нож равно пригоден к метанию. Тут все зависит от веса рукояти и веса клинка. Возьмем, к примеру, охотничий киммерийский нож с рукоятью из кости снежного медведя...

– Постой, постой! Я не собирался ни в чем тебя упрекать. Попал рукоятью, а не острием, с кем не бывает! Ну-ка, подставляй кружку.

Конана не пришлось просить два раза, и в подставленную киммерийцем глиняную кружку из кувшина, с которым Сатур прошествовал от бочек к варвару, потекла янтарная струя белого шемского вина.

– Нет, ты не понимаешь, – вернулся Конан вместе с первым глотком холодного напитка к недоговоренной теме. – Для воина любой промах, как для тебя, ну скажем... э-э...

– Любовная неудача, – подсказал Сатур.

– Вот-вот.

– Но и к любовным неудачам следует подходить философски, мой киммерийский друг, то есть не рвать на себе волосы, не топиться горе в винном океане, не бежать к шарлатанам за сомнительными зельями. Надо просто-напросто спокойно поразмыслить над причинами и внести поправки. Может быть, в следующий раз следует выпить чуть меньше вина накануне приятственных утех или как следует выспаться, или наконец понять, что тебе нравятся не пышные блондинки, а худые брюнетки. Однако мы отвлеклись.

Покидать погреб, выходить в еще горячий, еще неостывший воздух как-то не тянуло. Им прекрасно сиделось на низких табуретах, между которыми на песке пристроился кувшин со свеженалитым вином. До кувшина одинаково легко мог дотянуться любой из собеседников. Сейчас потянулся Сатур.

– Так что там случилось дальше?

И Конан рассказал, что случилось дальше.

Глава третья

Варвар подхватил обмякшую Апрею. И понял, что еще ничего не закончено. Потому что там, куда нырнул второй бородач, зашуршали ветви, и из них высунулся наконечник стрелы. И чтоб не получить стрелу в бок, Конану ничего другого не оставалось, как спрыгнуть со своей легкой и красивой ношей на нижнюю ветвь.

Если у киммерийца и появилась сноровка в ползание по деревьям, то ее явно не доставало, чтобы прилипнуть ступнями к каждой из веток. Удержаться на новом суке Конан не сумел. Он почувствовал, что теряет равновесие, что его собственная тяжесть, приумноженная весом лесной девушки, увлекает вниз, он лишь сумел выбрать взглядом подходящую ветвь и оттолкнуться.

И скакать бы ему и дальше по «деревянным ступеням», пока б не загремел вниз головой, но на следующей ветви Конан сумел перехватить девушку и теперь удерживал ее одной рукой. Вторая рука освободилась, ею киммериец вцепился в лиану.

Однако даже короткой передышки не получалось. Наверху раздался всколыхнувшийся, казалось, весь лес призывный клич. Бородатый охотник за чужим добром сзывал своих сородичей. И на этот клич мог откликнуться, по крайней мере, еще один выходец из Серого гнезда, тот самый, под которым сломался сук и он угодил в путаницу из перемазанных смолой лиан. Его Конан не успел вывести из боя ножом, мечом или кулаком, и тот уже вполне мог выбраться из липкой паутины.

Однако и одного преследователя могло оказаться довольно. А один-то уж точно пустился в погоню. Как только смолк сигнальный вопль, Конан расслышал приближающийся шелест ветвей и шлепки босых ног по мшистой коре. В отличие от киммерийца, у бородатого разбойничка имелся лук и не имелось на руках еще одной человеческой жизни.

Так что и нечего думать состязаться в прятках и стрельбе. А что же делать? Оставалось одно – спасаться. А спасение можно отыскать лишь на нижних ветвях. Быть может, близость Нижнего мира с его славой и его Варрахами испугает погоню. К тому же, там внизу есть возможность затаиться, укрыться среди ветвей, в надежде, что в полутьме их не найдут.

Завершив раздумья, Конан крепче обхватил бесчувственную Апрею и продолжил спуск. Когда одна рука свободна, по деревьям ползать все-таки можно, – конечно, кое-как ползать, конечно, не так быстро, как

хотелось бы. Лишь бы не промахнуться ногой, лишь бы не поскользнуться или не схватиться за сухую или надорванную лиану.

И киммериец сосредоточился как раз на этом. Потому что сверзись он с какой-нибудь ветки, тогда, если не переломает себе кости, то наверняка превратится в легкую добычу для бородатых охотников, к тому же погубит вместе с собой и лесную лучницу.

На царапины, оставляемые сучьями и какими-то внезапными колючками, обращать внимания не приходилось, равно как и на звуки погони. Конан не оглядывался и вообще перестал думать о преследователях. Чего о них думать, догонят так догонят! Однако те сами напомнили о себе. Наугад и наудачу пущенная стрела чуть было свою удачу не отыскала. Стрела прошла в локте от варвара и унеслась в листву.

– Нергалова жизнь... – вырвалось у киммерийца.

Стрела подстегнула бег Конана по ветвям. Значит, погоня рядом и нет смысла слишком осторожничать. Наоборот, придется отчаянно рисковать.

И Конан понесся. Захватывало дух, каждый миг он ждал, что вот-вот все закрутится-завертится в глазах, он закувыркается в зелено-коричневой мешанине, получая твердым по ребрам и голове, захлестываемый шелестом и хрустом. Он уже выбирал дорогу, если так можно назвать ненадежную округлую и осклизлую опору, не глазами, а чутьем, полагался на крепость и гибкость мышц, на цепкость пальцев. Да и на воровской опыт полагался Конан – не раз приходилась стремглав удирать от городской стражи с добычей за плечами, и тоже нельзя было спотыкаться, падать, останавливаться...

Ну наконец-то!

Наконец показалась трава. Вцепившись в лиану, Конан задержал себя на одной из нижних, самых нижних ветвей. Полумрак, гниловатый запах, острые верхушки стеблей. Вслушался. Преследователь (или преследователи) не думал пугаться близости Нижнего мира. Шорох, производимый погоней, надвигался, катился вниз, не ведая сомнений и испуга.

Затаиться в надежде, что не найдут? А если слух у них кошачий и расслышат дыхание, не говоря уже о неосторожном шевелении? Да и как тут не шелохнуться, скрючившись в неудобной позе на скользких, округлых, узких ветвях! И Апрея может в любой момент очнуться, вздохом или стоном невольно выдаст их обоим. Что остается? В траву. Только туда. Куда ж еще? Что точно напугает преследователей, так это их таинственный и страшный Нижний дом. Более не колеблясь, Конан начал спускаться по ветвям, которые со всех сторон окружали сочные стебли густой травы.

– Плесни-ка мне, Симур!

– Томишь? Выдерживаешь мой интерес – как вино, чтобы поднять градус своему рассказу?

– Ну, так ты уж, поди, догадался с твоей-то догадливостью, что почему? Что за Нижний мир нас ждал ?

– Представь себе, нет. Я додумался лишь о том, что случилось с Парком, братом Апреи.

– Как ты сказал – «случилось то, что не случилось бы ни с одним киммерийцем, сколько бы мужества он ни лишился».

– Да, я полагаю, ни один киммериец не бросил бы свою сестру и отца на произвол судьбы, вбив в голову, что приносит себя в жертву и эта жертва умилюстит богов и боги спасут погибающее родовое гнездо.

– Как ты догадался?

Симур отхлебнул из кружки и воспроизвел ход своих мыслей:

– Во-первых, обстоятельства исчезновения Порка. Как ты помнишь, рядом с ним находилась сестра. У человека в пропитанных опасностью местах обостренны все органы чувств. Особенно слух. В данном случае, нисколько не сомневаюсь, слух Апреи был на пределе. Любой подозрительный звук насторожил бы Апрею, заставил бы оглянуться на брата. Однако ничего подобного не случилось. Врат словно бы испарился. Но предположим, что испарился, колдовство там, ловкие бесшумные чудовища, все такое прочее... Теперь – во-вторых. Не сомневаюсь, что Порк спускался на пограничный уровень и без Апреи. Однако исчез он, когда опустился в те края вместе с сестрой. О чем это говорит? Я думаю о том, что брат поступил так обдуманно, чтобы не осталось сомнений, что именно произошло с ним, чтоб не гадали, куда он подевался, не искали бы его впустую по чужим гнездам. Есть еще и в-третьих. Брата Апреи считали перекормышем. Он не мог не переживать свою... э-э как бы поточнее сказать... неполноценность, ненормальность. Его должно было мучить, что на него уходит больше еды, что он урод – по их древесным меркам. Эти душевные страдания навели на его разум тень, подтолкнули к уходу из Верхнего дома в Нижний. Подобное именуется в трактатах, описывающих закоулки души, затмением человеческого рассудка, то есть

человека всецело захлестывает какая-нибудь идея, как аркан ловца петлей обвивает шею животного, и душит до тех пор, пока человек не поддается велениям этой идеи. Понимаешь?

Хитро прищурившись, Конан поставил кружку на песок и ответил вопросом на вопрос:

– И ты уверен, что прав, Сатур?

– Конечно, прав, – размашисто кивнул собеседник варвара.

– А что если мне, оказавшись в Нижнем мире, удалось раскрыть истинную причину исчезновения Порка, и она иная?

– А ты раскрыл ее?

– Всею свое время, Сатур.

– Тогда подождем. Но мне, Конан из Киммерии, не терпится поскорее узнать, что же из себя представлял этот самый Нижний мир или, по-другому, Нижний дом.

Как следует промочив горло, Конан мысленно вернулся в Нижний мир...

* * *

...Не было никакой высокой травы. Там, где они очутились, трава пробивалась сквозь камни и значительно уступала высотой и сочностью траве, дотягивавшейся до нижних ветвей древесного мира.

В пяти шагах от них бил родник и наполнял неглубокую ямку среди камней чистой ключевой водой. Конан поднес Апрею к роднику, положил на землю. Зачерпывая горстями воду, выливал ее на лицо девушки. Помогло. Апрея очнулась.

– Где мы?

Конан ответил. Апрея не поверила. Да и где ж тут поверишь! Потому что увидела она такое, что никак не укладывалось в ее представление о Нижнем доме. Впрочем, и киммерийцу подобного видеть прежде не приходилось.

Каменистую поляну шириной в полполета стрелы стеной обступал со всех сторон лес. А в центре поляны стоял цилиндр: светло-коричневый, прозрачный, блестящий в солнечных лучах. Высотой с тот древесный мир, из которого вывалились варвар и девушка, высотой под облака. А в обхвате... Конан и Апрея обошли странное сооружение. В обхвате цилиндр

был невелик, обход его занял столько времени, сколько занял у Конана и Симура неспешный круг по внешней дорожке сада с фонтанами и павлинами. Конан и Апрея дотрагивались до поверхности цилиндра, проводили по нему ладонями. Их ладони и пальцы будто бы касались стекла, твердого и холодного. Сквозь светло-коричневые стенки просвечивали словно нарисованные изнутри листья, ветви, высокая трава, – все то, что окружало Конана и Апрею в так называемом Верхнем доме.

– Что это? – прошептала Апрея. В ее широко распахнутых изумлением глазах нарастал испуг. Она, сама того не замечая, вонзила ногти в мужское плечо. – Куда ты меня затащил, перекормыш?! Мерзавец! Убийца! Ненавижу! – Она вцепилась в куртку киммерийца. – Ты меня похитил! Ты, ты все подстроил! Ты убил отца!

Она замолотила кулачками по широкой груди варвара, продолжая кричать вовсе уж что-то нечленораздельное.

«Знаем эти дела», – вздохнул про себя Конан. С женской истерикой он, увы, сталкивался не впервые и знал несколько способов ее лечения. В этом месте и в это время следовало применить «мягкий» вариант. Варвар крепко, так, чтоб та не смогла пошевелиться, обхватил Апрею за плечи, прижал к себе. Лучница потрепыхалась, потрепыхалась, как пойманная птица в ладони, и наконец успокоилась.

Услышав всхлипы, он разжал «капкан». Апрея выскользнула, отвернувшись от Конана и, прикрыв ладонями глаза, опустилась на камень.

Плечи ее подрагивали, плач становился все громче.

Конан решил дать ей выплакаться. Только бы после рева она успокоилась и не пришлось бы начинать все сначала. В смысле – переходить к менее щадящим «лекарствам».

Сам он пока надумал осмотреться. Хотя что тут осматриваться! Лес, цилиндр, над головой небо с солнцем и облачками. Про лес, пока в него не зайдешь, ничего не скажешь. А цилиндр – штука явно колдовская, вот и пусть маги с волшебниками в нем разбираются...

* * *

– Я и теперь не понимаю, что это был за стеклянный столб с веточками и листочками внутри, и куда подевался весь древесный мир.

– Да? Ну, что ж, тогда попробую объяснить... – Сатур зажмурился,

как счастливый кот, сложил руки на животе. – Хоть и не просто будет. Да, друг мой Конан, велико многообразие сущего, и имя ему бесконечность.

Конан посмотрел на него с удивлением.

– Ты вроде бы к колдовству отношения не имеешь. Или я ошибаюсь?

– Колдовство – лишь частный случай многообразия возможностей, Конан.

Так, совсем непонятно, выразился Симур и вдруг резво поднялся с табурета. Подошел к полкам с кувшинами.

– погоди, где ж тут у меня... – Симур перебирал, заглядывая в каждый, пустые глиняные кувшины. – Вот!

Один кувшин оказался не пуст, из него Симур достал свиток, стряхнул паутину.

– Брал как-то с собой на утоление жажды. Думаю, сделаю глоточек вина и немножко почитаю афоризмы Гуслима Линпо «Верблюжья смелость». Скука невыносимая, поэтому записал в кувшин. А теперь смотри!

Симур, кряхтя, нагнулся, придавил кончик свитка к песку увесистой бронзовой ступкой. И принялся пялиться, разматывая афоризмы Гуслима Линпо. Конану мог со своего табурета любоваться строчками убористого почерка, всякими завитушками и даже небольшими картинками, изображавшими, главным образом, верблюдов. Симур вдруг остановился, дернул бумагу на себя. Свиток, выскочив из-под ступки, начал с шуршанием самостоятельно сворачиваться в трубку.

– Вот таким вот образом, – сказал Симур, скручивая бумагу со своей стороны. – А в некоторых книгохранилищах имеются свитки в несколько лиг длиной. В них вся мудрость мира, в некоторые книги уместилась история всей нашей цивилизации. Но сверни любую – и выходит рулон, который стоямя помещается в углу. И этот наш рулон занимает совсем мало места, войдет даже в самый узкий кувшин, а написано тут – месяц разбираться. Одних чернил ушла бочка. И писалось ни один год, судя по всему. Понимаешь?

– Нет, – помотал головой Конан.

Симур отправил свиток и дальше пылится в кувшине, хлебнул для большей разговорчивости и терпеливо продолжил объяснение.

– Многообразие миров бесконечно, Конан из Киммерии! Не обязательно, чтобы все они один на другой походили, как плотницкие гвозди. Я никогда не исключал для себя, что существуют и миры, похожие на свитки. И в них человек уподобляется строчкам на бумаге. Кем они созданы – богами ли, причудами ли мироздания – кто знает. Когда ты

находишься внутри такого мира и бродишь по его завиткам, тебе кажется, что мир огромен. И даже кажется, что бесконечен, потому что в конце концов ты ходишь по кругу. Пространство, свернутое в трубку... Понимаешь?

– Ну-у-у... как тебе сказать...

– Эхе-хе... Одним словом, тебе повезло – ты созерцал чудо из чудес, которому мало имеетя равного под солнцем.

– Но почему мы не могли вновь войти в тот стеклянный столб?

– Не уверен, что он стеклянный. Впрочем, неважно... – собеседник Конана устало потер переносицу. – Почему не войти, говоришь? Видимо, выход входом не служит, а вход не там, где выход. Это как жизнь и смерть. Вход в жизнь не там, где выход из нее.

Конан простучал по краю глиняной кружки походный киммерийский ритм, провел взглядом по стенам, словно именно там скрывались отгадки великих тайн, вернул взгляд многомудрому собеседнику.

– А Варрах живет внутри или снаружи? Симур пожал плечами.

– Да кто его знает, Варраха этого. Может быть, таким образом, то есть грозным шурианием травы,

проеци... отражаются внутри мирового рулона любые существа, подходящие к нему снаружи. Даже кролики. Их Варрахами и зовут.

– А царапины на суке как от когтей?

– Может, и не от когтей вовсе. Тебе что самому не удалось ничего выяснить на новых просторах?

– Там такое выяснилось... Ну, узнаешь после. А пока тебе скажу, что непонятности не сильно меня огорчили. Зато меня по-настоящему обрадовало, что не придется больше прыгать по веткам. Также обрадовала Априя, которая, проплакавшись, совершенно успокоилась. Теперь с ней можно было поговорить и про то, как нам быть дальше. Я снова рассказал ей, что произошло, начиная с того момента, когда она потеряла сознание. Вроде бы, на сей раз лучница поверила моим словам.

«Получается, это и есть Нижний дом?» – спросила она, когда я закончил.

«Получается».

«И что мы будем делать?»

«Другого не вижу, как искать людей. Где-то же живут люди, которые поставили сюда эту штуку».

«А если они давно умерли?»

«Тогда почему бы не жить другим...»

И окончательно убедил ее, сказав:

«Среди них мы можем отыскать твоего брата...»

* * *

...Они шли уже около часа. Шли по лесу, больше прочего напоминающему джунгли Черных королевств. Это сравнение приходило в голову Конану, знакомому с Черными королевствами. Апрея же подобный лес видела впервые. Она родилась и жила в мире, где росли лишь деревья-великаны и лианы. Поэтому, несмотря на подавленность, она находила место в душе для восхищения красотами и разнообразием растительной жизни.

Ни Конан, ни Апрея не знали, как называются эти деревья, похожие на скопления ежей. Или эти оранжевые цветы, что сгибались под их ногами. Ни один, ни второй ничего не могли сказать об отодвигаемых ветвях с тонкими, частыми листьями, кроме того, что они напоминали грудную клетку, а листья соседнего дерева – человеческую кисть. Им только удалось с уверенностью опознать в гибких и длинных растениях, обвивающих стволы и ветви, уже более чем знакомую лиану...

Двигались в наугад выбранном направлении. Им надо было найти большую воду. Люди чаще всего селятся возле большой воды: у реки, озера или моря. А в большую воду впадает малая вода: ручьи, речонки, протоки. Так что для начала – хотя бы малую воду отыскать...

Из-под ног суетливо разбегались, сердито шевеля усами, насекомые размерами и толщиной с большой палец руки. Разбегались под хруст сухих веток и стволов, некоторые из которых, стоило к ним прикоснуться, превращались в труху. Шелест и хруст сопровождали их путешествие.

С едой беды возникнуть не должно, это сделалось очевидным с первых шагов по джунглям. Еда шныряла, летала, высовывалась и буквально просилась быть пойманной.

Первый зверь встретился почти сразу после того, как они вошли в лес. Конан увидел, как мелькнул, скрываясь в шарообразной кроне, полосатый хвост, и даже успел разглядеть, что его обладатель размерами серьезно уступает своему придатку.

- Будем их жизнями набивать свой желудок,
- вдруг с непонятной грустью сказала Апрея.
- Их жизни спасут наши, – ответил ей Конан, придерживая ветвь,

чтобы та не хлестнула лучницу по лицу.

Снова Апрею с полным на то правом можно было именовать лесной лучницей. Зная по опыту, что оружия никогда не бывает много (из оружия у них остался только двуручный меч киммерийца, с которым охотиться на зверье не очень-то и удобно), Конан соорудил лук себе и Апрее. Срубил по пути две гибкие прочные ветви, нарезал тонких, волокнистых, похожих на засохший плющ, но редкостно прочных стеблей неизвестного растения – и простейшие луки готовы. Апрее киммериец сделал маленький, к какому она привыкла на деревьях.

– Только не надо мстить мне выстрелами в спину за то, что я тебя уволок в Нижний дом, – Конан погрозил пальцем своей невинной жертве.

– Я еще пригожусь.

Ну, просто шутками хотел поднять ей настроение.

Апрея привыкла в своем Верхнем доме не только к луку, но и к ветвям как к опоре для ног. Оттого и походка ее выглядела несколько смешной: передвигалась вразвалочку, на каждом шаге чуть приседала и по привычке сначала пробовала почву пальцами. Зато загрубелые ступни ее босых ног легко переносили неровности, колючки, острые сучья и камешки. Правда, от непривычки к хождению по земле Апрея быстро начала уставать.

– Ты не знаешь, можно ли лопать эти ягоды? Посмотри сюда, вот это – это и есть ягоды, маленькие да круглые. Бывают разного цвета. Бывают и ядовитые, поэтому пробовать все подряд не стоит. Эх, может, мы проходим мимо съедобнейших растений, ели бы и ели, но некому указать, рассказать. Вот бы такого знатока сюда третьим... Ага, впрочем, кое-что я узнал. Ягоды в скорлупе, которые зовутся орехами.

Конан сорвал один из небольших орешков, густо обсыпавших невысокое деревце, раздавил двумя пальцами, попробовал зеленоватую мякоть. Недозрелый, но есть можно. Дал попробовать Апрее. Та сморщилась, но не выплюнула.

– Встречается еда и повкуснее.

– Встречается, – согласился варвар. – Вино и шербет, к примеру. Вот бы повстречать куст, склонившийся под тяжестью кувшинов...

Конан набил орехами карманы штанов, и они продолжили путь.

Явно непуганая птица вышла из кустов, облепленных черными ягодами, и провожала поворотом головы шествие странных существ. А странные для нее существа, подкрепляющиеся на ходу ореховой мякотью, приступа голода пока не чувствовали. Пока никто из двуногих существ не подумал о птице как о еде. И та смогла вернуться в кусты, похоже, так и не осознав своего везения.

– А тебе, Апрея, идет обстановка Нижнего дома, – язык Конана не устал пока шевелиться. – Ты в ней неплохо смотришься среди буйной поросли. Кстати, вдруг мы единоличные правители огромного мира, а? А, Нергалий хвост в три оборота! – варвара по лицу полоснула шипастая ветвь, прочертила на щеке ссадину. Но это не помешало Конану закончить мысль: – А если кто-нибудь, например, ты, Апрея, захочешь безраздельной власти – пожалуйста. Образовывай свое королевство. И войрой с моим королевством. Королева Апрея Первая, солнцеподобная и ясноликая...

– Конан! Ты не можешь помолчать?! – вдруг выпалила Апрея.

Конан обернулся и пристально посмотрел в глаза своей подруге.

– Я подумал, что мои слова заменят походный марш... Ладно, как знаешь.

Киммериец надеялся отвлечь девушку своей болтовней не только от тягостных мыслей, но и от жажды, которая все больше и больше скребла по гортани.

Заросли стали реже, почва сделалась более каменистой, встречались валуны весьма приличных размеров, появились просветы, и за одним из них обнаружился ручей. Обнаружился настолько внезапно, что они остановились от неожиданности, какое-то время любовались открывшейся картиной, и только потом ринулись к струящейся по камням воде. Они не думали об угрозе, что может таиться в прозрачных и холодных струях (уж кому как не Конану знать про отравленные ручьи или про оазисы в пустыне, приманивающие путников ласковым журчанием и убивающие черным ядом) – слишком велика была жажда. Напившись, они поняли, что не меньше хотят ополоснуться. Апрея укрылась за поворотом ручья и небольшими зарослями кустов – впрочем, туда, возникни надобность, Конан легко мог домчаться за три-четыре удара сердца.

Омовение ледяной водой взбодрило их, настроение изменилось со скверного на приемлемое. Впрочем, у Конана с настроением и так было все в порядке. Не приходится скакать обезьяной по сучкам – как тут не радоваться.

– Жить здесь можно, – заявил он, располагаясь на нагретой солнцем гальке. – Что пить имеется, еда разгуливает, тепло. Не столь уж дурные места, я тебе скажу, встречали мы и похуже. Захотим поставить дом – лесу полно.

– А ты умеешь строить? – с ехидцей спросил Апрея. – Разве дома строятся не богами? Разве их не два всего, Верхний и Нижний?

С ее мокрых волос вода капала на камни. Конан не мог отвести взгляд от ее обнаженной груди, а если ему это и удавалось, то только, чтобы

перевести его на ее скрещенные ноги. Апрея, казалось, не замечала направленности его взглядов. А Конану на ум пришла такая мысль: «Если мне не суждено выбраться отсюда, и если нет здесь людей кроме нас двоих, то, по крайней мере, без красивой женщины я не останусь».

– В две головы сообразим как-нибудь, – отогнав несвоевременные мысли, ответил Конан. – Две головы – это и получается почти что бог.

Потом он поднялся и, ступая босыми ногами по камням, подошел к нависающим над ручьем зарослям. Из зеленой гущи вытянул, пригнув к самой земле, тонкий зеленый ствол без листьев.

– Ха, смотри-ка! Что это за дерево даже я знаю. Бамбук. Из него кхитайцы, ну ты про них не слыхала, строят хижины. Можем и мы, – Он отпустил ствол. – Пошли, что ли? Ручьи имеют обыкновение куда-то впадать. В реки, моря, озера. У озер и селятся обычно люди. У озера, наконец, легче начинать новую жизнь. Рыба опять же, это еда такая плавающая. Короче, идем по течению.

Апрея не возражала. Неспешно оделись, небыстро пошли. Что их торопило? По пути Конан продолжил развивать тему строительства:

– Одно нехорошо, беда у нас с инструментами. Даже ножа завалящего нет. И сделать не из чего...

– Конан, – чуть подотставшая Апрея догнала мужчину и взволнованно прошептала: – смотри!

Глава четвертая

Ее вытянутая рука указала, куда следует смотреть. Конан остановился и, заслонившись ладонью от солнца, взгляделся. И тоже увидел. В одном месте сплошная стена из стволов, ветвей и листьев была слово прорвана. Наклоненные и сломанные кусты, сбитая с ветвей листва, примятая трава. Неужели тропинка? Люди?

Конан перешагнул ручей и присел.

– Звериная тропа. Видишь, почва между камнями изрыта копытами. Здесь можно будет устраивать засаду. А пока двигаем дальше.

– Уже, между прочим, есть охота, – Апрея не в первый раз, пока они шли вдоль ручья, зачерпнула ладошкой воду и смочила лицо.

– Ты предлагаешь остаться здесь? Ждать зверя? Или что?

– Я предлагаю, подумать о еде.

Желудок Конана согласился с девушкой громким урчанием, однако варвар мысленно цыкнул на него и вслух высказал собственное мнение по поводу обеда:

– У меня остались орехи. Хочешь?

– Да.

– На, возьми. Но зверя караулить сейчас мы не будем. Во-первых, прождать его можно незнамо сколько, во-вторых, неизвестно кто здесь бродит и в каких количествах. Напороться на стадо разгневанных...э-э... к примеру, мечезубых лосей в первый же день охоты – не самое разумное. Пошли. Начнет вечереть, подстрелим какую-нибудь птаху, вроде той, что выползала из кустов. А до вечера я надеюсь выбраться в подходящие места. Или охота ночевать в лесу?

Конан тронулся в путь, Апрея, вздохнув, последовала за ним. Сколько оставалось до упомянутого вечера было неизвестно, но пока ничего не предвещало скорых сумерек. Темнее не становилось, и жара не убывала.

– Я предлагаю подумать об огне, – оглядываясь на ходу, говорил Конан. – Огонь придется добывать. Какие для то...

Конан, внезапно замолчав, шагнул в центр ручья, позволяя воде облизать его сапоги, нагнулся, что-то снял с одного из камней, чья серая спина выступала из ручья, выпрямился.

– Иди сюда! – позвал Конан. Позвал уже другим тоном.

Апрея увидела в его пальцах то, что ей сначала показалось...

– Длинный червь!

– Шнур, – и Конан протянул ей находку. – Как тебе это нравится?

Поперек узкой ладони девушки лег, свесившись с краев, коричневый веревочный обрывок. Априя приподняла один конец – шнур оканчивался узлом, переходящим в кисть. С другой стороны скрученные нити обрывались ровным срезом.

– Что это значит? – вырвалось у лесной лучницы. – Люди?

Она смотрела на Конана. Тот лишь пожал плечами в ответ.

– Возможно... Возможно – это значит, что в любой момент нам в спину может воткнуться отравленная стрела. А, возможно, и не воткнется...

Априя вернула находку Конану, который, сказав «пригодится», аккуратно обмотал ее вокруг запястья.

– Пошли, – сам Конан уже продолжал движение вдоль ручья. Он держался ближе к зарослям, где идти было легче, там галька смешивалась с землей. – Если ты не делала этого раньше, то делай сейчас – верти головой! Две вертящиеся головы лучше, чем одна. Теперь есть причина быть настороже...

До озера они не дошли. Может, и не было никакого озера. Зато была пущенная Конаном стрела, подбившая с десяти шагов птицу. Они вспугнули ее, та выпорхнула из зарослей и часто захлопала сильными крыльями над ручьем. В ручей она и упала, успев пронзительно вскрикнуть. Упала, разбивая хохлатую голову о камни и ломая о них крыло.

– Вот и пригодилась находка... – пробормотал Конан, приторачивая добычу коричневым шнуром к ножнам.

Да, они так ни до чего и не дошли, хоть отмахали немало. Все так же петлял в камнях ручей, не становившийся шире и полноводней, все так же тянулись слева и справа зеленые стены джунглей, ничем новым не удивляющие. И когда в воздухе стала проступать прохлада (а мышцы – те давно уже требовали отдыха), и когда они наткнулись на подходящее местечко, тогда они решили заночевать здесь. Подходящим местечко делали камни, отогнавшие джунгли подальше от ручья и образовавшие широкую площадку, сулившую большую безопасность от ночного леса. Гудели ноги, ломило спину. Хотелось упасть и отключиться, но падать пришлось бы на камни.

Немало времени ушло у них на то, чтобы натаскать веток и листьев для подстилки. Укрываться предстояло теми же ветвями. Получилась огромная гора зелени. Только тогда они успокоились, решив, что этого хватит, чтобы холод остывших камней ночью до них не добрался.

С приближением светила к горизонту, удлинением теней и уходом

жары в воздухе разгулялись мелкие и кусачие насекомые.

– Комары, – хлопнув себя по щеке и посмотрев на то, что осталось на ладони, сказала Апрея. Трудно было понять, изумляется она этому открытию или радуется. – Где их только нет...

Потом развели костер. В этом помогли многочисленные странствия Конана. Куда только не зашвыривало, из чего только не приходилось выпутываться и уж чему-чему, а добывать огонь трением дерева о дерево или выбиванием искр камня о камень он обучился. (На сей раз киммериец воспользовался камнями.)

– Апрея, а ты...

Конан замолчал – Апрея уже спала, повалившись на грудку веток, ей не хватало сил дободрствовать до ужина. Не хватило сил дожидаться огня.

А так ее закусают эти насекомые, которые не щадят ни женщин, ни киммерийских варваров. Надо прикрыть листвой. Конан огромными листьями укутал лесную лучницу, в один день лишившуюся дома, отца и всего привычного мира, и сложил над ней из веток некое подобие шалаша.

И только потом вернулся к огню. От снопов искр, высекаемых ударами камня об камень, занялся пучок сухой травы. Дуя на траву, Конан заставил ее загореться. А от загоревшейся травы ничего не стоило зажечь приготовленные заранее сухие листья, стебли и затем ветки. Конан, довольный собой, замурлыкал под нос негрустную песню и взялся за птицу...

...В той части неизвестного мира, где они устроились на ночлег, полноценно утвердилась ночь с ее непроглядной мглой, джунгли ожили устрашающими звуками: ревом, завываниями, клекотом, треском ветвей. И костер был, наверное, единственным светящимся пятном на земле. На небе же свет излучали звезды, и два молочно-белых шара, похожих на луну, нависали над землей. Два шара: ближний и дальний, небольшой и еще меньше, тусклый и еще тусклее.

Птица, выпотрошенная и ошипанная Конаном, жарилась над углями вечернего костра. Уже целую вечность жарилась – так казалось Конану. Наверное, уже скоро. Будить или не будить Аккину, чтобы вместе насладиться несоленой дичью?

Голова делалась все тяжелей. Не без усилий Конан смотрел на тлеющие угли, которые шипели от капающего на них жира, и словно бы из красного переливающегося света наплывали картины бурных событий последних дней, а в них причудливо вплетались воспоминание о детских годах в Киммерии и самые усладительные картины многочисленных странствий: битвы и женщины, кавалерийские рубки под перепляс копыт и

под сабельный звон, ласки синеоких и крутобедрых прелестниц под сводами узорчатых шатров, набег на караваны, гладиаторские схватки на аренах, белокурые и страстные северянки, смешливые чернокожие женщины, загадочные и умелые кхитайки... И Конан, погружаясь все глубже в туман дремы, отказывался верить, что существует какой-то Бел со своим посохом, слепцы со своими богами, деревья и их обитатели, Конан отказывался верить, что все происшедшее произошло с ним. Нет, это было с кем-то другим, героем из легенд, а Конан-варвар просто заслушался затянувшейся историей сладкопевного сказителя. Вот новый напев сменил предыдущий, в котором ночная тьма превращается в движущиеся тени. И эти тени обступают Конана. Конан падает на спину, выхватывая из лежащих рядом ножен неизменный двуручный меч, но мелькает что-то неуловимое, издающие свист, и оружие падает на камни, так и не поднятое.

Все это Конан видит, уже чувствуя на себе чужое прикосновение. И его валит лицом на камни. Его руки выворачиваются за спину, сводятся вместе...

– Кром вас побери! – вырывается у Конана, и тут же макушку сотрясает от удара.

– Апрея! – это последнее, что успеваешь крикнуть киммериец...

...Жуткая, кинжалами проколовшая череп боль заставила его открыть глаза. Он хотел обхватить голову руками, но руки не поднялись, словно кто-то держал их за спиной. Он ничего не мог понять.

А тут еще вокруг зазвучал смех. И ничего не видно. Лишь отдельные пятна света во всеобщей темноте. И говорят на насквозь незнакомом языке...

Внезапно его затылок получил чувствительную затрецину. И опять послышался смех.

– Ничего смешного не нахожу, – пробурчал Конан.

Впрочем затрецина сослужила хорошую службу. Конан сразу вспомнил, что ему чудилось накануне его короткого сна или, лучше сказать, окухания в забытьи, не принесшего ни отдыха, ни счастливого пробуждения.

– Что, вернулись за своим шнурком? – хмыкнул киммериец. И тут же последовал резкий, неприятный для слуха выкрик, совпавший со звонким шлепком. Это, конечно, опять шлепнули Конана по затылку. Предупредили.

«А где Апрея? – подумал Конан. – Может быть, ей повезло и ее не нашли под ветками?» Подумал, а в этот момент его рывком подняли с земли. Развернули...

И тогда его глазам, несколько свыкшимся с ночной мглой, удалось

разглядеть перед собой лицо одного из тех, кто напал на них. Ни бороды, ни усов, ни щетины, узкий разрез глаз, выбритый лоб, сжатые тонкие губы. Кхитайцы? Но откуда?!

Раздался громкий властный выкрик – одно слово, резкое и немелодичное...

И с этого слова начались самые тяжелые часы из проведенных Конаном в этом мире. Часы, что занял переход.

Апрею, разумеется, тоже нашли. Конан скоро смог в этом убедиться, когда двух пленников со связанными руками, связали дополнительно, веревкой между собой и погнали по ночному лесу. Впереди, сразу за дикарем, замыкающим дикарский авангард из трех человек, поставили Конана, за ним Апрею. За девушкой тянулась цепочкой вторая часть узкоглазых варваров.

– Осторожно под ноги! Корень! – предупреждал Апрею киммериец, который иногда видел препятствия в темноте, иногда распознавал их, натываясь, и пока у него получалось удержаться на ногах.

«Как Апрея, уставшая, непривычная к долгой ходьбе по земле, сможет выдержать этот переход – в темноте со связанными руками? И что с ней сделают варвары потом? Что они с ней сделают, если лучница упадет и не сможет подняться? Развяжут ли ему руки, дадут ли ему нести девушку?» – невеселые (а откуда взяться веселым!) мысли тряслись в голове под ночную ходьбу.

И тут Конан поймал себя на том, что почти ничего не знает о своей спутнице. Кроме того, что Апрея очень стойко для женщины держит удары судьбы... И больше ничего...

Конан споткнулся на невидимой в темноте неровности и упал, больно стукнувшись коленом и чуть не сбив с ног свою подругу по плену. Раздались гневные выкрики дикарей, среди которых Конан разобрал не раз повторенное слово «гэйдзин». Наверное, какое-нибудь местное ругательство, подумал Конан, поднимаясь.

И были еще падения, были удары ногами под ребра, заставляющие подняться, Конан не раз склонялся над лесной лучницей:

– Поднимайся, Апрея, это тупые и злобные дикари. Они могут и избавиться от обузы. Потерпи, подруга.

«Только бы никто из нас ничего не повредил», – как заклинание, иногда повторял про себя Конан. И вскоре все его мысли представляли собой нехитрый и обычно несвойственный Конану набор заклинаний: «только бы не упасть», «только бы хватило сил», «скорее бы это кончилось», «дойти бы».

Они незаметно, но постоянно забирали вверх. Джунгли редели и, наконец, остались позади. Они вышли на открытое пространство, где неожиданно дикари остановились, стали один за другим опускаться на землю и позволили сесть пленникам. Сев, оба пленника рухнули на землю и забылись сном.

Утро открыло им глаза. Не благодаря взошедшему светилу, а благодаря ударам ног в живот. Утро открыло глаза на многое, что скрывала ночь. На то, например, что захвативших их дикарей было семеро. На то, что это действительно были дикари, судя по их вооружению: небольшие луки и колчаны со стрелами, мечи в ножнах, заткнутые за пояс, кинжалы. На то, что они невысоки ростом, только один из них был вровень Конану. На то, что они все казались на одно лицо, у всех были выбриты лбы, а сзади волосы заплетены в косичку. Их кожа имела чуть заметный желтоватый оттенок. Одеты они были в смешные наряды: широкие, похожие на юбку, черные штаны, и в куртку – не куртку, рубаху – не рубаху, во что-то просторное, запахивающееся, черного же цвета со свисающими на локтях рукавами. На ногах – короткие меховые сапоги, в которых, должно быть, легко ступать бесшумно, однако должны очень сильно потеть ноги в такие дни, какой был вчера и какой обещало сегодняшнее утро.

Прояснилась и судьба оружия. Ножны киммерийца болтались теперь за спиной одного из дикарей, их примитивные луки и стрелы дикари, судя по всему, взяли побрезговали.

Все проснулись, кого требовалось – разбудили, и продолжился переход, их погнали дальше, держа по-прежнему связанными. Хорошо, что стало светло и джунгли остались позади, хорошо, что двигались они теперь по утоптаным тропинкам холмистой местности. Зато теперь их заставляли бежать. Правда, небыстро, размеренно, но и это было тяжело. Особенно Апрее.

* * *

У Конана болело все. Ему казалось, что в пятки заколочены гвозди, что к ногам привязаны гири, в рот натолкали бумаги, а на теле не осталось живого места, не получившего бы удар или ушиб при падении. Веревки содрали кожу на запястьях и тоже причиняли боль. И опять дало себя знать проклятье Бела – как же, волновали бы раньше Конана такие пустяки!

Лес редел, деревья вокруг становились все тоньше, расстояние между ними – все больше, дневной свет разгорался ярче, вот уже и далекие холмы видны...

И еще кое в чем сказывалось проклятье бога воров: когда их гнали по джунглям, Конан иногда словом-другим подбадривал Апрею, а теперь у него не осталось сил даже на такие малости. Иногда оглядываясь назад, Конан видел, как тяжело лучнице. Хотя вроде бы ее походка выглядела более легкой, чем вчера, кажется, она начинала привыкать к земле.

Грязная Нергалова пасть, протухшие кишки ослов, слюна бешеного волка! С Конаном творились невообразимые вещи: становилось все хуже не только телу, но и душе. «Еще немного, – мерзкими склизкими змеями заползали под черепом подлые мысли, – и упаду, пускай делают, что хотят. Убьют, так убьют, вряд ли то, что ждет меня и всех нас впереди намного лучше смерти».

Неизвестно куда бы завели и на что подвигли бы Конана черные струи, затоплявшие его душу, но тут показалась конечная цель их перехода. До нее оставалось еще немало, но все-таки конец мучений стал теперь виден. И если сжать зубы, можно продержаться.

А увидели они, перевалив через вершину одного из холмов, раскинувшуюся внизу долину. По одну сторону долины чернели прямоугольники полей, а по другую за перелесками угадывались строения – верно, это и был тот поселок дикарей, куда их вели.

Теперь они бежали только вниз. И хотя тропа была утоптана и никакая мгла не мешала смотреть, куда ступает нога, но сами ноги уже не держали.

Наконец они спустились в долину и попали на широкую дорогу, лес остался позади, и теперь перед отрядом и вокруг него тянулись бескрайние поля. Дорогу дикари сработали неплохо – покрытием служил закатанный в глину мелкий камень. Стезя тянулась, как уже говорилось, вдоль полей, на которых трудно было не заметить фигуры в светлых одеждах и широких конусообразных шляпах. Когда их процессия проходила мимо (к облегчению пленников, они вновь перешли на шаг), работники выпрямлялись, вглядывались и тут же сгибались в поклоне. Пленители Конана и Апреи никак не отвечали на эти знаки приветствия.

Навстречу им попала повозка – раскрашенный деревянный короб, запряженный массивными рогатыми животными. Большие, зобатые, сонные, они степенно выбивали пыль из дороги. За повозкой следовало двое вооруженных людей верхом на лошадях.

– А чего ж и верхом на быках не ездить, – насмешничал Конан, и за разговорчики тут же от идущего сразу перед ним дикаря получил удар

ладонью по щеке.

Их сопровождающие остановились, пропуская шествие людей и животных. Конан засмотрелся на лошадей, невысоких, крепких, гривастых, на лошадей, которые напомнили ему горную киммерийскую породу, как вдруг могучий удар повалил его в дорожную пыль, чьи-то стальной хватки пальцы вцепились в его волосы и прижали лицо к дороге. В кожу лба вдавились выступающие из глины горбы и гребни камней. Его глаза увидели перед собой разбегающиеся по глине трещины.

«Узкоглазые уродцы, я вам сполна припомню радушное обхождение», – захлестнула Конана ярость, уже подзабывшаяся, которая захлестнула иссушающий душу страх. Он скосил глаза и увидел, что и захватившие их люди стоят на коленях, низко наклонив головы к земле. «Это, конечно, ваше свинячье дело, кому поклоны бить. А меня, парни, не стоило впутывать в ваши обычаи, не люблю склоняться не пойми перед кем».

Чужая рука отпустила волосы Конана, он понял, что можно подниматься. Лесная девушка Апрея тоже отряхивала пыль с колен. Встретились с ним взглядом. И неожиданно улыбнулась, подмигнула Конану. А он вымученно улыбнулся ей.

Они продолжили путь. Впереди, отгораживая дорогу от полей, потянулись перелески. В тени толстоствольных, ветвистых деревьев с крупными, в ладонь листьями идти стало легче. Дошли до развилки. Свернули направо, а налево, вдали – успел рассмотреть Конан – показали себя крыши небольших приземистых домиков, хижин. Но их вели не к ним.

Куда их вели, стало ясно довольно скоро. Перелески закончились, они вышли на открытое пространство. И увидели дом. Высокую ограду из толстых древесных стволов с заостренным верхом и возвышающийся над ней дом. Если б их прогулка была увеселительной, Конан непременно остановился бы, чтобы полюбоваться необычным видом этого строения. Здание было высоким, сужающимся кверху. Каждый этаж опоясывали широкие, загнутые кверху карнизы, или как бы даже отдельные крыши, последний этаж напоминал башенку и его венчал деревянный резной шпиль.

Дорога уткнулась в ворота. Обитые по краям железом створки были сведены. На поперечной деревянной балке, укрепленной над боковыми стойками, были вырезаны и покрашены черной краской узоры, хитросплетение черточек и закорючек.

Один из дикарей (Конан не сейчас подметил, что этот, скорее всего, в их отряде за главного) громко прокричал что-то, направив крик за ограду, и рассмеялся. Его смех подхватили другие дикари. Вскоре воротные створки

разошлись к пленников ввели во двор.

Дорожки, проложенные по двору, были засыпаны речным песком. Там и тут, на первый взгляд беспорядочно, росли небольшие деревца, площадки под ними окружали камни.

Они приблизились к главному зданию, тому, что давно уже видели издали. Здание опиралось на высокое каменное основание, а главным его позволяли назвать прочие постройки по бокам и позади, здорово уступавшие в высоту и ширину.

Многие из построек соединялись и между собой и с основным зданием крытыми переходами.

Они остановились перед высоким крыльцом. Пленников вывели вперед и сразу вынудили опуститься на колени. Приведшие их дикари выстроились сзади.

– Ладно, подчинимся, – пробормотал Конан.

Глава пятая

Кого-то ждали. Кто-то, наверное, должен был выйти на это крыльцо. «Еще один вождь, вроде того, кому кланялись на дороге», – подумал киммериец. Но вождь не спешил, и у пленников было время на невеселые раздумья. Было время и осторожно повертеть головой. Блуждающий взгляд Конана упал на резьбу, украшающую перила крыльца и карнизы. И везде повторялось изображение одного и того же чешуйчатого зверя с длинным хвостом, украшенным гребнем, с распахнутой, изрыгающей огонь пастью, над которой извивались шнуры усов. Неужели у них здесь такое водится?

И вот, наконец, появился тот, кого ждали. Конану не сразу удалось рассмотреть вышедшего на крыльцо человека, потому что, как недавно на дороге, северянина, подойдя сзади, наклонили к самой земле. А когда отпустили после раздавшейся со стороны крыльца команды, киммериец смог поднять голову и посмотреть на человека, от которого, возможно, зависит их судьба. Человек этот (с длинными, свисающими до подбородка усами) уже спустился с крыльца и стоял в нескольких шагах от коленопреклоненных пленников. Вождь был немолод, если судить по Морщинистому лицу и по седине в волосах и усах. К нему направился дикарь, которого Конан считал главным в напавшей на них семерке. Подошел поклонился и протянул отнятый у киммерийца меч в потертых ножнах лошадиной кожи. Вождь принял трофей и внимательно в него взгляделся.

Дикарь, передавший оружие пленников, стал говорить, то показывая пальцем в сторону Конана и Апреи, то ударяя себя в грудь, то тыча в ножны. Нетрудно догадаться, что рассказ был посвящен охоте на пришельцев и их пленению. Вождь внимательно слушал, одобрительно кивая. И опять часто повторялось это, уже не раз слышанное Конаном слово «гэйдзин». «Уж не чужаков ли они так называют на своем кошачьем языке?»

Наконец рассказ окончился, рассказчик поклонился («Как много они кланяются, на каждом шагу, – подумал Конан, – так и шею недолго сломать...») и замолчал, видимо, ожидая распоряжений.

От человека, сошедшего с крыльца, кого Конан называл про себя вождем, исходило отчетливое ощущение властности. Он прошел мимо пленников, уткнув руки в бока, пристально вглядываясь в лица. Потом, на обратном пути столь же внимательно рассматривал одежду, качая головой.

И остановился перед киммерийцем. Взгляды повелителя и пленника скрестились. Вождь усмехнулся, взял Конана за подбородок жесткими пальцами и высоко вздернул.

– Желтомазая обезьяна... Тупое бревно... Я доберусь до тебя... – негромко проговорил варвар, попытавшись выдрать подбородок из захвата. Хотел и плюнуть в желтую харю, но сохранившегося после свидания с Белом мужества не хватило. Ни на что другое, кроме как выругаться вполголоса, у Конана не достало храбрости.

Хватка у дикаря была железная, пальцев он не разжал, а повернул голову пленника влево-вправо, с кривой ухмылкой произнес что-то, вызвавшее во дворе новый приступ смеха. Любит поржать желтомазое дикарь, почки Нергала им в узкие глаза...

И тут ярость захлестнула-таки киммерийца, грозя выплеснуться, как вода из переполненных ведер. По-настоящему разбуди в варваре свирепую ярость – и любое проклятье любого Бела не поможет тому, кто встал у киммерийца на пути.

Конан заехал вождю носком сапога в колено. Вернее, попробовал заехать. Вождь хоть был не молод, а увернулся вполне ловко. И не только увернулся, а еще ткнул киммерийца пальцем в шею.

Ослабли ноги, словно мышцы вдруг превратились в тряпки, а кости – в ивовые прутья. Конан осел на землю. И опять по толпе дикарей прокатился смех. Строптивного пленника не бросились бить и связывать ему ноги, – видимо, посчитали, что преподанного урока будет достаточно.

А вождь нахмурил чело. Никто не смел нарушать торжественную минуту – вождь думает. Конан за время предводительских размышлений поднялся с песка.

Наконец вождь вновь заговорил. Говорил недолго, при почтительном молчании подданных. Закончил короткую речь поднятием руки с растопыренной ладонью. Слово предводителя было встречено одобрительными кивками и, понятное дело, смехом. Конану пришло в голову, что этих дикарей, наверное, и собственная смерть тоже развеселит. А потом пленников куда-то поволокли. Довольно скоро стало ясно – куда...

* * *

...В Шадизаре на троне небесного правления утвердился вечер. О дневной жаре остались лишь воспоминания – так же, как и о слепящем солнечном свете. Но вечер еще не передал ночи свой скипетр. Хотя темнее уж не будет, не будет и прохладнее, однако до ночи еще далеко. Ночь заявит о себе большей тишиной на улицах, колотушками сторожей, криками ночного дозора, выступлением на небесное поле армии звезд под предводительством луны...

Они проговорили весь день и приговорили целое море вина. Однако если пить вино неспешно, давая между кубками легкому хмелю покинуть голову, то сильно пьян не будешь. Виноградное вино – это же не гирканская горькая настойка на полыни, которой осушишь две чаши подряд и отправляешь себя в долгое плутание по густому пьяному туману. Покинув погреб с неизрасходованными запасами, Конан и Сатур, нисколько по этому поводу не поспорив, направились в «Розовые льдинки».

На улицах Шадизара, по случаю всего лишь вечера и еще не окончившегося праздника гуляло довольно много народа. Отовсюду доносились песни, смех и женские визги. Какой-то уличный фокусник забавлял гуляющих, пуская огонь изо рта. Некий пузатый и богато разодетый купец безуспешно пытался взобраться на коня под хохот зевак. Забираться-то ему удавалось, но плохо получалось усидеть в седле.

Конан и Сатур надумали двигаться к «Розовым льдинкам» кружным путем, через Бронзовый квартал: и чтобы проветриться, и чтобы договорить, потому что в «Розовых льдинках», скорее всего, их сумеют отвлечь от разговоров, даже от самых увлекательных.

– Нас дотолкали до сарая, сооруженного из знакомого мне по кхитайским странствиям дерева, – возобновил киммериец свое повествование. – Из бамбука. Помнишь, я такое обнаружил на берегу ручья?

– Да помню! Как такое забудешь. Вообще-то, бамбук – это трава, Конан. И, кстати, мебель из бамбука продается у нас в Шадизаре. На улице святого Лого, у торговца экзотическими товарами Ича Гри.

– Какая же трава, Сатур. Скажешь тоже! – Конан снисходительно рассмеялся. – Бамбук большой, выше человеческого роста, и прочный, как коринфийский бук.

– Ладно... Какая, впрочем, разница, Конан из Киммерии, – почему-то устало проговорил Сатур. – Вернемся к тюрьме из бамбука, до которой вас дотолкали. Это же была тюрьма, а не трактир со всеми удобствами, правильно я понимаю?

– Да, правильно...

Бамбуковая тюрьма напоминала зверинец с идущими одна за другой клетками, вот разве что прутья были не из железа. В одну из тесных клеток впихнули Конана, в соседнюю – Апрею. Зашуршала под ногами солома, от той же соломы потянуло гнилью.

Дикари же, избавив себя от пленников, подошли к еще одной клетке, тоже соседствующей с узилищем киммерийца, и что-то со смехом довольно долго говорили в ее полумрак. Из полумрака никто не отзывался, да, судя по всему, дикари не очень-то и ждали ответа. Сказали, рассмеялись по своему обыкновению и отправились восвояси, горячо обсуждая, не иначе, события последнего дня. А возле клеток возобновил прогулку преисполненный важности сторож. За пояс у него был заткнут меч, в руках он вертел в руке какие-то палки, соединенные между собой цепочкой.

Стена, разделяющая клетку Конана и Апреи, была сооружена, понятное дело, из бамбуковых палок, между которыми имелись зазоры. Не великие зазоры, руки не просунешь, но пальцы пройдут.

– Апрея, – позвал Конан, – подойди к стене, поднеси руки.

Раздался тяжелый девичий вздох, зашуршала солома, приминаемая маленькими ступнями.

– Зачем ты утащил меня в Нижний дом, – донесся тихий и растерянный голос лесной лучницы. – Ты только продлил мучения.

– Подвинься ближе и подними руки повыше. – Пальцы Конана дотянулись до узла на веревках, опутывающих тонкие девичьи запястья. Придется повозиться, но, похоже, времени у них в запасе предостаточно. Глаза киммерийца понемногу приноравливались к полумраку клетки, хотя вряд ли из этого можно было извлечь какую-то серьезную пользу... – Рано вешать нос и вкладывать мечи в ножны. Я уверен, Апрея, мы еще не добрались до нашего последнего дома. Считай, что нынче мы просто остановились на постой. Распутаемся и выпутаемся. Вот только жаль, что мы ничего не знаем об этих узкоглазых. Кто они такие, за кого нас принимают, как обычно поступают с пленниками. Побольше ясности нам бы не помешало.

Страж, проществовав мимо, бросил взгляд на то, чем заняты узники. Разглядел или не разглядел – неизвестно, но он отвел взгляд как ни в чем

не бывало. А может, не дано ему указаний следить, чтобы узники ни в коем случае не распутались. Не беда, если и распутаются – куда ж они денутся...

– Эй! – позвали из той клетки, что примыкала к узилищу киммерийца с другой стороны.

– Я помогу вам с ясностью. Вы знаете, что сказали мне воины шогуна Изидо?

– А ты сам-то кто? – бросил за спину Конан, не прерывая работы над веревочными узлами.

– Они сказали мне, что два строптивца – это слишком много, – таинственный невольник пропустил вопрос Конана мимо ушей. – Но если мы такие храбрецы, какими себя показываем... – они имели в виду меня и тебя, черноволосый... – так вот, если мы такие храбрецы, то нам милостью шогуна даруется одна жизнь на двоих. Ее мы должны разыграть завтра поутру в честном поединке. Оставшегося в живых они отпустят, чтобы тот передал шогуну Ямото, что шогун Изидо милостив, справедлив и всегда готов видеть у себя шогуна Ямото, когда тот захочет признать Изидо своим повелителем...

– Ты научился разговаривать на их языке, брат? – вдруг сказала Апрея. Сказала просто, буднично, словно нисколько не удивлена была встрече с родным братом, которого до сего дня почитала за мертвого. А впрочем, сможет ли теперь что-либо поразить лесную женщину – после того, как в одночасье рухнули ее прежние представления о жизни?

– Да, за семь лун я освоил их язык, сестра, – отозвался из своей клетки брат, равно не проявив ни удивления, ни буйной радости от встречи с сестренкой. – Зачем ты отправилась на поиски, почему не осталась дома? И кто это с тобой?

– Отец погиб от рук людей из Серого гнезда, Порк.

«Видимо, это их семейная особенность – ускользать из-под вопросов и гнуть что-то свое», – усмехнулся про себя Конан, наконец распутавший узлы на запястьях Апреи.

– Посмотри на плод любого дерева, сестра. Рано или поздно плод падает. Причины падения разные, итог же один. Смерть. Но жизнь и смерть меняются местами. Плод становится землей. Или, если он созрел, из его семечек вырастает новое дерево. Или его срывает чья-то рука и плод становится частью живого существа. Смерть, и свою, и чужую, надо принимать так же спокойно, как переход по мосту от берега к берегу.

– Кто тебя научил этим мыслям, брат?

* * *

– Очень интересное миропонимание, – изрек Симур, прижимаясь к стене дома. – А ты не спросил, в чем тогда он видит смысл бытия: в том, чтобы упасть зрелым фруктом, или как можно дольше продержаться на ветке, дожидаться, пока она сама не пересохнет?

Они оба прижались к дому на тесной улочке, пропуская на ходу резвящееся шествие из акробатов, жонглеров, наездников, карликов и прочих циркачей, а также из сопровождающих их гуляк. Шумная, пестрая толпа несомненно держала путь к базарной площади Шадизара, где сегодня целую ночь будет нарушать городской покой последнее веселье заканчивающегося праздника.

– Я сказал Априя, чтобы брата слушала, да не забывала мои руки распутывать, – повернулся Конан к Симуру. – А потом говорю Порку этому, беглецу из отцовского гнезда...

* * *

– Про грушу на дереве и про жизнь со смертью – это очень интересно послушать, приятель. Но ты, Порк, ответь мне, Конану из Киммерии, с которым собираешься завтра биться насмерть, что это за место такое? Кто такие эти узкоглазые дикари, шогуну твои и вообще ты сам-то что, семь лун тут сидишь в клетке? Бьешься насмерть со всеми подряд или только нас и ждал?»

Стражник прохаживался вдоль клеток с отсутствующим выражением. Его не возмущал разговор заключенных. Наверное, не дано ему указание пресекать беседы узников. Даны другие указания: не допускать бегство, равно как и подготовку к нему, например, подкопы или подпилы. В остальном же – пускай невольнички порадуются напоследок.

– Конан из Киммерии, – проговорил Порк, словно пробуя незнакомые имена на вкус, съедобно или несъедобно. – Из Киммерии... Согласись, мне тоже есть о чем тебя спросить. Но ты, я вижу, человек нетерпеливый. Видимо, не пришло к тебе осознание мудрости, заключенной в терпении. Так и быть начнем наш разговор с моего рассказа.

– Не забудь начать с того, как и почему ты очутился в Нижнем мире, – напомнила брату сестра.

Порк с того и начал. И вот что он рассказал.

Да, он ушел в Нижний дом по своей воле. Нет, Порк не вбивал себе в голову, что он перекормыш, что объедает семью и его уход избавит родовое гнездо от голода. Нет, Порк не воображал, что его уход в Нижний мир навлечет на отца и сестру любовь и милость богов. Другая причина столкнула Порка с ветвей Верхнего дома.

С каких-то пор и по неведомым причинам Порка неодолимо потянуло в Нижний дом. Ему вдруг захотелось увидеть, что там, внизу, увидеть таинственного Варраха, посмотреть на то, во что упираются деревья. Порк надеялся, что странное желание со временем пройдет. Но оно не уменьшалось. Наоборот, желание одолевало, разрасталось, как опухоль, не давало думать ни о чем другом. Желание становилось невыносимым. («Так, – это уж Конан про себя подумал, – стоящего на краю пропасти неодолимая сила так и тянет сделать шаг туда»).

Короче говоря, под черепом Порка поселилась, как жук-короед в древесине, навязчивая мысль, и она точила, грызла, изъедала мозг.

Пусть, уже так думалось Порку, суждено прожить в Нижнем доме лишь миг, а то и того меньше, но... но хоть одним глазом взглянуть на этот Нижний дом. А еще Порк начал думать следующим образом: а если можно жить и в Нижнем доме, а если именно там они обретут, наконец, счастье? Он вернется за сестрой и отцом, расскажет им обо всем и уведет их за собой. От мыслей-короедов было не избавиться, как он не пытался. Сказать отцу с сестрой о них Порк не решался. Во-первых, они бы его просто не поняли, во-вторых, стали бы уговаривать, упрашивать, умолять. Порк не мог видеть слезы сестры, похожие на крупную утреннюю росу... Но и исчезать бесследно он не желал – сестра и отец непременно отправились бы на его поиски по чужим гнездам и тем погубили бы себя.

И вот однажды, семь лун назад, Порк понял, что ему не выдержать...

* * *

– Что я тебе и говорил! – воскликнул Симур. – Непреодолимая сила! Навязчивая идея! Тяга, которой невозможно противостоять! Да, пусть я несколько ошибся с причиной помешательства Порка. Это мелочь, мой

киммерийский друг, не меняющая главного. В главном я прав. Порк оказался всецело захвачен неотвязным желанием. Не он один на этом свете стал жертвой навязчивых идей. Знавал я одного торговца рабами по имени Зикман Фритд...

Симур, а вслед за ним и Конан спустились по каменным ступенькам, ведущим в винный погребок. До «Розовых льдинок» оставалось квартал пройти, но на пути неожиданно вырос погребок под вывеской «Пасть пустынного тигра». Можно сказать, погребок преградил им путь. Не обойти.

– Дела у Зикмуна Фритда шли прекрасно. Торговля приносила немалый доход. Его рабы пользовались спросом у самых зажиточных горожан. Казалось, Фритду желать более нечего. Богатый дом, довольные жены, уважение и почет. Но вот от одного из рабов он услышал историю о горе Магафер... Ах ты, Нергалья жизнь! – Симур зацепился за щепу, отошедшую от дверного косяка.

В воздухе погребка плавал аромат пережаренного мяса и прокисшего вина. Вдохнув эти запахи, оба сразу поняли, что надолго здесь не задержатся. Горло промочат – и опять в дорогу, в «Розовые льдинки».

Они заняли место за одним из столов, который, конечно же, был залит вином и засыпан крошками. Конан сдвинул на край скамьи пьянчужку в платье приказчика, задремавшего рядом с не опорожненным кувшином, стукнул кулаком по грязной столешнице и сотряс воздух погребка зычным голосом настоящего варвара: «Эй, трухлявые! Со стола убрать и вина живо! А то разнесу ваш свинарник к Нергальей матери!». Вздрогнуло за стойкой опухшее лицо хозяина погребка и, бормоча «сейчас-сейчас», он скрылся за кухонной дверью.

– Итак, торговец рабами услышал о горе Магафер, – продолжил Симур, двумя пальцами брезгливо отодвигая подальше чье-то блюдо с обглоданными костями. – Мол, раз в год, в день, когда желтый круг солнца взбирается на самую вершину небесного холма, гора Магафер выбрасывает из земляного нутра фонтан огня, и с ним вылетают наружу раскаленные камни в форме яйца. И собирать эти камни следует, пока они не остыли, отдавая тепло воздуху, иначе они потеряют свой магический дар. А магический дар у этих булыжников, по словам раба, был таков: прижмешь камень к сердцу, произнесешь вслух хвалу Иштар и получаешь власть над всеми женщинами подлунного мира. Можешь влюбить в себя кого угодно, хоть королеву Дарфара, известную своей неприступностью. А гора та, утверждал раб, торчит из земли на одном из Барахских островов... Спрашивается, ну чего еще надо было Зикмуну

Фритду, когда ему и так завидовало пол-Шадизара и со своими деньгами он, при желании, мог увеличить гарем хоть стократно: Однако Зикмун раба продал, но о горе Магафер не забыл. Запала та гора ему глубоко в душу и покою с тех пор не давала. Она снилась ему, мерещилась наяву, он стал спрашивать всех подряд о Барахских островах, приобрел у кого-то карту этих островов. Короче говоря, однажды не вытерпел, снарядил караван и отправился добывать камни из этой горы. И вот десять лет как о Зикмуне Фритде ни слуху ни духу... И вот что я тебе скажу, Конан из Киммерии. Ничего не происходит просто так, на пустом месте. Червяки не заводятся на воздушном пузыре. Если человеку чего-то в жизни не достает, то рано или поздно он может стать пленником безумной идеи, сулящей недоставаемые блага. Зикмуна Фритда тяготило, что он всего лишь лавочник, пусть очень богатый, но лавочник, а ему страстно желалось в королевские выси. Точил его червяк такого потаенного желания, и тут как нельзя кстати случился раб с рассказами о горе Магафер... Порку же обрыдла постная жизнь на деревьях, от которой и дальнейшем не приходилось ждать ничего нового. Порку захотелось хоть краткого, хоть мгновенного, но глотка новизны. За возможность прикоснуться к иной жизни он готов был рискнуть жизнью собственной. Вот на том ты и остановился – на том, что Порк сошел в Нижний дом...

– Я остановился на том, что велел этому плешивому и жирному трактирщику живо протереть стол и принести вино. А этот мерзавец и не думает шевелиться. Он, похоже, считает себя великим трактирщиком, а свою грязную конюшню принимает за продолжение дворца...

Конан вскочил, широким шагом пересек заведение, скрылся за кухонной дверью и скоро показался вновь, держа в правой руке за шкурку хозяина заведения. Тот визжал, извивался, сучил ногами над полом и почему-то не выпускал из ладони грязную тряпку. Киммериец забросил трактирщика на стол и провел им от одного до конца до другого, смахивая на пол крошки, кувшины, кружки, блюдо с костями и заодно вытирая винные пятна и жир.

– Если через десять вдохов передо мной не будет стоять кувшин твоего лучшего вина и блюдо с хорошо прожаренным мясом, – протерев трактирщиком стол, Конан держал его, насмерть перепуганного, на вытянутой руке так, чтобы ноги прохвоста не доставали до пола, – если мне покажется, что вино кислое, а мясо отдает собакой, то, клянусь Кромом...

– Ты слишком широко распахиваешь свою вонючую пасть, варвар! Твое место в зверинце среди обезьян! Туда-то мы тебя и отправим]

Из-за углового столика поднялись и, грозно расправляя плечи, направились к киммерийцу шестеро оборванцев вполне разбойничьего обличья. В руках у одного сверкнул широкий аквилонский нож, другой постукивал по ладони увесистой деревянной дубинкой. Видимо, то были завсегдатаи погребка «Пасть пустынного тигра», которым все здесь нравилось, включая кислое вино, запахи помойки, лужи на полу и ленивого хозяина. Конан отпустил трактирщика и тот, едва ноги коснулись пола, улизнул под прикрытие стойки. Киммериец хищно осклабился и приготовился достойно встретить бравых храбрецов.

– А вы знаете, мои веселые друзья, – задрав голову, словно обращаясь к потолку, громко сказал Сатур, – новый указ, пять дней назад зачитанный на Главной площади? Указ, запрещающий владельцам питейных заведений разводить грязь и томить посетителей ожиданием под страхом закрытия? А тех, кто устраивает заварухи и отравляет спокойствие в трактирах и погребках, приказано бить плетью по пяткам двести раз и после держать в заточении до полного истощения зловредных сил. Стоит мне пожаловаться начальнику городской стражи, – кстати, моему другу, – и ваша компания надолго застрянет в Башне Всех Слез. Сразу видно, что вам пока еще не довелось побывать в Башне, раз у вас сохранились еще кое-какие зубы и у каждого из вас еще пока по два глаза. Что ж, тогда впереди вас ждут незабываемые дни...

Сатур зевнул, сложил руки на груди и замолчал.

На тупых, обросших рожгах проступило недоумение вперемешку с испугом. Оборванцы поумерили боевой пыл, уж более не выкрикивали обидные слова, а только переглядывались.

– Да ну их, Кривое Рыло, к Нергалым почкам! – вдруг воскликнул невысокий крепыш с серьгой в ухе. – Других дел у нас, что ли, нет! Не забывай, где ждут нас сегодня ночью.

– Я еще никому не спускал, когда меня называли грязным варваром, – Конан поднял сжатый кулак и провел костяшками по подбородку, иссеченному мелкими шрамами.

Сатур внимательно взглянул на киммерийца, убедился, что тот не собирается отступить. Тогда он снова заговорил:

– Придется извиниться, уважаемые зачинщики. Нанесено жестокое оскорбление, которое обычно смывается только кровью. Если что, то вас всенепременно объявят зачинщиками, а его, – Сатур показал пальцем на оскорбленного варвара, – обиженной стороной. Его отпустят, я уж

похлопочу, а вас – в Башню, непременно в Башню, и плетью по пяткам. Двести раз.

– Ладно, парень, – с видимой неохотой процедил сквозь зубы недомерок с серьгой в ухе. – Извиняемся, забыли... Только осторожнее отныне ходи по Шадизару.

– Ладно, – сказал в ответ Конан, – пока забыли. А как-нибудь потом, после праздника, встретимся и договорим.

Удовлетворенный извинениями северянин сел на свое место и тихо спросил у Симура:

– А что, и вправду есть такой указ?

– Нет, конечно, – ответил собеседник Конана. – Но зато теперь мы сможем спокойно поговорить. И смотри, хозяин уже тащит кувшин. Вот так, мой киммерийский друг, слово – это тоже оружие. Поострее иных кинжалов будет.

Конан хмыкнул:

– Ты больно хорошо одет, и вообще вид у тебя сытый, как у кота, живущего при лавке молочника. Короче говоря, тянешь на приятеля начальника городской стражи, это и напугало наших нечесаных друзей.

– Хорошо, хорошо... О чем же, о чем Порк рассказал тебе дальше из полумрака бамбуковой тюрьмы?

– Дальше, – Конан налил себе в стакан вина из принесенного хозяином кувшина, сделал пробный глоток, одобрительно кивнул, – дальше вот о чем он рассказал...

Глава шестая

Очутившись в Нижнем доме, Порк, разумеется, обнаружил все то же самое, что, уже после него, обнаружили Конан и Апрея: камни, невысокая трава, стена джунглей, загадочный цилиндр со словно нарисованными на прозрачной внутренней стороне ветвями и листьями. Поизумлявшись, походив вокруг прозрачного чуда, Порк наугад выбрал направление – и побрел. Плутал по джунглям Порк много дольше, чем киммериец с лесной лучницей. Плутания окончились приблизительно так же, как у варвара с лучницей. Правда, Порка не захватывали в плен, он сам набрел на обитаемые места и вышел к людям. Люди оказались того же рода-племени, что и нынешние дикари: так же выглядят, так же одеваются, на том же языке разговаривают. Правил ими шогун Ямото.

Желтые люди приняли чужака спокойно. Как позже выяснил Порк, он был не первый «гэйд-зин» (так они называли чужаков), кто пришел к ним незванным и кто рассказывал о прозрачных столбах. Подданные Ямото никого не гнали, не сажали под замок – наоборот, давали кров, еду, разрешали остаться в одной из деревень шогун Ямото и жить на равных с остальными подданными правах. Также позволяли найти себе занятие по душе и выбрать жену.

– Между прочим, за эти семь лун я успел жениться, Апрея, – сообщил сестре Порк.

– Вот как! И она красивая? – спросила лучница, которая только что управилась с путами на руках Конана и бросила себе под ноги снятую с его запястий веревку.

– По здешним представлениям о красоте – да, она красивая.

– И как ее зовут?

– Фисима-дзумаку.

– Ты язык не сломал за семь лун на этом имечке? – фыркнула Апрея. – А ребенка у тебя за эти семь лун не появилось?

– Потом вернетесь к ребенку, успеется. Как же ты оказался здесь, Порк? – Конан увел родственников от обсуждения супружеских будней.

И Порк продолжил рассказ о своей жизни как подданного Ямото. Сами себя желтолицые люди называли джаданами. Джаданы относились к пришлым людям спокойно – даже несмотря на то, что места, где возвышались над лесом прозрачные цилиндры (они называли их «тоургамами»), считались у них дурными местами, и джаданы обходили те

места стороной. Но когда приходили белокожие, с широким разрезом глаз люди и рассказывали о своем мире, о странных столбах, которые каким-то образом связаны с их предыдущим миром, джаданы принимали их без всякой опаски. Правда, такие люди приходили нечасто, Порк был всего лишь четвертым. Один из пришельцев умер от лихорадки, другой, недолго погостив, вскоре отправился на поиски иной доли, а третий, как и Порк, остался жить в какой-то отдаленной деревне. Этот третий, как Порку рассказали, утверждал, что мир, в котором он жил, представлял собой пустыню. Лишь редкие оазисы, где и обитали люди, скрашивали унылое однообразие бесконечного песка. Еще, правда, имелись сухие колодцы, откуда никогда не возвращались те, кто пробовал в них спуститься. Этот третий тоже попробовал спуститься в подобный колодец и очутился во владениях شوгуна Ямото. Где и остался, прижившись в одной из дальних деревень.

Настороженное отношение джаданов к прозрачным столбам-«тоургамам» связано с легендами, объясняющими происхождение столбов. Мол, некогда, в давно забытые времена, умирал правитель всей страны джаданов – тогда гораздо более обширной и людной страны. У правителя было множество сыновей и дочерей, и еще больше всяких прочих родственников. И каждый из них надеялся взойти на престол. Правитель знал, что после его смерти в стране начнется большая кровопролитная война за опустевший трон. А при властителе всех джаданов состоял в первых помощниках величайший (таких уж после не появлялось на свет) маг. Он и подсказал правителю, как надо поступить, и получил от благодетеля позволение исполнить задуманное. После чего маг одному ему известным способом замуровал в прозрачные столбы-«тоургамы» всех властолюбивых родственников, выделив каждому по «тоургаму», а также замуровал вместе с ними их семьи, слуг, рабов, воинов, крестьян. В построенных колдовством мага «тоургамах» можно было жить, как в отдельной стране. Таким образом, каждый из родственников умирающего владыки получил в безраздельное властвование по собственному государству. А правитель всех джаданов оставил при себе лишь старшего, любимого сына, которому и передал трон. Колдовство, породившее «тоургамы», джаданы считали черным, поэтому и обходили те места стороной...

Так или не так обстояло все на самом деле, Порк не знал. Однако «тоургамы» существовали, и время от времени появлялись люди, судя по всему, покинувшие именно их прозрачные стены. Правда, Порк так и не встретился с человеком, явившимся из пустынного мира. Не добрался Порк

до отдаленной деревни во владениях شوгуна Ямото, не успел.

На деревню, в которой нашел приют Порк, напали воины шоугуна Изидо. Подобное время от времени происходило на земле джаданов, разделенной на четыре части, каждой из которых правил свой шоугун. Шогуны, конечно, враждовали между собой, а если и мирились, то только для того, чтобы иметь возможность напасть на успокоенного миром противника.

Дозор вовремя предупредил о приближении врага, и жена Порка вместе с большинством женщин и детей сумела укрыться в джунглях. Мужчины же вышли с оружием в руках защищать дома, имущество, собранный урожай. Но воинов Изидо было больше, вооружены и подготовлены они были лучше. Деревню захватили, разграбили, неразграбленное сожгли, кого-то из защитников деревни убили, кто-то успел скрыться в джунглях, кого-то взяли в плен, в том числе и Порка. Пленных пригнали к шоугуну Изидо, а шоугун уже раздал новых рабов своим наиболее близким и верным подданным. Всех, кроме Порка. Порка он, разумеется, выделил из числа остальных пленных за его внешность, сильно отличающуюся от внешности джаданов, к тому же «гэйдзин» еще и проявил себя в стычке за деревню хорошим, неуступчивым бойцом. Может быть, Изидо и сам не знал, что же ему такое придумать с новым рабом. Несколько дней Порк томился в этой бамбуковой тюрьме, ожидая своей участи... И вот дождался.

На этом брат Апреи окончил свое повествование.

Тем временем, ушедшим на рассказ Порка, сменился стражник бамбукового узилища. Ему на смену заступил точно такой же, принялся точно так же расхаживать с безучастным видом, поигрывая деревянными палками, соединенными между собой цепью.

– Завтра, – еще раз напомнил Порк, – нас с тобой заставят драться. Победителя отпустят, вручив послание для шоугуна Ямото. В этом шоугуну Изидо можно верить. Джадан не может не сдержать слово, этим он уронит свою честь.

– Это радует, – мрачно заметил Конан. – А Апрея, твоя сестра? С ней как поступят?

– Женщину Изидо оставит себе или подарит кому-нибудь из своих, чем-то отличившихся слуг. Судьба пленниц одинакова: работать на поле, работать по дому или стать наложницей.

– Ясно, – сказал на это Конан. – Может, ты знаешь, на чем нам предстоит драться?

– Да, – ответил из полумрака Порк. – На ножах. Джаданы редко когда

отступают от своих традиций...

Некоторое время они молчали. Горестно вздыхала в своем узилище Апрея, в задумчивости мерил шагами, шурша соломой, тесное помещение Конан, из камеры же Порка не доносилось ни звука.

– Тебе так хочется меня прикончить, Порк? – наконец нарушил тишину киммериец. – Сестре твоей тогда все равно не выбраться из лап желтолицых дикарей.

– А что ты можешь предложить, назвавшийся Конаном?

– Вот давай вместе и подумаем, Порк... ..Утро выдалось солнечное и тихое. Когда узников вывели из бамбуковой тюрьмы, их встретило залиvistое пение утренних птиц. Тепло и свежо было на улице – еще не скоро накалится небесный диск и воцарится зной. Но одному из пленников до зноя дожить не суждено. Так повелел шогун Изидо.

Из камер вывели только мужчин, женщину оставили томиться за бамбуковыми прутьями. На свету Конан впервые разглядел Порка. Да, не удивительно, что Апрея при первой встрече приняла варвара за своего родного брата. Роста они были одинакового, и шириной плеч Порк лишь немного уступал киммерийцу. Со спины можно было и обознаться, если не видеть цвета волос. И если не сличать лица, потому что в лицах похожего мало. Да еще шрамов на теле у брата Апреи несравнимо меньше, чем у варвара.

Их вели уже знакомым Конану путем, который окончился вскоре, тоже в известном месте – у крыльца высокого здания со множеством загнутых кверху крыш. Здание, не иначе, служило этому шогуну Изидо дворцом. И сейчас этот самый Изидо, крутя длинный ус, дожидался на ступенях, когда к его ногам подведут пленников. Подвели, силой пригнули к земле, заставив коснуться лбами чуть влажного в этот час песка.

Помимо шогуна возле крыльца выстроилось полукругом около двух дюжин мужчин-джаданов – скорее всего, воинов и придворных. Все были при оружии: при тонколезвийных мечах, при кинжалах, некоторые вдобавок и при деревянных палках, скрепленных между собой цепью. За пояс Изидо, помимо оружия, был заткнут свернутый трубкой пергамент. Конан не сомневался, что это и есть то самое послание шогуну Ямото, с которым отправят в путь-дорогу живого победителя.

Изидо поднял руку, и среди подданных мгновенно смолкли смешки и разговоры. Шогун заговорил. Говорил он громко, отрывисто, в голосе его звенела торжественность. Конан мог бы попросить Порка о переводе, да не стал этого делать. И без того понятно, что к чему.

Шогун не слишком долго томил свое окружение речами. Он закончил

слово к подданным сильным хлопком в ладони, и под одобрительный гул голосов из-за спины Изидо вышел молодой воин, вытащил из-за пояса два одинаковых ножа, протянул их невольникам-гладиаторам рукоятями вперед.

Холодная костяная рукоять удобно легла в ладонь. Конан осмотрел лезвие – длинное, среднеширокое, обоюдоострое. Таким ножом хорошо поражать тяжеловооруженных бритунских ратников сквозь щели в доспехах...

Когда ножи оказались у невольников, окружение вождя напряглось, жилистые кисти легли на рукояти мечей. Но вот пленников отвели друг от друга, воины обступили гладиаторов кольцом, оставив свободным круг песка диаметром в три длины копья, и кисти воинов Изидо ушли с рукоятей. Шогун Изидо, скрестив руки на груди, со ступенек крыльца возвышался над схваткой.

Впрочем, схватка пока что не началась. Как раз в ее ожидании люди во дворе притихли. Одни птицы, безучастные к играм бескрылых созданий, продолжали носиться в воздухе, наполняя его веселым щебетанием.

Да утро было хорошее. В такое утро умирать особенно обидно. Лучше умирать дождливыми осенними днями, когда над головой нависает беспросветно серое небо, а земля превращается в коричневую хлюпающую жижу.

Схватка пока не началась. Поединщики сходились неспешно, двигаясь по кругу и делая навстречу друг другу лишь мелкие шажки. Оба поигрывали ножами, оба привыкали к оружию.

– Ну, как тебе ножик? – поинтересовался Конан.

– Сойдет, – ответил Порк.

– Сойдет, – согласился с ним киммериец.

Джаданы понять их не могли. Но они, конечно, были недовольны тем, что им приходится скучать в ожидании, пока пленники наберутся храбрости и соизволят биться не на жизнь, а на смерть. Конана сильно – едва устоял на ногах – толкнули в спину рукой. Не избежал подобной участи и Порк, правда, ему досталось деревянными палками. Гладиаторов принуждали сходитьсь. Со всех сторон слышались гневные призывы, смысл которых был ясен и без перевода.

Первым провел пробную атаку Конан. Он качнул тело влево, изобразил секущий удар снизу вверх, заставив противника выставить нож для отражения, а сам крутанулся, замахиваясь, и обрушил руку, удлиненную клинком на незащищенное плечо Порка. И быть клинку вонзенным по рукоять в плечо брата Апреи, но Порк, неведомо как среагировав, отскочил

в сторону, и разящее железо вспорол лишь воздух. Послышался одобрителный гул голосов джаданов.

Порк не стал медлить с ответом. Совершив кувырок, он разом оказался возле ног Конана, и попытался вогнать лезвие в ступню киммерийца. В последний миг варвар-северянин убрал ногу и направил нож в открытую спину брата Апреи. Однако опоздал Конан – Порк уже откатывался по песку. Быстро вскочив на ноги, брат Апреи снова оказался в боевой стойке. Правда, кончиком ножа Конан все-таки сумел задеть противника, оставив на его спине длинную, но неглубокую царапину. Джаданы загудели одобрителнее прежнего – схватка пошла всерьез, схватка оправдывала их ожидания. Гладиаторы показали, что биться они умеют и никто из них так просто не уступит, тем более не примется молить о пощаде. Джаданы предвкушали обилие ран, обилие крови и прочие приятные мгновения.

Тем временем поединщики сшиблись в обоюдной атаке. И вот нож в руке Конана, перехваченной за запястье сильной кистью Порка, дрожит возле переносицы брата Апреи. Нож Порка в свою очередь был остановлен ладонью киммерийца возле самого живота варвара. Вздувались жилы на руках и шее бойцов, пытающихся продавить защиту друг друга и вогнать сталь в плоть врага. При этом гладиаторы кружили по площадке, вороша ступнями песок. Пока никто не уступал, никто не позволял клинку противнику добраться до своей кожи.

– Пора? – Порк выдавил из себя вопрос хриплым от напряжения голосом.

– Пора, – отозвался Конан.

Подданные Изидо замерли в ожидании. Еще немного – так казалось джаданам – и кто-то из гладиаторов не выдержит, уступит натиску противника, появится первая кровь и тогда схватка перейдет в последнюю, самую захватывающую для зрителей полосу. Вот вроде бы начал бить верх черноволосый, вот под его натиском беловолосый пятится, заставляя джаданов расступаться...

Джаданы не знали, что уши им заложило не что иное, как боевой киммерийский клич. Под этот клич гладиаторы разомкнули свои, казавшиеся смертельными объятия, и метнулись в скопление воинов возле крыльца. Один джадан, получив ножом в грудь, скатился по ступеням и упал лицом в песок. Другой, не дотянув из-за пояса меч, рухнул под ноги шогуну. Шогун выхватить меч успел, но не успел пустить его в дело. Потому что его обхватили за шею сильные руки, а к горлу приставили острое ножевое лезвие. Из надреза на коже на сталь каплями текла

кровь.

– Не дергайся! Прирежу, как жертвенного барана! – закричал Конан, на миг позабыв, что понять его не могут. Зато джаданы могли понять Порка. Порк бросал в их желтые лица слова на их языке. Джаданы остановились, едва их вождь угодил в руки врага. Джаданы застыли в боевых стойках: мечи обнажены, заведены для удара, лица искажены злобой.

Конан знал, что сейчас говорит им Порк. Они обсудили его слова прошедшей ночью точно так же, как в деталях обговорили и схватку на ножах. Первая часть их плана удалась вполне: они заставили поверить джаданов в свою готовность биться насмерть, они усыпили их внимание и в молниеносной атаке добрались до شوгуна Изидо.

А Порк сейчас объяснял подданным своего вождя, что того от гибели отделяет одно движение руки черноволосого и он это движение сделает, если кто-нибудь из людей Изидо сделает еще хотя бы шаг в их сторону. Нож полоснет по горлу шоугуна и в том случае, если не будут выполнены их условия. А условия следующие: освободить из плена женщину, дать трех лошадей, на которых они, прихватив с собою шоугуна, доберутся до границ владений Изидо, там шоугуна отпустят и поедут себе на свободу, никем не преследуемые. И еще надобно вернуть отобранный у черноволосого пленника двуручный меч.

Если Изидо и хотел что-то сказать своим подданным, то сделать этого все равно не мог – покидать звукам горло шоугуна мешали рука и нож киммерийца. Тогда от джаданов взялся говорить немолодой воин с черной повязкой, закрывающий глаз. Видимо, после шоугуна он был самым влиятельным среди собравшихся во дворе под данных Изидо.

Порк перебил одноглазого джадана, едва тот начал свое, полное гнева и угроз слово. Перебил, чтобы вразумить: никаких переговоров и уговоров. Или – или.

Изидо по-прежнему лишь хрипел и шипел в захвате Конана. Брать на себя решение предстояло одноглазому воину-джадану...

* * *

– ...и он его принял. Жизнь повелителя важнее жизней трех пленников. Тем более, пленника можно снова поймать, в отличие от

жизни вождя, если та от него упорхнет. И одноглазый дал слово согласия на наши условия...

Конан с Симуrom – немногие из тех, кто остался в погребке «Пасть пустынного тигра». Разбойничья компания давно покинула заведение. Следом за ними выскользнули на свежий воздух другие компании и посетители-одиночки. Видимо, намеки Симура на Башню Всех Слез и на двести ударов по пяткам запали в их не слишком чистые души. Хозяин уже два раза успел сбегать за новыми кувшинами. Судя по болезненным гримасам плутовской рожки, ему приходилось сливать последние запасы приличного вина.

Конана же не беспокоили малолюдность грязного погребка и невыносимые душевные муки трактирщика. Киммериец спокойно продолжал свой рассказ.

– Их лошади, как и сами джаданы, были невысоки, но резвы. Мы быстро продвигались к границе владений Изидо. Сегуна я примостил перед собой на лошади. От меча и кинжала я, понятно, вождя избавил в свою пользу. Возвращенный мне двуручник, вложенный в возвращенные ножны, по-приятельски шлепал меня по спине. Так что джаданы уже никак не могли надеяться в случае чего на легкую победу. Изидо вел себя спокойно – помирать от руки беглого раба ему, конечно, не хотелось. Не надо быть мудрецом, чтоб понять, чего ему хотелось: как можно скорее оказаться во главе отряда преследователей – и гнать, травить, убивать нас, как бешеных собак.

Позади на расстоянии в полполета стрелы держался отряд из дюжины верховых-джаданов с одной свободной лошадейю. Пока смело можно было находиться к ним спиной. Мы понимали, что несладко придется, когда достигнем границ владений Изидо. Хотя по законам джаданов не сдержат слово – уронить свою честь, а Порк с них требовал слово, что они нас не станут преследовать, надежд на спокойный отход было мало. Считай, почти и не было. Тот же Порк разъяснил мне накануне, что раз мы сами поступили не как воины, то и законы чести к нам неприменимы.

Лошади молотили копытами по добротной глиняной дороге. Этой дорогой в то время, когда земля джаданов еще не была поделена на четыре части, пользовались здешние купцы и сборщики налогов. Теперь по ней лишь изредка проезжали хорошо вооруженные воины – грабить приграничные деревни. Как рассказывал Порк, впереди дорога была уж не столь хороша, ее местами преграждали поваленные деревья и валуны. Но наш путь в земли шогуна Ямото мы и не связывали с ездой по дороге: так

нас легко нагонят и оставят лежать в придорожных кустах с отсеченными головами. Разве Апрею пощадят – ее просто вернут в бамбуковое узилище.

Апрея, кстати, впервые в жизни оказалась в седле, но получалось у нее неплохо. Видать, проворство и ловкость, приобретенные на деревьях, оказались очень кстати и при езде верхом. К тому же рядом с ней скакал брат и как мог помогал ей.

«Вон там, – сказал Порк, повернувшись ко мне. – У камня. Дальше тот поворот. Сразу за поворотом развилка».

Порк знал путь, которым мы двигались. Это давало нам кое-какое преимущество. Приближался важный момент. Или наша уловка сработает, или придется скрецивать оружие с противником, превосходящим нас числом.

И вот мы достигли камня, огромного, вросшего в землю валуна на обочине дороги. Остановили лошадей. Одной рукой я опустил шогуну на землю. Очувившись внизу, он что-то сказал, показывая на свой меч. Как воин воина, я его понял без перевода. Меч – часть руки воина. Воин бережет и дорожит своим оружием, как бережет и дорожит рукой. Он просил вернуть оружие.

А почему бы и не вернуть, не сделать шогуну подарок? К тому же пока он меч подбирает, мы выиграем еще миг другой. А нам позарез нужен этот миг...

Я забросил любимый меч вождя в придорожные кусты. И мы тут же припустили лошадей. А сзади уже грохотали копыта отряда джаданов.

Мы промчались поворот, о котором говорил Порк. Добрались до развилки. От основной дороги отвечалась, ныряя в лес, узкая просека. Мы свернули на просеку. Проехав по ней несколько шагов, я и Апрея соскочили на землю. Порк всадил пятки в бока своего скакуна, мы ударами по крупу отправили за ним своих, «опустевших» лошадей. На слова времени не тратили. Все уже было сказано, обговорено этой ночью.

Ночью же мы и разыграли с помощью короткой и длинной палочек, кому отвлекать джаданов, кому уходить по лесу с Апреей. Отвлекать выпало Порку.

Мы с Апреей притаились за кустами. Сквозь просвет была видна просека. Ждать пришлось очень недолго. Вскоре донесся топот копыт, гортанные крики подгоняющих лошадей джаданов, и мимо нас промчался отряд преследователей во главе с шогунуном Изидо.

Лесная просека представляла собой узкую, заросшую тропу, которая вдобавок и петляла. Поэтому мы вправе были рассчитывать на то, что

джаданы нескоро смогут увидеть спины беглецов и открыть для себя, что две из трех лошадей пусты. Порк намеревался, если получится, достигнуть, уведя за собой джаданов, какого-то там ручья, загнать лошадей в заросли и дальше уходить джунглями пешком. А встретиться мы должны были уже на землях шогуна Ямото в охотничьей хижине. Хижину ту, следуя указаниям Порка, вроде бы как обнаружить труда не составляло. Надо было лишь топтать по большой дороге до скалы, что нависает над округой, взобраться на нее – ну уж не нам, сынам Киммерии, бояться скалолазания – сверху найти выгоревший лес, и сразу за ним стоит то пристанище охотников.

Ну вот, Сатур... Пропустив погоню джаданов, дождавшись, пока крики и стук копыт затихнет вдали, мы с Ауреей тронулись в путь. Если б джаданы почему-то там вернулись на прежнюю дорогу, мы услышали бы их издали и шмыгнули бы в лес, спрятались бы за камень, залегли бы в траве. Однако не только джаданов, но и никого другого мы так до самой скалы не услышали и не повстречали.

Представь себе, Сатур, но мне не пришлось уговаривать и подгонять лесную женщину – мол, потерпи, сожми зубы, после отдохнем. Она не просила привалов, не валилась на обочину со словами «все, больше не могу, делай со мной что хочешь, но с места я не сдвинусь». И это несмотря на разбитые в кровь ноги, на усталость и на голод. Она шла молча, со злостью и решимостью в глазах. Короче говоря, Аурей – это тебе не изнеженная горожанка, скажем, из тех, что сейчас танцуют на площади. Она – дитя леса, полу-женщина-полузверь, хоть и выглядит хрупкой. И, клянусь Кромом, такие женщины мне больше по сердцу.

Уже начали сгущаться сумерки, когда мы достигли той самой скалы. Она оказалось не слишком высокой и со множеством уступов, так что я два счета взобрался на ее вершину. И сразу увидел черное пятно сгоревшего леса, за которым, если Парк ничего не напутал, стоит охотничья хижина.

Да, хижина стояла. На поляне, возле ручья, небольшим водопадом стекающего с каменистого холма. Мы устремились не к бамбуковой постройке, крытой пальмовыми листьями, а к водопаду. Пить и смывать дорожный пот, перемешанный с пылью...

– Между прочим, по поводу водопадов, – Сатур пощелкивал ногтем по пустому кувшину, – и водоворотов. «Розовые льдинки», конечно, не растают, зато еще немного, и мы сами можем утонуть в водоворотах, чтоб не всплыть до утра. Посему, мой друг Конан-киммериец, предлагаю, пока не поздно, сменить заплеванный погребок с гнусным трактирщиком

на «Льдинки», утопающие в ароматах розового масла и в счастливом женском смехе.

– Пошли, – только и сказал Конан.

Пошли. По дороге варвар успел рассказать своему собеседнику о том, как он, оставив Апрею у холодной, хрустально чистой воды, вошел в бамбуковую хижину.

Глава седьмая

Конана встретила охотничья простота жилища: сделанные из все тех же стеблей бамбука лежанка, стол и лавка, на лежанке навалена сухая трава, на столе лежит засохшая лепешка, к стене прислонены заостренные колья для охотничьих ям. Еще киммериец обнаружил в углу под горкой хвороста крошечный мешочек с солью. Именно тогда, когда Конан бросил соленую находку на стол, снаружи раздался испуганный крик лесной лучницы.

Конан вылетел на улицу, на ходу вырывая меч из ножен и отбрасывая ножны. Поляна, водопад, обнаженная и мокрая девичья фигурка. И три темные фигуры, выскальзывающие из леса на поляну. Одного из них Конан узнал сразу. Изидо. Как не узнать!

Некогда было думать, откуда они здесь взялись. Причиной ли тому предательство Порка, или из Порка вырвали признание пытками, или вмешалась какая-то случайность. Это уже было неважно.

Не удостоив женщину большего, чем беглый взгляд, джаданы устремились навстречу бывшему пленнику. А киммериец, подняв меч, бежал на них. Закат отбрасывал на арену неминуемой схватки зловещий кровавый отсвет...

* * *

– Поверь, Симур, за моими плечами столько битв и поединков, что подсчитать их не взялся бы ни один звездочет, – сказал Конан, купивший по дороге у уличного торговца кулек обсыпанных сахаром орешков и теперь забрасывал по орешку в рот. – И против троих выходить мне не впервой. Случалось противников и поболее. И не только человеческого рода. Когда доходит до боя, рука, ноги, да и все тело работает без подсказок, само по себе. Чаще всего, Симур, исход схватки решается всего за несколько ударов сердца. Это описание занимает не один глоток вина, а сам бой чаще всего заканчивается через несколько взмахов меча. Разумеется, случается и повозиться...

...Закат отбрасывал на арену неминуемой схватки зловещий кровавый отсвет. И воины сшиблись.

Конан – вернее, его тело, чутье, опыт воина – за один миг до столкновения оценив расстановку противников, их скорость, подготовленность их оружия, выбрали маневр. Варвар внезапно и резко, с ловкостью, которую врагу трудно ожидать от его бугрящегося мускулами тела, ушел вправо, ушел от лобовой сшибки с джаданом и одновременно с этим перебросил меч из руки в руку за спиной. Налетавший на Конана воин сумел задержать удар, чтобы не рубить пустоту, но не сумел остановиться и в разбеге напоролся на острие киммерийского клинка.

Конан продолжил движение вперед, всей своей мощью развернув оседающего джадана и вырвав окровавленный меч.

Два шага, один удар сердца и, оказавшись перед шогуном, киммериец направил острие меча в живот вождя колющим, копейным выпадам. Вернее, изобразил таковой удар. А шогун Изидо поверил и взмахнул своим тонким, чуть изогнутым мечом в попытке отбить оружие врага. И тогда Конан поднял над головой двуручник и опустил его на незащищенное плечо вождя джаданов.

Да, плечо было незащищено, и быть ему разрубленным, но второй воин-джадан, который опаздывал к киммерийцу, сделал то, что еще мог сделать: прыгнул и, не раздумывая, подставил себя под клинок, чтобы спасти своего повелителя. Вся силища, вложенная Конаном в рубящий удар, досталась ему. Варвар тут же отскочил назад, чтобы не угодить под атаку шогуна;

Конан и Изидо остались один на один. И они не спешили. Они переводили дух. Два сильных воина, искушенных в схватках. Изидо что-то выкрикнул, зло сощурился и без того узкие глаза.

– Конечно, одному из нас не увидеть завтрашнего рассвета, – ответил ему киммериец.

Конан не сомневался, что шогун отличный воин. И тот не замедлил доказать это. Его меч, словно привязанный, закружил вокруг кисти, превратившись в сверкающий диск.

Конан отступил на шаг. Неожиданно для себя отступил. Сказалось проклятье Бела, чтоб ему подавиться. Будь Конан тем, кем был, он сам бы пошел в атаку, наносил и наносил бы удары без передышки: сверху, сбоку,

слева, справа. Заставил бы шогуну защищаться и пятиться. Джадан в два раза старше варвара и это бы в конце концов решило бы исход схватки.

Но сейчас происходило точь-в-точь обратное. Пятился Конан. Изидо наступал, обрушивая на киммерийца град ударов. Ему сподручно было действовать более легким клинком. А Конан под один удар подставлял меч, но на другой среагировать уже не успевал и просто делал широкий шаг назад.

Звон стали разносился над поляной и, подхваченный лесным эхом, уносился вдаль. Между тем Изидо не кричал, созывая своих отставших воинов, и сама по себе подмога не выбегала из леса. Выходит, их всего трое пришло в эти края?

Тогда, быть может, Порк ни при чем, джаданы просто разделились на два отряда и второй отряд наткнулся на следы его и девушки. Конану оставалось лишь строить догадки и отражать натиск шогуну Изидо.

Искося Конан посматривал в сторону Апреи. Лесная лучница подняла одежду, прижала ее к груди, но почему-то не одевалась. Наверное, внезапное появление джаданов, когда, казалось, беда осталась позади, подкосило ее силы, лишило ее воли. Ей бы сейчас надо быстро одеться и бежать к лесу...

Конан отступал к хижине. Шогун, вопреки ожиданиям киммерийца, не усиливал натиск, видя, что противник поддается. А ведь долавливать надо, опытный воин должен это понимать. Значит, у Изидо не хватает сил на мощную завершающую атаку. И этим следует воспользоваться. Раз Бел отхватил кусок мужества, требуется восполнить этот кусок чем-то другим.

А Изидо продолжал размеренно обрушивать свои удары. Один за другим. Нетрудно понять, чего добивается правитель джаданов. Или того, что противник споткнется, или того, когда он упрется спиной в стену хижины, отступить не сможет и не сможет подставлять свой меч под лезвие клинка джаданов.

И тогда Конан понял – он должен сделать то, чего так ждет его противник. Подарить шогуну победу. Киммериец оступился, припал на колено, уперся свободной рукой о землю. Так это выглядело со стороны. На самом деле Конан был напряжен для броска. Будь посветлее, вождь, наверное, разглядел бы незамысловатый фокус.

Якобы из последних сил Конан отразил направленный в грудь клинок, при этом оружие киммерийца откинуло в сторону. Изидо такую возможность не упустил. Он поднял меч высоко над головой для последнего удара. То есть, это он не сомневался, что для последнего. Слишком высоко поднял свой меч. Этого варвар и ждал. Он бросил тело

вперед, выставив меч перед собой. Сбил шогуна с ног, и киммерийская сталь, насквозь пробив тело вождя, ушла в землю.

Подданные джадана лишились своего повелителя...

– Вот так, – произнес Конан, вытирая меч о траву. – И надо было тебе преследовать каких-то пленников. Все осталось бы по-прежнему, правил бы, царствовал бы...

Варвар поднялся с корточек, взглянул сверху вниз на распростертого вождя.

– Конан! – Апрея подбежала к киммерийцу. Уронила одежду и прижалась к нему нагим дрожащим телом. – Конан...

– Пойдем в хижину, уже все закончилось, – киммериец поднял ее одежду, взял девушку за руку и повел в охотничий домик.

Когда они вошли, в приоткрытую дверь за ними влился свет вкатившейся на небо луны. Лунный свет заполнил квадраты окон. Конан прошел к столу, положил на него ножны. И тут сзади его обняли девичьи руки.

– Я хочу от тебя ребенка, – сказала Апрея с прямою лесной жительницы. – Сейчас. Мы не знаем, что нас ждет. Пусть останется ребенок.

Конан обернулся. Слова лесной лучницы застали его врасплох, такого оборота он никак не ожидал.

А девушка, опустив руки и открыв себя, глядела на него снизу вверх широко открытыми глазами. Ее хрупкая девичья красота подчеркивалась матово-белым светом, словно луна в этот миг тоже была на стороне ее желаний. Распущенные влажные волосы были отброшены назад, капелька родниковой воды блестела на кончике носа.

Дальше все случилось само собой. Апрея прильнула к Конану, поднялась на цыпочки и неумело поцеловала. И желание захлестнуло варвара, как штормовая волна рыбацкую лодку. Он сжал Апрею в объятиях, ответил на ее поцелуй своим, потом поднял девушку на руки и понес к незатейливому бамбуковому ложу...

...Они, утомленные друг другом, лежали на узкой бамбуковой кровати. За стенами хижины свистели и пощелкивали ночные насекомые. Изредка из джунглей доносился то вой, то какой-то рев.

Конан не верил, что он когда-нибудь снова увидит Порка. Однако он будет ждать и искать брата Апреи. Потому что у киммерийца уже не оставалось сомнений, что Порк – тот, кого он должен был разыскать в этом мире и у кого должен был отнять самое ценное. Конану казалось, что он разгадал замысел Бела. Бог воров придумал наяву разыграть легенду этого

мира о братьях-богах, беловолосом и черноволосом. В легенде, помнится, соперничество братьев закончилось временным перемирием. И Бел то перемирие задумал нарушить.

«В конце концов, – с грустью подумал Конан, – мне было предсказано, что я стану королем. И уж не королем ли джаданов мне предназначено быть? Не самое плохое из королевств, наверное. Кстати, королю страны джаданов есть чем заняться – объединить все четыре провинции под одной короной».

Киммериец повернул голову – лучница лежала на спине, забывшись глубоким сном, и во сне улыбалась.

И тут Конан расслышал шаги. Миг – и он вскочил с бамбуковой лежанки, подхватил с пола меч и замер в позе встревоженного хищного зверя, выключив все чувства кроме слуха.

Шаги приближались к хижине. Кто-то мягко ступал по траве поляны, и этот кто-то не был зверем.

Апрея продолжала крепко спать. И варвар пока не намеревался ее будить. Разговор, стук, чих, скрип, другой, даже самый мелкий шум может спугнуть крадущегося в ночи, тот затаится, и жди потом в любой момент удара в спину. А так если человек думает, что в хижине никого нет или же думает, что застанет их спящими, – пусть продолжает так думать. Легче будет управиться.

Шел один человек. Может быть, где-то притаились другие, а это выслан разведчик?..

Шаги приближались. Некто подошел к двери, и Конан сделал беззвучный шаг к порогу, чтобы вошедший сразу оказался в пределах досягаемости меча. Плетеная дверь тихо отошла от косяка...

– Конан, Апрея? – негромко позвали из темноты.

– Порк, чтоб тебе Нергалы снились! – узнал варвар. – Ну заходи, раз явился...

Порк зашел. Огляделся. Казалось, ничуть не удивился той картине, что не позволяла никаких двойных толкований: обнаженная сестра, обнаженный варвар. Порк прошел к столу, устало опустился на лавку.

– Я не верил, что найду вас живыми. – Он болезненно сморщился и потрогал плечо. Только сейчас Конан разглядел, что плечо Порка перевязано тряпичным лоскутом. От голосов в хижине проснулась Апрея и сейчас торопливо одевалась. – Джаданы нагнали меня, когда я уходил в горы, бросив лошадей. Я увидел их сверху и понял, что мне не оторваться. Пришлось принимать бой. Правда, место на этот раз подобрали не джаданы, а я. Я встретил их на узкой горной тропе, где больше чем по

одному ко мне было не подобраться. Джаданы – умелые воины, я это знал и без сегодняшнего боя. Мне пришлось нелегко. Мне, в общем-то, повезло, что их было всего пятеро. Тогда я понял, что джаданы разделились на три отряда.

Что стало со вторым отрядом, я увидел возле хижины. Полагаю, кто-то из джаданов знал про хижину, поэтому они сразу направились сюда.

– Но не по дороге, иначе бы они нагнали нас раньше, – сказала Апрея.

– Наверное, по одной из лесных просек, – предположил Порк.

– Значит, третий отряд еще где-то блуждает, – Конан, отложив меч, начал неспешно одеваться.

– Да, – кивнул брат Апреи и опять схватился за рану на плече. – Но мы уже во владениях шогун Ямото. Ночью им не обнаружить наши следы. А рассвета мы дожидаться не станем. Выступим прямо сейчас и к восходу солнца уже подойдем к воротам Иамиты, к воротам города, где находится дворец Ямото. Там мы будем в полной безопасности...

* * *

– ...И тут, Симур, началось нечто непонятное. Вернее, я не сразу сообразил, что же это такое происходит. – Они поднимались по ступеням крыльца «Розовых льдинок». Перед дверью заведения Конан остановился, чтобы спокойно договорить. – Представь себе какое-нибудь изображение, ну скажем, в храме на стене. И вот кто-то берет мокрую тряпку и начинает его стирать. Краски оплывают, размываются контуры, все размазывается пятнами. То же самое происходило и вокруг меня с хижинной, людьми в ней, с лунным светом. Звуки же словно уходили вдаль по дороге, уводящей в туман. Я, слава Крому, уже одетый, успел схватить меч, пока очертания моего двуручника окончательно не размыло. А потом мир, где стояли таинственные «тоургамы» с замурованными в них колдовскими землями, мир, где обитали джаданы с их шогунами, этот мир исчез окончательно и навсегда... И что это значит, Симур? Все закончилось довольно странно и неожиданно. Выходит, каким-то образом я исполнил желание Бела? Выходит, я украл у Порка самое ценное? Но что? И, главное, если все же не у Порка, то у кого? Может, шогун был тем самым моим двойником и я похитил у него самое дорогое, то есть власть и жизнь?

– Думаю, ни то ни другое, – ответил Симур, открывая дверь «Розовых льдинок».

Гостей встретили ароматы благовоний, плеск вина и веселые повизгивания девочек. Жизнь здесь бурлила и была ключом – в эти праздничные дни, простой и богатый люд, отведав хмельных напитков и вволю навеселившись на площадях, устремлялся в места, где можно в приятном и веселом окружении приятно и весело потратить часть переполнявшей их энергии. Конан неодобрительно покосился на своего спутника – сейчас шумные, а в особенности женские компании его интересовали мало, но мудрец успокаивающе положил руку ему на локоть.

Рядом с Симуrom тут же оказалась симпатичная толстушка в платье с открытыми плечами. Они перебросились несколькими словами, после чего толстушка кивнула и мимо столов, диванчиков, канделябров и ни на что не обращающих мужчин и женщин повела гостей в глубь заведения.

Конан и Симур оказались в уютной комнатке, стены которой были задрапированы розовой тканью с лилиями и птицами, шитыми золотой нитью, а пол покрывал толстый ковер. В комнате обнаружили два кресла, столик и широкая кровать с балдахином. Невесть откуда взявшаяся смазливенькая хохотушка мигом устала столу вином и легкой закуской и быстренько исчезла, повинувшись мановению руки Симура. Симур молча указал Конану на кресло, сам сел напротив.

– Здесь нам никто не помешает, – сказал он. – Без моего сигнала ни одна живая душа не войдет в этот кабинет. А по окончании твоего рассказа ты сам решишь – уйти ли отсюда или остаться на всю ночь, чтобы отвлечься и развлечься...

– Ты сказал, что ни Порк, ни шогун не были моими двойниками в том мире, – угрюмо произнес Конан, принимая бокал красного вина из руки Симура. – И чье же самое дорогое я отнял?

Симур пригубил вино, покатав его во рту, оценивая аромат, удовлетворенно кивнул и наконец проглотил.

– Мне думается, – сказал он, ставя бокал на стол, – что ни Порк, ни шогун, ни все прочие мужчины тут ни при чем... В «Розовых льдинках» все-таки подают самое лучшее вино во всем Шадизаре, это я тебе точно говорю...

– Кто тогда? – только и спросил Конан.

– Апряя, – тихо ответил Симур. – Полагаю, именно она была твоим воплощением в том мире...

Что самое дорогое для девушки? Правильно, ее девственность. И ты

ее отнял? Отнял. Вот и все.

– Да ну, скажешь тоже!..

– Но на этом твои приключения не закончились?

– Ох, не закончились...

Конан залпом осушил свой бокал, даже не почувствовав вкуса, и продолжал, отломив кусок халвы

ЧАСТЬ 4. Чзачжигар

Глава первая

Конан выжидал.

С того самого момента, как варвар выиграл первую часть игры Бела и покинул мир слепцов, и даже в лесном мире – он подспудно чувствовал, что отнятое мужество начнет к нему возвращаться. Понемногу, по капельке, но – возвращаться... Однако тут – ничуть не бывало: он по-прежнему чувствовал унижительный, предательский трепет в каждой клетке своего организма. И очень надеялся, что неверный свет в подземелье не позволит им заметить, как дрожит меч в его руках.

Конан выжидал. Застыл неподвижно, боясь даже сдуть капли пота, стекающие по лицу на шею и грудь. Было жарко. Было душно. Низкие своды пещеры почти физически давили на мозг, едкий дым факелов выжимал слезы из глаз, воздух царапал горло, был спертым, кислым, насыщенным запахами пыли, копоты, пота и мочи. И совершенно невозможно было оценить расстояние до стен, до потолка, до ветвящихся выходов из пещеры – и до сгрудившихся перед варваром существ: вкрапления слюды в граните мерцали, переливались, скользили, текли в колеблющемся свете трещащих факелов, ломали перспективу, сглаживали углы... Если сейчас кто-то из них нападет, сможет ли киммериец отразить удар?..

Но пока никто не нападал. Низкорослые, заросшие шерстью, одетые в какие-то лохмотья твари, плотным шевелящимся полукольцом окружив варвара и бесчувственное тело, которое тот загораживал, разноголосо шипели. Тянули к ним уродливые лапы с длинными жилистыми пальцами, увенчанными кривыми когтями, пускали слюни, злобно вращали вытаращенными глазами, похожими на куриные яйца с нарисованным на них зрачком, – но не приближались ни на шаг. Опасались угрожающе выставленного варваром меча. Между ним и тварями оставалось расстояние примерно в семь локтей.

Конан выжидал.

Непонятно чего. Ясно было, что твари, окружившие и его, и спасенного им человека, не нападут первыми. Но и не расступятся, выпуская. Ситуация безвыходная. Для обеих сторон.

Несмотря на отталкивающий вид, бестии эти все же были людьми – по крайней мере, хотя бы одно человеческое существо явно затесалось в список их предков. Но, как видно, с тех пор минуло уже много времени, и

черты, присущие людям, почти стерлись в их облике...

Ну что ж, раз они более-менее люди, раз умеют держать факелы в лапах, не боясь огня, как любое животное, значит, человеческий язык понимать должны... Наверное.

– Разойдитесь, – негромко приказал Конан сквозь зубы, постаравшись вложить в голос как можно больше твердости. – Все назад. Или я сам проложу себе дорогу. Сквозь вас.

Похоже, подействовало. Его услышали. И поняли.

Твари отшатнулись на полшага, зашипели еще громче, еще злобнее. Конан крепче сжал рукоять меча. Либо сейчас нападут, задавят массой, либо расступятся. В любом случае – главное, чтоб не заметили, как дрожит меч в его руках...

– Он наш-ш-ш... – вдруг послышался скрипящий голос из толпы существ, перекрывший общий рокот. – Отдай-й его-о... И с-сам ух-хо-ди... Он наш-ш...

– Я уйду с ним. И вы выпустите нас. Немедленно, – уже более уверенно проговорил Конан. – Не то кое-кто останется здесь, под землей, навсегда. Даже хоронить не надо будет.

– 3-зачем он т-тебе... – продолжал трусливо скрипеть все тот же голос. – Отд-а-ай его... Вор-р-р-р...

– Естественно, – оскалился Конан. И повторил: – Дорогу.

И тут...

И тут толпа расступилась. Будто послушавшись невысказанной команды, твари вдруг разом разошлись в стороны, образовав узкий шевелящийся коридор.

Северянин, не спуская глаз с чудовищ, медленно разжал пальцы левой руки, выпустив рукоятку меча, наклонился, подхватил бесчувственное тело. Взвалил его на плечо, выпрямился. Твари не делали ни малейшей попытки напасть, даже не придвинулись ни на шаг. Трусливые бестии, порождения демонского семени...

Конан сделал шаг вперед, продолжая отслеживать взглядом и кончиком меча возможную опасность. Чудовища опасливо тянулись к нему скрюченными пальцами, скалились в злобной гримасе, но на большее пока не решались. Шаг за шагом северянин вышел за пределы полукольца, повернулся и дальше двигался спиной вперед – дабы не предоставлять подземным жителям удовольствия напасть сзади. Он направлялся в левый коридор – именно там, насколько помнил варвар, находился выход из каменного лабиринта.

– Ты ещ-щ-ще пож-ж-жалееш-шь, ты, такой ж-же вор-р-р... – донесся

до него угрожающий скрежет все того же уродца.

«Такой же?» – краешком сознания удивился Конан, но тут же запретил себе думать о постороннем.

Только теперь он разглядел говорившего за всех: дряхлый, росточком почти по пояс варвару, нечесанные седые лохмы склизкими змеями лежат на плечах, из-под белых бровей сверкают вылупленные бельма...

Варвар пропустил его слова мимо ушей. Стараясь не поскользнуться на влажных камнях, он двигался к светлеющему за спиной пятнышку света. К выходу из душного подземелья. Если слова седого карлы возымеют действие...

Не возымели. Никто так и не посмел помешать киммерийцу. Пятно света делалось все явственнее и больше, вот уже и свежим ветерком потянуло... Он беспрепятственно выбрался наружу, аккуратно положил человека, вызволенного им из подземного плена, на плоский камень и всей грудью вдохнул сырой воздух свободы. И только потом, оглядевшись, вложил меч в ножны.

Никого.

– Что ж, – совершенно спокойно сказал он самому себе, стараясь не замечать, как дрожат пальцы рук, и посмотрел на распростертого перед ним человека. – На этот раз, кажется, мне повезло с первого раза...

Человек, лежащий перед ним на гранитной плите, был точной копией его самого – варвара Конана, северянина из далекой Киммерии.

* * *

Конан на мгновенье запнулся.

– *Хитро*, – азартно покивал Симур и налил себе еще вина. – *Хорошо придумано. Признаться, я ожидал чего угодно, – даже того, что твоим двойником в третьем мире окажется либо бродячая шелудивая шавка по кличке... ну, допустим, Конанка, либо, напротив, какое-нибудь вымышленное божество по имени, скажем, Всемогущий Конаннус...* Но чтобы в первую же секунду своего пребывания там наткнулся на самого себя – да еще ничуть от себя самого не отличающегося... Но, как я понимаю, тебе повезло только на первый взгляд.

– *Правильно понимаешь*, – криво усмехнулся Конан. – *Честно сказать, ни удовлетворения, ни радости от вроде бы близости развязки я не*

испытывал – одну только усталость. Надоела мне эта дурацкая игра... Да и не верилось почему-то, что все окажется так просто – в первые же минуты пребывания в этом последнем мире найти собственного двойника... Более того: спасти его от банды каких-то подземных гадин – да он же сам мне с радостью отдаст самое ценное, что у него есть, – в награду за спасение! Значит, остается только вывести, что же является этим самым сокровенным в его жизни – и все? Игра выиграна? Сомнительно. Пусть я утерял мужество, но уж разума-то не лишился! И сразу насторожился. Не поверил, что Бел под завязку позволит мне расслабиться и подсунет кусочек послаще...

Впрочем, по правде-то говоря – и забегая вперед, – все действительно оказалось проще простого... хотя тут уж как посмотреть...

* * *

Они, Конан и его местный близнец, находились на самом дне огромной воронки, образованной склонами непреступных гор. Тут и там на склонах белели руины стен и фундаменты строений, – строений некогда гордых и величественных, а ныне превратившихся лишь в блеклое воспоминание о былом могуществе их создателей. Дикие заросли чахлого кустарника и низкорослых деревьев почти целиком прятали их под своим блекло-зеленым покрывалом, прорастая между камней и сквозь камни, тяня к небу свои сучья перед камнями и позади них...

Небо над головой тоже было тусклым и блеклым, через пелену облаков тускло пробивалось бледное солнце, рождая на земле серые тени. Ни одной яркой краски, ни одного чистого цвета.

Конан покосился на выход из пещеры, которую он только что покинул: узкая молниеобразная щель в поросшей лишайником скале, беспросветная мгла там, внутри. Там, где корячатся в бессильной злобе подземные уроды, не решаясь выйти на солнечный свет.

Конан Номер Три пошевелился, глухо застонал. Не открывая глаз, ощущал себя, резко сунул руку в складку одеяния на боку, нащупал там что-то – и снова затих.

Киммериец присмотрелся к собрату повнимательнее. Что и говорить, сходство полное, абсолютное и сомнению подлежащее. Те же черты лица – четко очерченные, мужественные (хотя, в нынешней ситуации с Конаном-

шадизарцем, последнее сравнение выглядит несколько натянутым), те же фигура, рост, длина и цвет волос... Различалась разве что одежда. Двойник был облачен в длинную, до пят лазурного цвета- хламиду, грязную и несколько потрепанную, однако даже в таком виде за лигу извещающую о том, что ее владелец – отнюдь не попрошайка и не жалкий базарный воришка: плотная, дорогой материи, обшита золотистой нитью по кайме... Плюс несомненно шитые на заказ сандалии, плюс ухоженная кожа, чистые ногти и отсутствие мозолей на ладонях – все вкуче свидетельствовало: профессии близнецов явно отличаются друг от друга, как день отличается от ночи...

Ну что ж, ты еще неизвестно кто, но я-то – вор... Конан склонился над телом и осторожно принялся обыскивать складки одежды. Пусто. Ничего. И в этот момент двойник открыл глаза. От неожиданности киммериец отпрянул.

Обнаружилось еще одно отличие между ними: глаза местного Конана были оранжевого, как предзакатное солнце, цвета. Несколько томительно долгих мгновений оба «родственника» смотрели друг на друга.

– Ты кто? – наконец негромко произнес оранжевоглазый.

– Конан, – сказал северянин, и только потом пожалел о сказанном. Слышал он о диких племенах на юге, которые искренне верили, что если враг узнает твое настоящее имя, то сможет навредить тебе, тебя даже не видя.

– Странно... – протянул спасенный, приподнялся на локтях, сел и огляделся. – Ага, Спуск Мрака, вот где они меня... – Потом он внимательно посмотрел в глаза Конану и повторил еще более медленнее: – Конан, говоришь?.. Еще более странно. И откуда ты взялся, позволь спросить? Я помню только, как эти подлые хнумы ударили меня чем-то сзади по голове – и именно в тот самый момент, когда я уже увидел Пьедестал Тысячи Огней в... – Он неожиданно запнулся и взял Конана за грудки. – А как ты оказался там? И кто ты такой? Где-то я уже тебя видел...

Северянин по возможности мягко высвободился из железной хватки двойника: ссориться в первые же минуты встречи он не собирался.

– Я – Конан, – повторил он. – Я просто оказался в нужном месте в нужное время. – Подумал мгновенье и рассказал правду... впрочем, не всю: – Я оказа... то есть, я стоял за камнем, там, под землей, и тут мимо меня пробежал ты. За тобой гналась толпа каких-то уродов, что-то кричали, ругались... Мне тоже показалось, что я тебя где-то видел – вот и решил вмешаться. Трусливые они были, трусливей, чем... чем один мой знакомый – так что я тебя и вызволил...

– И ты тоже меня где-то видел... – угрюмо сказал оранжевоглазый и снова цепко ухватился за Конана. – А тебе не кажется, что...

– Кажется, – оборвал его киммериец. – Кажется, что нам надо поскорее убираться отсюда.

Двойник секунду поразмыслил и кивнул.

– Кто бы ты ни был – спасибо. И он протянул руку.

Конан рывком поставил его на ноги. Двойник поморщился, пощупал набухающую шишку на затылке и вдруг усмехнулся.

– Ты мне здорово помог... брат, – сказал он. – Сами боги послали тебя мне.

«Не боги, а бог, покровитель воров», – мысленно поправил Конан. Однако был вынужден согласиться: именно к нему его и послали. Но вот за чем?..

– Ты издалека? – напрямик спросил оранжевоглазый.

Конан мгновенно насторожился:

– С чего ты решил?

– А с того, что ты не бросился мне в ноги и не покрыл мои сандалии поцелуями, как любой другой местный обитатель, – с мягкой улыбкой и оттенком брезгливости к этим самым местным обитателям ответил близнец. – Из чего я делаю вывод, что ты меня не узнал. А поскольку я прекрасно известен каждому бродяге в округе, то я и делаю вывод...

– Что-то мне не показалось, будто эти твари, которых ты назвал хнумами, были готовы лобызать тебе ноги... – усмехнулся Конан. Напряжение постепенно отпускало его. Как бы то ни было, пока все сходилось: внешность, сама встреча «близнецов» – вероятность которой была бы исчезающе мала... если забыть об обстоятельствах, прогнавших варвара за любые мыслимые границы родного мира...

– Ах, эти, – отмахнулся оранжевоглазый. – Вывести под корень тупых уродов – и дело с концом...

– И кто же ты, позволь спросить?

– Меня зовут Ка'ан, – представился местный и слегка поклонился. – В некотором роде, я правитель этого бедного края... – Он обвел рукой окружающие их скалы, а северянин, изо всех сил постаравшись сохранить на лице невозмутимое выражение, подумал: «Ого! Правитель? И что – поможет это мне в моих поисках или, наоборот, затруднит игру, навязанную Белом?»

Еще и имя!.. Впрочем, не стоило забывать и о слепце Коэне, чье имя тоже было созвучно, и об Апрее, чье имя никоим образом созвучно с именем варвара не было... Но внешность-то, внешность!..

Наверное, все же какие-то чувства отразились на лице киммерийна, потому что Ка'ан внимательно посмотрел ему в глаза и спросил:

– Тебя что-то тревожит, друг мой?

– Я, признаться, удивлен, – поспешно ответил Конан. – Правитель, который разгуливает в одиночку, без охраны по столь опасным землям...

– Да, вижу, ты действительно прибыл издалека... Видишь ли, брат – позволь мне называть тебя братом, хотя бы потому, что я твой кровный должник, – так вот, ни один человек не посмеет напасть на меня. Потому что знает: я умею защищаться... и нападать. Ни один – кроме этих злопакостных хнумов. Впрочем, не будет ли лучше продолжить наш разговор в более приятной обстановке? Я имею в виду мою убогую лачугу, которая в более богатых странах должна была бы быть королевским дворцом. А говоря проще, приглашаю тебя в гости – отдохнуть, усластить желудки скромной пищей и простым вином и поговорить. Почему-то мне кажется, что нам есть о чем спросить друг друга и что рассказать друг другу.

Надо сказать, витиеватая и искренняя речь Ка'ана произвели на киммерийца самое благоприятное впечатление. «Брат-близнец» определенно нравился Конану все больше с каждой минутой. Впрочем, и о своей задаче он не забывал. Интересно, что для Ка'ана самое дорогое? Может быть, власть? Ну, низвергать королей с тронов – это мы умеем, этим мы уже занимались... Вот только вряд ли хитрый Бел припас напоследок столь простое решение.

Как бы то ни было, они взбирались по крутому склону воронки, помогая друг другу на особо сложных участках дороги – там, где кустарник разросся особенно буйно, или остатки древней кладки стеной вставали на пути, или дорогу пересекали заросшие бурьяном рвы... Двойник Конана шел уверенно и прямо, будто по протоптанной тропе, хотя никаких признаков тропы под ногами северянин не замечал, сколько не приглядывался – либо давным-давно заросли все пути-дорожки, либо строители древнего города понятия не имели о транспортных, так сказать, магистральных...

В развалинах обитали люди – чем выше по склону взбиралась пара «братьев», тем чаще встречались им какие-то оборванцы с длинными, спутанными волосами, молча ковыряющиеся среди руин разрушенного города. Завидев «близнецов», некоторые стремились побыстрее скрыться между камней, а иные и в самом деле простирались ниц перед своим правителем.

– Бродяги, – на ходу бросил Ка'ан, оглябая основание некогда

исполинской белокаменной колонны, напоминающее пень огромного дуба, и горько усмехнулся. – В Чзачжигаре в основном и живут бродяги... Так что я – король бродяг, как это ни прискорбно... – Он сплюнул себе под ноги. – Ну ничего, скоро все изменится, дайте мне только добраться до Пьедестала Тысячи Огней...

– В Чзачжигаре? – переспросил Конан.

– Ну да! – удивился правитель. – Эта земля и город так и называются – Чзачжигар. Кто же ты такой, брат, если даже не знаешь, куда попал?

– Странник, – горько вздохнул Конан. – Бродяга...

Несмотря на то, что оборванцы старались споро убраться с дороги, он заметил, что у всех глаза самые обыкновенные – карие, голубые, черные – но не было ни одного с оранжевыми глазами. Что это – символ королевской власти? родовой знак? что-то еще?..

Глава вторая

Наконец мы выбрались из воронки – глубокая она была, с четверть лиги, наверное, – глухо сказал Конан, глядя куда-то мимо Симура. Он не видел ничего вокруг: ни богатого убранства комнаты, ни Симура, замершего напротив и превратившегося в самое внимание, его взор снова обратился к событиям недавнего прошлого. – Ну, огляделся я. Торы, горы, вокруг только горы – без конца и края, большие, со снегом на верхушке, маленькие, поросшие чахлым лесом, потрескавшиеся, изломанные...

«Это и есть Чзачжигар, – грустно сказал Ка'ан. – Бывшая столица бывшей великой страны Чзачжигаран». К востоку, там, где в долину напал громадный язык давно сошедшего камнепада, когда-то был город – этим самым камнепадом, как пить дать и снесенный. Остатки зданий точно такие же, как в воронке, но жизнь кое-какая в самом городе теплится – над лачугами, приютившимися среди развалин, поднимается дымок, брешут собаки, какие-то жалкие огородики вдоль склонов долины... «Что тут произошло?» – тихо спросил я. Поверишь ли, мудрый человек, но у меня сердце сжалось, когда я представил себе величие и красоту города во время его расцвета...

Конан ухмыльнулся.

– Видать, потеря мужественности превращает человека в бабу – я и не думал никогда, что едва не расплачусь, увидев подобную картину разорения и запустения...

«Страшная катастрофа обрушилась на Чзачжигаран пятьдесят лет тому назад, – с напускной бесстрастностью ответил мой «братец». – Была война... Извини, сейчас не могу об этом говорить...

В общем, самый нищий квартал Шадизара по сравнению с этим городом выглядит прямо-таки обиталищем зажавшихся богачеев. А в центре этого Чзачжигара возвышалось обширное высокое, строение – со стрельчатыми окнами, сложенное из того же белого камня, из которого некогда возводили и прочие дома в городе. И хотя размерами и монументальностью оно превосходило все прочие здания Чзачжигара, даже отсюда, глядя с расстояния в лигу, я как-то сразу понял, что это не сохранившийся со времен процветания дворец – что дворец возведен недавно, из обломков и осколков строений рухнувших...

А еще у меня отчего-то возникло ощущение, что воронка, откуда меня вывел мой новообретенный брат, очень уж похожа на удар кулака –

как будто некий великан треснул со всего маху по этому городу, да маленько промахнулся...

* * *

На каменистом краю воронки поднявшихся встретили люди в кожаных доспехах, числом шесть, по чьим лицам, фигурам, вооружению и каменным выражениям лиц Конан безошибочно угадал их профессию. И готов был броситься грудью на острие собственного меча, если окажется, что он ошибается и что это не телохранители. И, естественно, телохранители правителя Ка'ана.

И еще заметил Конан: глаза у всех шестерых были такого оранжевого цвета, как и у того, кто назвался королем бродяг.

Кончатъ с жизнью, к счастью, не пришлось – догадка варвара полностью подтвердилась. Едва они ступили на относительно ровное место, шестерка слаженно окружила их, взяв в плотное кольцо, и Ка'ан, в ответ на вопросительные взгляды охраны, произнес несколько слов на незнакомом киммерийцу гортанном языке. Потом покосился на Конана и перевел:

– Ничего не получилось. Они выставили посты, теперь к Пьедесталу незаметно не подобраться. Тв-вари... Ну ничего, есть у меня кое-какие мыслишки. Возвращаемся во дворец.

..Нет нужды описывать дорогу до города – точнее, до руин, ничего интересного с ними не произошло. Их по-прежнему окружали серые, угрюмые склоны древних гор, каменистая дорога тянулась вдоль дна глубокого распадка; они миновали камнепад – беспорядочное нагромождение огромных валунов, перегородивших полдолины, и наконец ступили в Чзачжигар.... где тоже не было ничего интересного: развалины, хижины, грязные дети копаются в грязи на обочине, тощая овца из-за покосившейся ограды проводила процессию бессмысленным взглядом, обитатели города, увидев Ка'ана с эскортом, как и те, в воронке, либо торопились спрятаться, либо падали на землю и утыкались носом в пыль. Да и выглядели они точно также – оборванные, грязные, заросшие... и все с нормальными глазами. Ка'ан, равно как и охранники не обращал на подданных никакого внимания. Впрочем, иногда встречались и другие – в разноцветных богатых одеждах, величественные, следующие в

сопровождении охраны... и были они, как один, оранжевоглазыми. Ка'ану эти почтительно кланялись – не без чувства собственного достоинства, но с опасливым почтением... А Конану отчего-то вспомнился первый мир – где только «боги» имели право быть зрячими, а простой народ – был принудительно ослеплен... Но варвар отогнал от себя пришедшее на ум сравнение: здесь различие между «высшей кастой» и «плебеями» было только" в цвете глаз. Может быть... Да тут все может быть. Каждый мир – сумасшедший по-своему...

Единственное уцелевшее строение из камня, как Конан и подозревал, оказалось резиденцией короля Ка'ана. Оставив стражу у портала, правитель Чзачжигара провел Конана пустыми кривыми коридорами. Пахло пылью, плесенью и сыростью. Шаги «братьев-близнецов» гулко отдавались среди голых каменных стен – ни картин, ни драпировок, ни зеркал... Да, видать, совсем плохо шли дела у страны Чзачжигаран, если даже король вынужден прозябать в такой нищете... И Конан еще больше зауважал столь простого, неприхотливого, не заносчивого правителя – которому плевать на роскошь и богатство во время, когда страдает простой народ... Мелькнула мысль: уж не этим ли хочет Бел усложнить ему третье, последнее задание? Полагая, что Конан подружится с Ка'аном, проникнется к нему уважением – и очень уж сложно будет ему отобрать самое дорогое?... А что, очень похоже: не даром они так похожи с местным королем бродяг.

* * *

– В общем, привел он меня в такой же обшарпанный и совершенно пустой зал, где не было ровным счетом ничего, кроме большого окна, стол, которому было сто лет в обед, да двух колченогих кресел. Усадил меня, сел напротив, хлопнул в ладоши. Тут же появилась девчушка – из простых, ну, из 'тех, с обыкновенными глазами. И одетая чуть более аккуратно, чем ее соплеменники в городе. Ка'ан что-то приказал ей негромко, она исчезла и спустя несколько минут вернулась с подносом. Фрукты, мутная бутылка с длинным горлышком, два глиняных бокала, деревянный поднос с нарезанным мясом, головка сыра, зелень. Поставила на стол и с лицом, на котором, кажется, от рождения застыло выражение испуганной покорности, удалилась, оставив нас наедине.

Некоторое время правитель молчал, разглядывая меня и о чем-то размышляя, потом встрепенулся, будто придя к какому-то решению, и пригласил отпробовать «скудных подношений моих добрых, но несчастных подданных», как он выразился.

Ну, отпробовали. Я, конечно, ел и пил только после того, как то или иное «блюдо» и вино соизволят откушать его величество – не то, чтобы я ему не доверял, но все же... Мясо пахивало дымом, зелень была вялой, вино – кисловатым... В общем, едал я и хуже, но не в королевском же дворце! Заморив червячка, Ка'ан еще немного помолчал раздумчиво, наконец вздохнул и сказал:

«Я в полном недоумении, брат, и эта ситуация меня откровенно пугает. Я не знаю, кто ты и откуда, почему похож на меня как две капли воды, зачем прибыл сюда – а ты явно не из местных, как получилось, что ты оказался в логове хнумов в одно время со мной... Вопросы так и роятся в моей голове. Скажи, ты следил за мной? Что тебе от нас надо?»

«Клянусь своим богом и своей жизнью, – говорю, – что я за тобой не следил. Я, увы, не принадлежу самому себе, а здесь оказался, чтобы отыскать одну вещь...

– При этих моих словах Ка'ан весь подобрался, глаза его запылали как предзакатное солнце. – И я не собираюсь причинять тебе какой бы то ни было вред».

Под столом я на всякий случай скрестил пальцы

– мало ли как оно могло повернуться...

«И что это за вещь, позволь узнать?» – тихо спросил правитель.

«Поверишь ли, но я и сам не знаю. Мне известно только, что как только я отыщу ее, мой... мой наниматель отдаст мне то, что взял у меня в залог под нахождение этой вещи».

«Ты говоришь загадками, Конан, – нахмурился Ка'ан. – Должен ли я верить тебе?»

«По крайней мере, я спас ваше величество от тварей в подземелье – и ничего другого в качестве доказательства своих мирных намерений я предложить не могу...»

Видишь, мудрый Сумур, каким вежливым и велеречивым я стал за это время-Короче говоря, наплел я ему, что приехал из страны Шадизар, находящейся так далеко, что подо мной-де пали восемь коней, и что только он, король Ка'ан сможет помочь мне в моих поисках... Дескать, мне ничего не известно том, что случилось с Чачжигаром и Чзачжигараном вообще. Что, мол, за война? Почему у одних людей нормальные глаза, а у других – оранжевые? Кто эти бестии – хну мы, что

обитают в подземных пещерах?

Не знаю, поверил ли он мне, но, после долгой паузы, рассказал вот что.

* * *

– Не знаю, как протекала жизнь в Чзачжигаране пятьдесят лет назад, – печально начал Ка'ан, – но, судя по рукописям, найденным мною в Книгохранилище Чзачжигара, это была страна изобилия и благоденствия... всего-то пятьдесят лет назад – а теперь видишь, во что превратились эти некогда богатые земли?.. Во всем виноваты хнумы – те самые подземные чудовища. Никто не знает, откуда они пришли и почему напали на Чзачжигар, но факт остается фактом: за полстолетия эти нелюди разорили страну и превратили ее в руины. Они появлялись из-под земли в самых неожиданных местах и исчезали так же быстро и незаметно, воровали детей, подкапывали здания, портили дороги... Я читал, что целая армия короля Страга, моего отца, отправленная в горы на поиски хнумов, провалилась под землю – вся, целиком, со всеми воинами, офицерами и оружием... с тех пор никто не видел ни одного солдата из этой армии... Разумеется, это было дело их грязных лап... – Он неожиданно ударил кулаком по столу. – Проклятые твари! Они лишили меня всего – детства, богатства, счастья, трона! Мой отец успел вывезти меня из страны – я воспитывался в Пакче, на берегу океана... Но я – все же наследник, и я решил вернуться. И вернулся... В бедный, разоренный Чзачжигаран. Вернулся только с одной мыслью: отомстить.

Ка'ан помолчал и посмотрел прямо в глаза Конану. Сказал негромко:

– И я знаю, как вернуть себе трон, моей стране – былую славу, а заодно и прогнать подземную нежить. Полагаю, сами боги послали тебя мне. Если, брат мой, ты согласишься мне помочь, если будешь таким же храбрецом, каким показал себя там, в пещере (при этих словах киммериец внутренне передернулся), то, с твоей помощью и помощью богов, мы спасем Чзачжигаран от захватчиков... сможешь ли ты мне?

Опять, опять, в который раз судьба несла Конана по течению, и он ничего не мог поделать, чтобы изменить ход событий, чтобы избежать предначертанного... Да и нужно ли было менять Линии Судьбы?..

– Чего ты от меня хочешь? – напрямую спросил варвар.

Ка'ан встал и стремительно заходил из угла в угол.

– Не так давно я узнал их слабое место, – сказал он. – И я сегодня попытался ударить по нему – безуспешно... и если б не ты... Мне известно, что вся нечеловеческая сила и власть хнумов заключена в огромном драгоценном камне, который они берегут пуще собственных жизней... Я знаю, где он хранится. Я знаю, как его раздобыть... Я совершил ошибку – попытался завладеть им в одиночку... Это было неправильно. Но теперь – с твоей помощью – у меня, у нас все получится. Мы проникнем в логово хнумов и украдем этот камень. А потом соберем войско и ударим со всей силы, которую нам придадут отчаяние и жажда свободы... Согласен ли ты, Конан, отправиться вместе со мной за счастьем для всего Чзачжигарана?

– Но я-то для чего тебе нужен? – спросил Конан.

– Не знаю, – простодушно ответил правитель. – Но я уверен, что наша встреча отнюдь не случайна. Мы же с тобой похожи, как две капли воды – не зря боги заставили пересечься наши жизненные пути...

«Ты и сам не знаешь, насколько ты прав», – подумал северянин. Помолчал, сжимая рукоять меча, стоящего между его ног, и тихо спросил:

– Когда выступаем?

Глава третья

Смолистые факелы бросали масляно-желтый, дрожащий свет на низкие своды подземных туннелей, на окаменевшие сосульки над головой и под ногами, на ниши и черные провалы неизвестно куда ведущих ответвлений, на капли воды, нудно долбящие камень пещер.

Они двигались друг за другом в чаду пропитанных смолой тряпок. От догорающих факелов зажигали новые – их запас хранился в заплечном мешке одного из людей Ка'ана.

Люди повелителя Чзачжигара казались выводком таких же братьев-близнецов – благодаря тому, что ростом и телосложением были примерно схожи, да еще и одеты совершенно одинаково: в черные облегающие одежды. Той же тканью были обмотаны их головы, лишь оставлены прорези для глаз.

Двигались уверенно. Человек, шедший первым, видимо, неплохо изучил подземные лабиринты. Иногда он, а за ним и все остальные, останавливались, вслушиваясь в храмовую тишину подземного мира. Ее нарушали разве что треск факелов, капель грунтовых вод и дыхание двух десятков людей. Ну, разве что иногда хлопали крылья потревоженных летучих мышей. А однажды где-то вдалеке словно бы кто-то пробежал, рассыпая по подземелью мелкую дробь торопливых шагов. Но звук этот затих, пропал и больше не повторялся...

В лабиринтах, пронизывающих горы, изменялись все наземные чувства и представления. Например, невозможно было определить ни пройденное расстояние, ни время, что миновало с момента, когда остался за спиной дневной свет и они ступили во владения пещерного мрака, пропахшего гнилью и сыростью. Они просто шли и шли к своей цели, нагибаясь, протискиваясь, обходя водопады подземной воды, переступая трещины.

Наконец они оказались в просторной пещере. Посредине прочно утвердилась могучая известняковая колонна, соединяющая верх и низ, а по окружности пещеры зияли дуплами гнилых зубов многочисленные ходы.

– Здесь мы разделимся, – сказал Ка'ан, глядя на Конана. – Один отряд возглавишь ты, другой – я.

– И зачем это? – тихо спросил киммериец. Разговора о делении на два отряда до этого между ними не было.

– Я и мой отряд – мы уведем хнумов за собой. Они начнут нас

преследовать. Хнумы глупы, они увидят меня и ринутся в погоню всей стаей. В пустые хнумовские башки и не придет, что кто-то другой, кроме меня, сможет подобраться к их святыне. А подберешься ты. Если хнумы и оставят кого подле Пьедестала, то всего лишь нескольких... особей. С ними вам не составит труда разделаться.

Конан, подумав, признал, что план Ка'ана неплох. Киммериец и сам зачастую пользовался таким приемом, работая с кем-то на пару. Пока сторожа гонялись за напарником, нарочно поднимавшим громкий шум, Конан спокойно пробирался в дом или хранилище и набивал торбу чужим добром. А что до того, кто из них двоих больше рискует... Возможно и тот, за кем погонятся всей стаей.

– Ладно, – кивнул киммериец. – Где встречаемся?

– Наверху, – ответил Ка'ан, сверля собеседника своими диковинными оранжевыми глазами. – Мои люди выведут тебя на поверхность. До встречи, брат.

Сказав это, Ка'ан резко повернулся и исчез в одном из черных отверстий. За ним без разговоров, без деления «на первый-второй» последовала ровно половина отряда. Значит, со своими людьми Ка'ан договорился заранее.

Конан обиды не почувствовал. Почему, собственно, правитель должен доверять незнакомцу, появившемуся столь загадочным, а следовательно, подозрительным образом? Только потому, что тот похож на него, точно две капли воды?..

И снова потянулись извилистые подземные коридоры. К запахам гнили и плесени добавился легкий серный душок. Потом примешались ароматы мочи и кала – видимо, они приближались к местам, часто посещаемым хнумами.

Конан двигался в середине возглавляемого им отряда. Проходы становились все более узкими. Иногда киммерийцу приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы протиснуть свое далеко не крошечное тело между стенами. Ясно, что хнумы долбили туннели под свои размеры, а не под размеры гостей сверху – и тем более не под размеры выходцев из другого мира. Конану даже пришлось снять со спины и держать в руках ножны с двуручным мечом.

А вот людям Ка'ан оружие ничуть не мешало. Из оружия у них с собой имелись лишь короткие, широкие мечи, висящие в ножнах на поясах.

– Оставим один факел, – произнес двигающийся первым. Таким образом, Конан, спустя немалый срок, обнаружил, что, оказывается, люди Ка'ана умеют разговаривать.

Они затоптали лишние факелы подошвами сапог и продолжили движение. Неожиданно проходы стали вновь расширяться. Более того – сделались чище: каменные сосульки здесь не свисали с потолка и не ставили подножки натеки извести, трещины, в которые могла бы угодить нога, здесь были предусмотрительно засыпаны мелкой породой. Полное впечатление, что кто-то заботился об этих коридорах. Отпала необходимость – и Конан вновь закинул меч за спину.

Между прочим, значительно ослаб... – да что там! – почти сошел на нет запах мочи и кала. Отсюда можно сделать вывод, что они уже на подходе к месту, где хранится святыня хнумов. А возле святынь даже хнумы не гадят.

В этих широких туннелях к привычным уже звукам стали примешиваться новые: то донесется грохот упавшего камня, то топот ног, то посвист. Конан подумал, что это хнумы обнаружили отряд Ка'ан и начали обещанную погоню.

Идущий первым загасил факел, когда впереди показалось светлое пятно. Быстро одолев последний участок подземных дорог, они дошли до конца коридора.

Их взглядам открылась пещера, по площади превосходящая главный храм Митры в Шадизаре и уходящая ввысь на длину полета стрелы, ее своды едва угадывались в темноте. Выбравшись из туннеля, отряд Конана очутился на уступе, находящемся точно над центром подземного зала.

А в центре зала возвышалась величественная колонна – плавно сужающаяся кверху, и снизу доверху сплошняком украшенная самоцветами. Причем блеск этих тусклых при обычном освещении камней в мерцании факелов завораживал, манил и... и...

– Гипнотизировал, – тихо подсказал Симум.

– Наверное, – не слушая, ответил Конан, погруженный в воспоминания о загадочной колонне.

* * *

Переливы отблесков факелов на камнях и в самом деле производили на разум странное, приятное, но настораживающее действие – хотелось смотреть на игру света постоянно, думать о собственном несовершенстве и стремиться к единению со столь чарующим зрелищем... При взгляде на

колонну желалось стать лучше, чище, добрее, умнее, справедливее и... и... и не было слов, чтобы описать это желание, которое обуяло каждого из отряда...

Остается лишь заметить вскользь, что вершину колонны венчал исполинский, размером с голову лошади рубин, чертовски похожий на тот, за который Конан выдавал дубинку в Храме Бела... Правда, в отличие от прочих рубинов, этот был прозрачен и наполнен неким нутряным сиянием... впрочем, возможно, это лишь игра света и тени заставляла думать, будто светится сам рубин...

Но – «Опять рубин? Опять камень, который я якобы украду?!» – подумал Конан.

* * *

– *Так-так-так, – прошептал Симур.*

* * *

Как бы то ни было, прибыли они сюда не за этим.

Конан и девять подчиненных ему воинов легли на живот и осторожно высунули головы. Прав оказался Ка'ан – действительно, на площадке перед колонной находилось всего трое этих самых хнумов. Три лохматых старика. Двое, сгорбившись, сидели на приступочке и вроде как дремали. Площадку перед колонной освещали факелы и светильники в виде плоских. Третий старик-хнум как раз зажигал от факела потухшую плоску.

Впрочем, поправил себя Конан, все хнумы выглядят как старики, а на самом-то деле этим внизу, может быть, лет от силы...

Конан не успел додумать свою мысль.

Они повалились отовсюду, как спелые яблоки от ударов колотушкой по стволу: спрыгивали с верхнего карниза, выскакивали из-за камней, выскальзывали из щелей в стене и даже из щелей в полу. Маленькие, темные, уродливые человечки, которые – кто бы мог подумать – умели прятаться, как опытные наемные убийцы.

Конан успел вскочить на ноги, успел выдернуть меч из ножен, он даже сумел сделать наугад два колющих выпада, после чего его ноги облепили хнумы, некоторые из них запрыгнули ему на грудь – и северянин рухнул спиной на камень, как подрубленный дуб. Дикая боль в запястье от впившихся в него десятков ногтей и зубов заставила киммерийца разжать пальцы и выпустить меч из ладони. Оружие, конечно, тут же уволокли и, думается, безвозвратно. «Проклятье Бела еще плавает в твоей крови. В твоей разжиженной крови, приятель», – сказал сам себе Конан, безостановочно всаживая кулаки в бесформенную, шевелящуюся, волосатую и вонючую кучу и безуспешно пытаясь подняться. А сверху наваливались и наваливались все новые хнумы. Варвар почувствовал, что мерзкие карлики опутывают его веревками.

Конан еще бился, катаясь, отшвыривая, колошматя, лягаясь, бодаясь. Но собьешь одного хнума – тут же на тебе виснут еще двое, молчаливых, сопящих, упорных. Киммериец напоминал сам себе медведя, на которого набросилась свора собак. И хотя медведь намного сильнее, но всех собак не передавишь, тем более, когда конца краю не видно этим собакам.

Вот на голову накинута мешок, провонявший тухлятиной. Вот хнумы пытаются стянуть его лодыжки веревками...

«Конец, – подумал Конан. – И какой позорный... Ну уж нет, не бывать, клянусь Кромом! Чтобы сына Киммерии поволокли на убой, как теленка!..»

И киммериец, собравшись с силами, перекатился ближе к краю уступа, перетаскивая на себе еще два или три своих веса в виде копошащейся шубы из хнумов. Перекатился еще раз. Видимо, осознав нависшую над ними опасность, хнумы испуганно завизжали, но никто из них не отцепился от своей жертвы. Более того, новые человечки кинулись на подмогу своим товарищам.

Конана прижимали к поверхности уступа, суетливо опутывали веревками, чтобы этот большой человек не смог перекатиться еще раз, и Конан действительно не смог. Но он смог протиснуться к краю еще на какой-то черепаший шаг. И так пядь за пядью он протискивался вперед, протискивался, и...

Во все голоса завопили хнумы, Конан ощутил, как из-под тела ушла опора, ощутил, что летит...

– В лепешку ты не разбился, раз сидишь передо мною и кушаешь халву, – пронизательно подметил Симур.

– Ну да, – Конан запил сладкое кушанье вином, – не в лепешку. Слишком много хнумов повисло на мне. Получилась толстая живая шкура, смягчившая удар. Потому я и не убился – в отличие от хнумов, которые своими телами спасли мое тело. Правда, потрянуло меня будь здоров, так потрянуло, что я тотчас провалился в темный колодец беспомощности. А когда наконец очухался, то понял, что этим своим падением с уступа не многого добился. Лишь отсрочил неизбежную расправу.

Прежде чем открыть глаза, я прислушался. Вокруг шипели сотни голосов, словно я очутился в центре змеиного клубка. Удалось разобрать: «Не он... вор-р... не вор... отпус-ститъ... зачем он... кто он... проч-чь»...

Я раскрыл глаза и приподнял голову. Понятное дело, меня связали по рукам и ногам. Таким и поместили на каменное возвышение, которое запросто могло служить подземным людям алтарем для жертвоприношений. Находилось оно аккуратно под картиной. А весь зал был забит хнумами. Кишмя кишел хнумами. Некуда меч воткнуть – в хнума попадешь. Своих товарищей по пещерному переходу и равно по несчастью я нигде не увидел. Может быть, хнумы уже отправили их на Серые равнины, а меня оставили напоследок?

Создания продолжали скрежетать «наказ-затъ... он с-с ним... не с-с ним... спрос-с-ситъ... покаж-жетъ»... И тянули ко мне свои худые, черные от грязи, опутанные венами руки. Но ничего, чтобы можно было посчитать оружием, в их руках не было.

Поглядев, как я отправляю в рот этот кусок халвы, ты, Симур, можешь догадаться, что в жертву пещерным богам меня все-таки не принесли...

* * *

Плененный хнумами киммериец лежал в веревках, как в коконе. Похоже, карлики истратили на него весь свой веревочный запас. Конану представилось бессмысленным расходовать оставшееся у жизни время на мысли о том, как разорвать путы. Не разорвешь. Следовало искать иной путь. Например, потребовать встречи с местным королем, вождем – короче

говоря, с главным по пещерам и попробовать провести его, что-нибудь наврав, что-нибудь наобещав. Хотя бы просто потянуть разговорами время, а там, глядишь, и Ка'ан подоспеет на выручку...

Трудно сказать, как собирались поступить с Конаном хнумы, пока что они лишь перетаптывались и перешептывались, ничего не предпринимая. Но если и были у подземных человечков какие-то планы в отношении пленника, то эти планы были нарушены.

Сперва пещеру сотряс раскат грома... Но под землей грома не гремят. Тем более, одновременно прогрохотало в трех местах, в трех концах пещеры.

Потом послышался грохот осыпающихся камней. Зал, набитый хнумами, пришел в беспокойное движение, казалось, что зашевелилась, пошла тревожными волнами волосатая шкура великанского зверя. Хнумы громко и неразборчиво заголосили, их голоса слились в могучее шипение, словно на угли очага в кузнице богов выплеснули бочку воды. Ну а далее...

– Ха-ха, браво, брат! Ты оправдал мои надежды! – раздалось с верхней площадки, с той, на которой Конана взяли в плен.

Можно было и не задирать голову, чтобы понять, кто говорит. Говорил Ка'ан. Он стоял на краю уступа.

– Эти безмозглые уродцы приняли тебя за меня, – голос Ка'ан дрожал от злобного торжества. – На радостях, что в их ручонки угодила такая добыча, они все сбежались к своему убогому капищу. И теперь не выйдут отсюда никогда. А ты, ха-ха, останешься с ними. Я завалил камнями выходы из этого каменного мешка. Хорошая могила, брат. Глубокая. Достойная того, кто так на меня похож...

Конан набрал в легкие побольше воздуха, чтобы докричаться до своего чокнутого родственничка. Правда, перекрикивать многоголосое шипение не придется – едва Ка'ан заговорил, хнумы затихли, словно замороженные.

– Зачем тебе это надо, брат? – крикнул киммериец.

Ка'ан развел руки в стороны, и полы расстегнутого плаща взметнулись, как крылья черного ворона.

– Я, я и никто другой, стану властелином этого мира. Передо мною падут на колени все народы от севера до юга, от востока до запада и назовут меня своим повелителем. Мне принесут в дар все золото мира, все самые драгоценные камни, самых красивых женщин. Одно движение моего мизинца – и тысячи людей бросятся выполнять мои прихоти. Их единственным желанием станет желание угодить мне, задобрить меня. Только об этом будут их помыслы, от рассвета до заката. Мои изваяния в бронзе, в граните и в мраморе наводнят города этого мира, люди будут

слагать песни и баллады в мою честь, будут строить храмы моего имени, я стану их божеством. Он, этот рубин, подарит мне абсолютную власть!

– Тебе еще надо завладеть твоим рубином, – напомнил размечтавшемуся родственнику Конан.

– Я им завладел, несчастный глупец!

– Как же ты завладел, когда вот он, на месте? – Конан повернул голову, насколько позволяли веревки, и убедился, что волшебный камень пребывает там же, где он видел его в последний раз – в центре загадочной картины главной пещеры хнумов.

– Смотри же, мой неразумный брат!

Ка'ан отступил в сторону, и на край уступа двое завернутых в черное людей Ка'ана выволокли... арбалет – не арбалет, приспособление?... машину?... Короче говоря, некий предмет, представляющий собой металлическую трубу на невысокой, но массивной треноге. К одному концу трубы была приделана воронка.

«Откуда они взяли это чудовище?» – удивился Конан. Не иначе, его части лежали в заплечном мешке, где хранился запас факелов. А сейчас, уже на месте, люди Ка'ана собрали эту вещицу в единое целое.

Тем временем Ка'ан достал из-за пазухи мешочек, развязал узел на горловине и наклонил над воронкой. Из мешка в блестящий конус посыпался серый, похожий на пепел, порошок.

– Это называется орох Нор-Лого, – снизошел до пояснений Ка'ан. – Древний секрет его изготовления отдал мне маг Ротраг из Дальдома, пытаюсь тем самым сохранить себе жизнь. Как он мог поверить, что я стану делить знание с кем-то еще! Ну, разве тебе могу рассказать, ты уже не сумеешь воспользоваться им сам, не сумеешь передать знание никому из смертных. Чтобы приготовить орох Нор-Лого его нужно обойти шесть земель, в каждой из них найти особый минерал, которого нет больше нигде в мире. Собранные минералы в ночь, лишённую звезд, следует искрошить в ступе из смеющегося дерева и держать сорок лун в запаянном бочонке, опустив его на дно колодца в пустыне Гре-Иго. После чего ты получишь орох, и он сделает для тебя то, что не сделает и сотня отборных воинов. Именно благодаря заложенной в нем все сметающей силе я обрушил камни и завалил выходы из пещеры. И смотри, мой недалекий брат, что я сделаю сейчас!

Ка'ан завязал горловину мешка, щелкнул пальцами, что-то прошептал и на шаг отступил от своей чудной машины. А над воронкой за клубился белый дымок. В нем замелькали сиреневые искры. И вдруг бабахнуло так, что со стен посыпались мелкие камни. Загадочная труба вместе с треногой

подскочила, словно ее лягнула земля, на краю уступа сверкнула зеленая молния. Это с невиданной силой из трубы вылетела бронзовая стрела, по толщине превосходящая обычную раза в три, пронеслась над головами и вонзилась в колонну под самым рубином, уйдя в камень на треть своей длины. И только теперь Конан заметил, что к стреле привязана тонкая, похожая на серебряную, нить. Другой ее конец люди Ка'ана примотали к вбитому в камень кольцу, натянув нить так, что на ней, наверное, можно было исполнять заунывные, однозвучные мелодии. Однако ее использовали для другой цели.

Один из людей Ка'ана вдруг прыгнул с уступа. Но он не долетел до пола пещеры, что не так давно случилось с Конаном, а зацепился за нить крючком, который держал в руке, и плавно заскользил к колонне. За ним от уступа тянулась веревка, один конец которой был обмотан у него вокруг пояса.

Человек, одетый во все черное, проплывал над головами, а Конан кричал, взывая хнумов стрелять из луков, если они у них есть, хотя бы метать ножи или камни! Но пещерные человечки с того момента, когда машина Ка'ана выбросила бронзовую стрелу, словно превратились в соляные столбы. Одни хватались за голову и раскачивались, как в бреду, другие, открыв рот, смотрели за полетом черного человека. Кто-то из них садился на пол, накрывая голову руками.

Тем временем исполнитель воли Ка'ана достиг картины, уперся ногами в стену, вытащил из ножен короткий меч, ловко и быстро отковырял им рубин из верхушки колонны и махнул рукой. Его тут же за веревку потащили обратно. Едва ноги добытчика коснулись уступа, Ка'ан вырвал у него рубин и сжал в ладонях, словно пойманную птицу счастья. Конан со своего места не видел выражение лица родственничка, но мог предположить, что лицо того сочится прямо неземным блаженством. Наконец Ка'ан закончил любоваться рубином, спрятал ключ к власти над миром где-то в складках плаща и повернулся к Конану:

– А ты говорил, что я им не завладел! Ха-ха, вот видишь, как ты ошибался! Прощай, брат, я тороплюсь, мне не терпится завершить долгий и тернистый путь к цели триумфом моего ума и моего упорства. Да, сегодня великий день! Ах, вот еще... Хочу обрадовать тебя напоследок. Тебе с твоими чумазыми друзьями предстоит узнать, среди каких берегов текут подземные реки.

Произнеся эти странные слова, Ка'ан снова взял в руки мешок. С ним он прошел по уступу, остановился возле выдающегося из стены камня, насыпал горку своего похожего на пепел порошка, потом стал отступать,

продолжая сыпать порошок. Перед входом в подземный туннель, в котором уже скрылись его люди, Ка'ан выбросил опустевший мешок и взял факел. Поднес факел к каменному полу. Вспыхнул сиреневым огнем, задымился порошок под названием орох Нор-Лого. И побежала дорожка из сиреневых искр. А Ка'ан, оставив в пещере затихающий хохот, нырнул в черный провал туннеля.

Сиреневые всполохи добрались до горки ороха Нор-Лого. Вверх взметнулось облако белого дыма, словно от костра, в который бросили охапку сырого валежника. А потом уши заложило грохотом. Здоровенный валун вылетел из стены, как из катапульты, и рухнул на головы, став надгробием более чем для десятка хнумов. И хлынула вода. Холодный, прозрачный, сильный поток. Горная река, отыскала новое русло взамен надоевшему за сотни или тысячи лет пути, и теперь бурным, яростным водопадом заливала пещеру. Выходы из которой были завалены камнями.

Хнумы бросились кто куда. Кто по головам других хнумов, кто – на стены, стремясь забраться повыше.

– Развяжите меня, Кром вас подери! – надрывал связки Конан. – Я знаю, как спастись! Быстрее же, Нергал в ваши задницы!

Наконец некоторые из подземных человечков справились с охватившим их паническим ужасом, сообразили, что произошло, что происходит, и бросились распутывать узлы на веревках, не дающих Конану подняться.

– Режьте путы, остолопы! Резать надо, подземные ослы! Так проковыряетесь до второго водопада! – надсаживал горло варвар. – Ножам, камнями, саблями! Чем вы там режете всякую дрянь!

Видимо, Конан был услышан. Над головами хнумов поплыл, передаваемый из рук в руки, двуручник варвара. К тому времени, когда меч достиг несостоявшегося алтаря для жертвоприношений, пленнику уже освободили одну руку, и он сам в два счета живо dokonчил дело, наточенным лезвием вспорвал веревки.

Выпрямившись во весь своей немалый рост, Конан размахнулся и не жалея сил и стали плашмя врезал клинком по каменному возвышению, с которого только что поднялся. Звоном завибрировавшей стали и зычным покриком: «Слушай меня, Нергалово племя!» – он хотел заставить хнумов перестать метаться по пещере и повернуть головы в его сторону. Удалось.

– Слушай меня, если не хотите потонуть! Снимай свое хламье! Связывай в одну веревку, по ней мы поднимемся наверх!

А вода растекалась по полу, неумолимо затапливала пещеру.

– Ну что застыли, словно каменные бабы! – рывкнул киммериец. – Не

понятно?

Чтобы хнумы быстрее уразумели, что от них требуется, Конан сдернул с себя рубаху, потом схватил первого подвернувшегося под руку хнума, закинул на возвышение, вытряхнул его из вонючей, склизкой шкуры. Связал рубаху и шкуру прочным узлом.

– Вот так! Ясно?

Наконец-таки хнумы поняли замысел пленника. Они принялись стаскивать с себя одежды и связывать их между собой. Убедившись, что дело пошло, Конан закинул ножны за спину, спрыгнул с возвышения и двинулся к стене.

– Ну-ка, пусти, кротовое племя! Расступись! Но хнумы не расступились. Они сделали по-другому. Хнумы встали на четвереньки, разрешая Конану пройти по их спинам. Так северянин и поступил.

За то время, что киммериец шагал по спинам, хнумы соорудили веревку достаточной длины. Обвязав свободный конец вокруг пояса, варвар начал восхождение.

Для уроженца горной страны Киммерии забраться по пористой стене пещеры – пустяк, плевое дело, смешно говорить. Не более сотни раз бултыхнулось сердце в широкой груди северянина и он забрался на тот самый уступ, с которого с ним разговаривал Ка'ан. Ошибочку совершил коварный родственник – израсходовал весь свой орох Нор-Лого на новую дорогу для реки, а вход в туннель, по которому направился завоевывать мир, не завалил. А еще бахвалился своим несравненным умом...

В двух шагах от Конана с задорным журчанием низвергался водопад, сметая мелкие камни, пыль, грязь и паутину. Воды внизу уже набралось хнумам по колено. Пожалуй, не успеют прогореть факелы на стенах, как эта пещера превратится в озеро...

Варвар нашел наверху в полу узкую и глубокую щель, вонзил в нее меч так, что осталась одна рукоять. Отвязав от себя веревку, примотал ее конец к рукояти. Подергал – должно выдержать, веса в самом тяжелом хнуме не больше, чем в собаке.

– Забирайся! – приложил ладони ко рту Конан. – Живо! Чего ждете!

И наверх потянулась цепочка хнумов. Первыми они отправили женщин и детей. Затем стариков. И это плохо вязалось с образом злобных и подлых существ, какими их описывал Ка'ан... А обитатели пещер, наконец показавшие, что они вдобавок не безнадежно недогадливы, связали уже вторую веревку и приступили к третьей.

Конан втаскивал хнумов на уступ, крепил новые веревки, покрикивал, поторапливая, носился по уступу, как по полю жаркой сечи. А вода внизу

все прибывала. Она уже подбиралась к основанию колонны. Те хнумы, что ждали своей очереди ухватиться за веревку, вынуждены были искать укрытия на площадках и карнизах, а потом плыть туда, где свисают рукотворные канаты. Плавать подземные жители не умели, и некоторые так и не смогли преодолеть смешное расстояние в десяток человеческих гребков.

Да, не все хнумы спаслись... Но большинство все-таки выбралось на уступ и сейчас разбрелось по верхнему краю пещеры, скрылось в туннеле.

Когда снизу уже некого стало вытаскивать, только тогда Конан остановился. И почувствовал, что от всей этой заварухи несколько устал. Может быть, еще и сказывался спертый воздух подземелий. Киммериец опустил на плоский камень перевести дух.

А хнумы поднимали веревки, развязывали их, надевали мокрые шкуры. Киммерийцу вернули его рубаху.

Потом к Конану подошел человек с клочковатой седой бородой.

– Мое и-имя Убахч, я – стар-рейш-шина нар-рода хнумов, – проскрежетал он.

Выходит, есть у них свой правитель, очень любопытно.

– Ч-что ты хочеш-шь за спасение наш-шего народа? Мы можем провести тебя в пещ-щеру, где ты набереш-шь самоцветных камней, сколько пожелаеш-шь. Или хочеш-шь ж-желтого металла, который так л-любят люди с Верх-хней Земли?

– Я хочу найти того человека, что украл у вас рубин, и поговорить с ним на языке лязгающей стали, – вяло проговорил Конан. – И вряд ли вы в этом можете мне помочь...

– Мы мож-жем помочь, – сказал старейшина хнумов. – Е-если ты поднимеш-шься сейчас-с и пойдеш-шь за нами, ты окажеш-шься на-вер-рху ранын-ше плохого человека. Мы пр-ро-ведем те-ебя дорогами, которые знают только хнумы, иди за н-нами...

– А кто он такой? – хмуро спросил Конан.

– Никто не з-знает... Он колдун... он приш-шел из-з других земель, вместе с такими ж-же, оранж-жевоглаз-зыми, пятьдесят лет наз-зад, захватил Чзачж-ж-жигаран, ему нужен был наш-ш Светоч...

«Обманул, собака, все наизнанку вывернул», – мельком подумал Конан. И вспомнил, что только у богатых людей в городе, да еще у солдат оранжевые глаза, что все остальные униженно склоняются перед пришельцами, что «добрый правитель» весьма брезгливо отзывался о местных жителях... И северянин заскрежетал зубами.

– А зачем ему рубин?! Если камень такой всемогущий, почему вы сами

с его помощью не справились с этим уродом?!

– Мы не воины... – униженно потупился старейшина. – Тысяча Огней выполняет ж-жела-ние того, кто им владеет, – мы ж-же хотели только крас-соты и чис-стоты, и он давал их нам... И больш-шего нам было не надо, не надо... А теперь низ-зкий человек украл его...

– Тогда какие, к Нергалу, желтые камни! – усталость Конана как рукой сняло, он вскочил с камня. – Давайте ведите поскорее, демоны вас побери!

* * *

– Красиво, красиво, чтоб мне гнить на Серых Равнинах! – воскликнул Симум и набулькал себе еще вина. – Ты напрямую столкнулся с тем, что я называю измененным зрением... В мерзавце Ка'ане ты увидел благородного человека, а в грязных и уродливых хнумах не разглядел чистых и светлых душою существ... Такое бывает с каждым – все мы время от времени видим только внешнюю оболочку, не обращая внимания на внутреннюю сущность... Ну, продолжай, продолжай...

* * *

Эти дороги забирали вверх гораздо круче, чем те тропы, по которым спускался под землю отряд под предводительством Ка'ана. Правда, и тесны они были до крайности. Конан сам себе удивлялся, как он все-таки протискивается по этим узкими лазам, как еще не застрял. Но все бока, конечно, ободрал до крови. Да и плевать! Новая кожа вырастет, никуда не денется, ради скорого свидания с дорогим родственничком можно и потерпеть...

Хнумы, даже старейшина, передвигались по туннелям, понятное дело, ловко и юрко, не поспеешь за ними. Поэтому подземным жителям, а их отправилось сопровождать бывшего пленника около трех десятков, приходилось поджидать большого человека на подземных перекрестках.

И вот потянуло долгожданной свежестью. Показался просвет. Протиснувшись уж в совсем узкую щель, Конан выбрался под дневной свет.

Он сразу же узнал место. Вон там, слева, они заходили в подземелья... Хнумы остались внутри, они опасливо поглядывали на границу света и тени.

– Он в-выйдет оттуда, – махнул рукой старейшина по имени Убахч.

На руку хнума попал солнечный луч, и грязная кожа вмиг покрылась пузырями. Старейшина зашипел от боли. А перестав шипеть и трясти рукой, Убахч оскалил рот в гнилозубой улыбке:

– Ты не плох-хой человек, ты хорош-ший человек.

Конан в ответ только хмыкнул и двинулся к месту встречи с почти готовым властелином мира. Через несколько шагов киммериец обернулся. Глаза хнумов светились во мраке пещеры.

– Далеко не убегайте, подземельцы! Глядишь, и рубин назад получите...

Варвар устроился на травянистом пригорке сбоку от выхода из подземелий, положил ножны на колени. В ожидании часа свидания с родственничком он наслаждался солнечным светом и теплом, жалел хнумов, которые лишены всей этой благодати – более того, как выяснилось, она их просто убивала. И Конан думал.

Думал северянин о том, что самое дорогое для Ка'ана, бесспорно, рубин, в котором заключена власть над миром. Значит, нет более никаких загадок: чтобы окончательно избавиться от проклятья Бела, следует всего-навсего украсть у Ка'ана рубин.

Конану не долго пришлось упиваться отдыхом в одиночестве. Вскоре до него донесся гулкий топот ног, шорох камней, потрескивание горящих факелов...

Они цепочкой покидали полукружье пещерного входа и сразу же бросали на землю бесполезные факелы. Варвара они увидели не сразу – только тогда, когда Конан, отбросив пустые ножны, сбежал с пригорка им навстречу.

– Что, братик, думал уже не свидимся?

Семеро («А где еще двое? Погибли в подземных стычках с хнумами, которые все-таки оставались вне главной пещеры?») оранжевоглазых слуг Ка'ана молча и слаженно выстроились полукругом, заслонив собой хозяина. Разумеется, достали из ножен свои короткие широкие мечи.

Конан не тратил времени на разговоры, уговоры или запугивания. Хоть былое мужество и не вернулось пока к нему в полной мере, но силы варвара утраивала яростная злость – злость на самого себя, на то, что его так просто, быстро и подло обманули... А поскольку короткие мечи, рассчитанные на подземные поединки с хнумами, здесь, на поверхности,

значительно уступали в боевом отношении его длинному двуручнику, то не имеют его враги никаких преимуществ – сколько бы врагов там ни было. И киммериец налетел на оранжевоглазых, как дракон на деревню.

Надо отдать должное слугам Ка'ана: никто из них не дрогнул – хотя вряд ли им часто доводилось иметь дело со столь неудержимым и умелым противником. С воином, который размахивал, рубил, кромсал, колол тяжелым мечом так легко, словно тот был выструган из легкой деревяшки. С воином, который никакого внимания не обращал на порезы и уколы. С воином, лицо которого выражало готовность идти до конца – живым или мертвым добраться до хозяина этих, одетых в черное людей, сметя этих людей со своего пути.

И вот последний из слуг властелина мира рухнул со страшной раной в груди. Конан убрал живую стену между собой и своим родственником. Теперь никто не мешал им выяснить отношения между собой.

Как ни скоротечна была схватка варвара с семеркой верных слуг, Ка'ан успел за это время подготовиться к поединку. На песке у его ног валялся пустой флакон, а ладони Ка'ана были вымазаны зеленой мазью и походили на жабы лапы. Он что-то прошептал, свел ладони вместе, потом хлопнул в них, развел в стороны и...

По глазам Конана ударила вспышка изумрудного света, между ладонями Ка'ана засверкали изумрудные молнии и перед Ка'аном возникла фигура. Прозрачно-зеленая фигура воина. Воина без лица, но с четырьмя кривыми саблями в четырех руках. И этот зеленый призрак завращал саблями, как мельница крыльями.

Конан не полез безрассудно на нежданного врага. Наоборот – отступил на несколько шагов назад. И как выяснилось, правильно поступил. Одна из прозрачно-изумрудных сабель задела выступ скалы и оставила в нем глубокий, черный разрез с обугленными краями. Впору благодарить Бела, отнявшего мужество, – иначе варвар точно бы попал под эту демонскую сабельку.

Зеленый воин молотил саблями как заведенный. Чувствовалось, что ему лично все равно – рубит он воздух, камни или живую плоть. Мозгов-то нету, он всего лишь кукла в руках этого недоделанного колдунишки, куда колдунишка поворачивал ладони, туда поворачивался и он. Ну а что нужно Ка'ану? Доковылять под защитой зеленого урода до захваченного дворца, произнести необходимые заклинания и заполучить владычество над народами, населяющими этот мир?

Скрещивать меч с оружием этого изумрудного отродья Конан не считал разумным – перережут его меч, как тростник, вот и вся польза.

Пока что киммериец просто пятился. И что дальше? Так пятиться до самого замка Ка'ана? А это и нужно Ка'ану, он может себе позволить особо не спешить. Столько лет ждал владычества над миром – можно подождать еще лишний часок...

Но воин на то и воин, чтобы не теряться и не сдаваться, а искать обходные пути. Пятясь, во второй раз за сегодняшний день Конан стянул с себя рубаху, уже изрядно ободранную. И скрутил ее рукава в жгуты. Получилась праща. А камней вокруг хватало. Конан подобрал пять камней, каждый размером с его кулак, и все пять заправил в пращу.

Ка'ана, похоже, не сильно обеспокоили ухищрения противника. Он размеренно продвигался вперед, всецело полагаясь на непобедимость и неуязвимость своего прозрачного четверорукого слуги.

Конан раскрутил пращу. И метнул разом пять камней.

Зеленый воин показал себя во всей красе: четыре камня одновременным взмахом четырех своих сабель он разрубил в полете. Ну а пятый камень, пролетев сквозь прозрачного ратоборца, угодил Ка'ану в лоб.

Колдун покачнулся, остановился, на миг опустил руки. Этого хватило. Порвалась связующая нить между хозяином и слугой. Зеленый воин, нежданно обретя свободу, пошагал вперед сам по себе. Конан отступил в сторону, пропуская опасного призрака, бесцельно помахивающего саблями. Прозрачно-изумрудное порождение черного колдовства стало взбираться в гору. С каждым шагом зеленый воин заметно тускнел. Скоро ему предстоит и вовсе растаять, будто и не было его...

Тем временем Ка'ан пришел в себя.

– Проклятый недоносок! – взревел он. – Ты думаешь, безумец, что сможешь одолеть меня?!

Конан не успел добраться до Ка'ана и угомонить его навсегда ударом двуручного меча. Раньше этого Ка'ан вытряхнул из рукава некий темный круглый предмет размером с монету и проглотил.

Черное облако взметнулось вверх и в стороны, словно пыль из-под копыта исполинского скакуна. Это заставило Конана отскочить назад. А на том месте, где стоял Ка'ан, колдунишки уже не было. Рассеявшееся черное облако открыло взгляду Конану нечто иное и гораздо менее привлекательное: мохнатую паучью тушу, размером с лошадь, покачивающуюся на щетинистых лапах. Быстро-быстро сновали в нетерпении продольные и поперечные жвала, антрацитами блестели на брюхе маленькие злобные глазенки.

– Вот ты что удумал, родственничек! – Конан поднял меч, изготовившись к битве. Более отступить он не собирался. – Так тебе,

кстати, больше идет...

Паук Ка'ан не стал надолго откладывать расправу. Правда, против ожиданий варвара, чудовище не бросилось на него, а осталось на месте – но из пасти вылетела серая струя. Конан едва увернулся, для этого ему пришлось упасть и перекатиться. А там, куда попала слюна, задымилась, шипя, земля, оттуда донесло едкую вонь.

Если принять его условия битвы, то рано или поздно паук добьется своего. Уворачиваться от его слюны до бесконечности не удастся. Так подумал Конан и бросился на паука. Единственная возможность победить и не дать твари использовать ядовитую жидкость – слиться с тварью в одно целое.

Итак, Конан бросился вперед. Он резко вильнул вбок и избежал еще одного выброса слюны. А потом проскочил между лапами, подпрыгнул, вцепился в черный паучий волос – где-то совсем рядом щелкнули жвала – и забросил себя на паука.

Тварь заметалась. Дотянуться лапами до дерзкого человечешки паук не мог, поливать себя ядом не стал, а побежал к отвесу скалы, чтобы раздавить об него двуногую мелочь.

Держась за жесткий волос одной рукой, второй Конан отвел меч и всадил его по самую рукоять в паучью тушу. Тварь пронзительно завизжала, остановилась, подогнула лапы с одной стороны, явно намереваясь извернуться и размазать человечешку по земле. Но проворства паучку заметно не доставало. И в тот момент, когда чудовище готовилось навалиться на него всем своим весом, Конан отпустил волос, спрыгнул на землю, откатился, вскочил и, не давая твари опомниться, принялся рубить членистые лапы, как молодой лес.

Его заливала липкая, серая слизь, ее запах доводил до тошноты, уши закладывал несмолкающий визг.

Конан рубил щетинистые лапы без устали, а когда тварь завалилась на бок, принялся всаживать меч в мохнатую тушу. Без остановки и без всякой жалости: воткнул-выдернул, воткнул-выдернул.

Он остановился только тогда, когда вновь взметнулось черное облако, окутало и Конана и паучью тушу...

– Ну, вот и все, закончилась твое владычество над миром, – Конан отер пот со лба. Не было больше паука. Перед киммерийцем бездвижно лежал побежденный Ка'ан. Отброшенная в сторону рука колдуна сжимала рубин. Лицо мертвеца застыло в гримасе недоумения.

– Отдай. Не твое, – Конан выдрал из пальцев Ка'ана святыню хнумов.

Надо успеть вернуть рубин исконным хозяевам. Ведь он выполнил

последнее условие Бела – отнял самое дорогое у третьего своего родственника.

Теперь бог воров, если он не обманщик, должен вернуть ему мужество и вернуть самого Конана в его мир. Варвар боялся не успеть, поэтому, не доходя до пещеры, во мраке которой различал силуэты маленьких подземных обитателей, кинул рубин издалика.

Рубин докатился до хнумов, а до Конана долетел взрыв радостных криков, похожих на шипение только что откупоренной бутылки игристого вина. Варвар улыбнулся. Пусть хоть такой пустяк скрасит праздником их унылую подземную жизнь...

Но где же Бел? Пора бы уж!

Ничего не происходило. И тут Конан услышал позади себя слабый стон. Он обернулся. Неужели Ка'ан еще жив? Конан быстро вернулся к побежденному колдуну. Да, тот был еще жив.

– Достань... – с трудом размыкая губы, шептал поверженный властитель мира, – из плаща... похож на уголь... Разбей... о камни... Там жизнь... Там внутри... застывшая капля... живой воды... Дай мне... Дай... Я сделаю тебя... королем... мира... Я стану... твоим... слугой... Дай... жизнь... мне. Брат...

Конан присел возле него на корточки и тихо спросил:

– А зачем? Чтобы все началось с начала? Ты не прекратишь охоту за рубином, потому что ты не откажешься от мечты о господстве над миром. И в жертву сжигающему тебя желанию власти ты принесешь чьи-то новые жизни. В первую очередь мою.

– Брат... Мы вдвоем... мы поделим... – едва шевелил губами Ка'ан.

– Да не надо мне твоего мирового господства. И вообще, без него всем гораздо лучше живется.

Ка'ан неумолимо уходил прочь, вставал на дорогу теней, он понял это, как понял бесполезность уговоров и заманчивых предложений. И у него нашлись силы на последние слова. Слова проклятья.

– Знай же ты, недоумок и никчемный человечешко! – казалось, вместе со слюной губы Ка'ан выплевывают яд. – Я вернусь... Пусть в другом обличье... Я убью тебя! Я сгною тебя в муках... В невыносимых... В жутких... Жить...

Черная душа покинула тело Ка'ана и, покидая, изогнула его в чудовищных конвульсиях. Брошенная душой телесная оболочка осталась лежать на камнях рядом с входом в подземелья.

И вдруг... Казалось, весь песок этой далекой земли, взвился ввысь и смерчем закружился вокруг киммерийца. Но почему-то... почему-то песок

тот был крупнее обычного и не белого цвета, как здешний, а золотого. Да это и был золотой песок! Вокруг, в бешеном вихре, кружились крупинки золота! Да вдобавок вперемешку с крупинками серебра!!!

В тот момент, когда в вихре из ничего соткалась фигура в белом плаще, Конан понял, что не рубин был самым дорогим для Ка'ан, а его жизнь. И эту жизнь варвар у него украл.

Фигура та была крупнее человеческой раза в два, она парила в воздухе. Под белым плащом можно было разглядеть обшарпанные железные доспехи с многочисленными вмятинами. Да и сам плащ не отличала безукоризненная белизна, его покрывали красные точки, очень похожие на кровь. Человеческое туловище же гиганта украшала головы лисицы. Крупной лисицы. Такой крупной, каких на свете не бывает.

Когда Бел (а Конан уже не сомневался, что это именно он) заговорил, песчинки застыли в воздухе, словно приклеившись к нему.

– Молодец. Ты доставил мне удовольствие. – Голос бога, умевшего (впрочем, как и остальные небожители) принимать любое обличье, звенел над головой Конана, как храмовые колокола. – Ты развлек меня, ты развлек бога. Мне было любопытно наблюдать за тобой. Я прощаю тебя. Возвращайся...

Вихрь закрутился снова, замутняя фигуру, скрывая ее. И скрыл совершенно. И только хохот бога воров не смолкал, а, напротив, становился все громче и громче. И этот хохот осязаемо кружился вместе с золотым и серебряным песком. А вихрь становился все безудержнее. Голова пошла кругом. Конану показалось, что вихрь подхватил его, смешал с песчинками. Головокружение превратило окружающий мир в сверкающие полосы. И мир пропал...

Конан очнулся на тюфяке в своей комнате на втором этаже трактира «Кровавые кони». Голова была тяжела, словно после славной попойки. Но память работала безотказно. Киммериец без напряжения вспомнил все свои приключения. Вспомнил до последней детали, до каждого слова.

Перед глазами пробежала история его странствий: незнакомец, предложивший выкрасть посох, кража, ночная стычка в переулке, первая встреча с Белом, слепцы, джаданы, хнумы, последнее явление Бела. Как же долго он бродил по неведомым мирам?

Конан подошел к окну. На улицах Шадизара шумела веселая утренняя толпа. Чересчур веселая и слишком пестрая. Мимо трактира в сторону площади жрецы пронесли чучело Митры (или символ урожая). Конан припомнил, что он отправился к развалинам монастыря как раз в ночь накануне праздника Весеннего пробуждения Ашгорех. Раз в сторону

площади жрецы пронесли чучело Митры... выходит, сегодня первый день праздника. Получается, Конан отсутствовал всего лишь одну ночь. Разве может быть такое?..

Головокружение заставило Конана вернуться на тюфяк. Разве могла вся эта история с ним произойти наяву, если прошла всего одна ночь? А вдруг ничего не было, а просто он сходит с ума?

* * *

– Ага, – Симур откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. – И вот с тех пор ты ходишь сам не свой. Вернее, ходил... Но ты посмотри на себя. Ты уже не тот человек, которого я встретил вчера днем на питейном состязании. Ты уже ожил, стал похож на нормального человека. Вот как важно бывает просто выговориться перед кем-то.- Он наставительно поднял палец.

– Если все держишь в себе и в одиночку пережевываешь свои горькие мысли, словно корова – траву, то разум может и не выдержать, как иногда плохая бочка не выдерживает напора перебродившей браги. Так что мы уже кое-чего добились.

Отхлебнув из чаши, Симур продолжил:

– Теперь о главном. Не есть ли рассказанная тобою история – плод охваченного некой болезнью рассудка, или долгий сон, схожий с явью, или наваждение, насланное неким магом? Ни то, ни другое и ни третье. А четвертое. То есть все это было на самом деле.

– Откуда тебе это известно? – недоверчиво ухмыльнулся Конан.

– Да из твоих рассказов. Начну по порядку. Почему не сон? Да потому что не бывает таких логич... таких связных, внятных, четких, продуманных снов. Даже длительные сновидения, навеваемые черным лотосом или иными будоражащими фантазию травами, отличаются бессвязностью и огромным количеством нелепостей. Значит, это был не сон.

Симур взбодрился новым глотком.

– Почему не помутнение рассудка? Потому что не бывает мгновенных помутнений рассудка, уж поверь мне. Это происходит постепенно, по каплям, по чуть-чуть. А так чтобы вдруг да ум за разум зашел, как камень на голову, да еще в твоём возрасте... Не-ет, история таких примеров не знает...

Симур вновь отвлекся на глоток.

– Почему не наваждение, насланное колдуном? Тут сложнее. Но и с этим понятно. Ни один колдун не стал бы впутывать в свои придумки богов. Зачем впутывать, когда можно обойтись и без этого? А ну как богу не понравится, что его во что-то впутывают, а ну как бог осерчает? Ни один маг, хоть каким он ни был бы могучим, не устоит против гнева богов. Поэтому на всякий случай и связываться не станет.

Симур отщипнул виноградину и закинул в рот. Поморщился и продолжил:

– Вот поэтому случившееся с тобой и произошло на самом деле – потому что не могло произойти никак по-другому. И ты на самом деле лихо выпутался из передраги, в которой любой другой увяз бы, как муха в паутине. Прости уж, что напомнил тебе о пауках... В общем, я всегда подозревал, что Бел не самый глупый бог в нашем мире. Вера, любовь, жизнь – что еще может быть главнее для всех людей во всех мирах? Ничего. И тебе наглядно показали, что власть, деньги, слава, женщины, спокойная жизнь – все это брызги воды фонтана по сравнению с самим гранитным фонтаном: вера, любовь, жизнь... И ты понял самую главную тайну существования, то, на чем зиждется наше бытие... В общем, все позади, ты можешь скомкать и выбросить свои переживания и порадовать себя последними мгновениями уходящего праздника. Да ты и так уже идешь на поправку!

Симур отщипнул еще одну виноградинку, обмакнул ее в вино и отправил в рот.

– Ты обратил внимание, как на тебя сейчас смотрят женщины? Видел, какими взглядами они провожали тебя, когда мы шли по «Розовым льдинкам»? Вчера они отшатывались от тебя, как рт больного проказой. Они пугались твоего свирепого лица, взгляда, направленного не на них, а сквозь них, нездорового блеска твоих глаз. Пошла бы какая-нибудь из них с тобой вчера? Да ни за что! Мало ли что ты выкинешь, зачем подвергать себя опасности?..

– А я вот что подумал, – неожиданно сказал Конан. – Вот тот старик, с которого все и началось, ну, который попросил меня украсть для него посох Бела... Он что, тоже был мной? Моим двойником из какого-нибудь другого мира?

– Разумеется, – преспокойно ответил Симур. – Ты еще этого не понял? Бел играет. И игра его не прекратится никогда, ни в одном из миров, ни в одном из времен... В сущности, вся наша жизнь – это игра Бела. Но тебе, Конан из Киммерии, повезло – ты узнал о ней, о жизни, то, что вряд ли

узнают все остальные мужчины и женщины всех созданных богами миров...

Откинулась розовая занавеска, на миг приоткрыв вид на бархатные диванчики и раскинувшихся на них красавиц в прозрачном розовом шелке. Вошла Локиния.

– А они все о том же! Сколько можно говорить о женщинах? Мужчины вы, или коровий хвост? Между прочим, о господин моего сердца, – она обняла Симура за плечи, – у меня есть немного свободного времени... А что касается тебя, голубоглазый, то девочки уже извели меня расспросами, будет этот варвар кого-то выбирать, или ему интереснее вино и халва...

– И как ты ее терпишь, Сатур! – хмыкнул Конан. – У нее же не язык, а ядовитый кинжал. Кстати, об оружии. А свободна ли амазонка? Господин твоего сердца рассказывал мне о женщине-воительнице, об одной из жемчужин твоего заведения...

– Свободна, свободна. Но она женщина страстная, варвар, – предупредила Локиния. – Может быть, подобрать тебе кого поспокойнее?

Конан поднялся из кресла, потянулся, как барс перед прыжком.

– Поспокойнее, говоришь? Не-ет уж! Нам, варварам, покой не нужен...

